

ПРАВОСЛАВІЕ

У

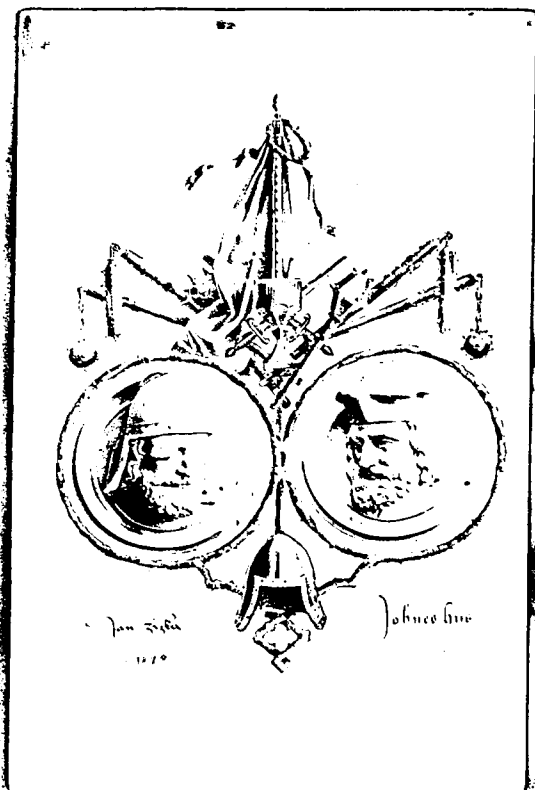
ЧЕХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Евгенія Посикова.

МОСКВА.

1848.

188

161

ПРАВОСЛАВІЕ

У

ЖЕХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Евгенія Жовикова.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ:

1848.

По опредѣленію Общества. Москва. Апрѣля 24-го, 1848 года.
Секретарь О. Бодяискій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

2007098096

ПРАВОСЛАВІЕ

у

ЧЕХОВЪ.

Въ 7 № Чтеній за 1848 годъ, въ отдѣлѣ Смѣси, помѣщена статья г. Елагина: «Объ Исторіи Чехіи, Франца Палацкаго.» Сочинитель начинается съ бѣлаго очерка возрожденія Чешскаго языка и Словесности въ новѣйшее время, потомъ переходитъ къ обзорнію ученыхъ трудовъ г. Палацкаго. Отдавъ должную справедливость великимъ заслугамъ Чешскаго исторіографа, его обширному аналитическому таланту и добросовѣстности изслѣдованій, онъ останавливается преимущественно на его Исторіи Чехіи, или, лучше сказать, на четырехъ строкахъ ея третьяго тома. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ четырехъ строкахъ рѣшается одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ самыхъ загадочныхъ вопросовъ Славянскаго міра, а именно, о судьбѣ Православія въ Чехіи.

Многіе ли, скажемъ словами г. Елагина, многіе ли и въ наше время имѣютъ понятіе о Чехахъ, какъ о народѣ, принадлежащемъ къ великой Славянской семьѣ? Кому извѣстна дивная судьба этого племени, какъ будто Провидѣніемъ назначеннаго искупить страданіями жизни своей какое-то невѣдомое согрѣшеніе? Конечно, каждому историческому народу суждено положить свой участокъ въ великую книгу страданій падшаго Адама; но Чехи преимущественно предъ другими оросили слезами и кровію лучшія страницы исторіи Чехіи, какою видимъ ее теперь, есть обширная могила знаменитыхъ лицъ и событій, погребенныхъ со славою на кладбищѣ всемірнаго дѣписанія. Въ этой обители мира она спитъ до сихъ поръ тяжелымъ сномъ, навѣяннымъ на нее бурными вѣками ея протекшей жизни, истощившей ея духовныя

силы. Но за 400 лѣтъ тамъ разыгрывалась высоко торжественная драма жизни народа въ цвѣтущую пору его зрѣлаго мужества; на Константиномъ Соборѣ рѣшалась задача всего прошедшаго и будущаго великаго племени, и Европа съ любопытствомъ слѣдила за изумительнымъ единоборствомъ воинственной горсти съ соединенными силами цѣлаго Запада. И всѣ вѣянія явленія объясняются удовлетворительно только присутствіемъ Православной стихіи.

Вопросъ, рѣшаемый г. Елагиннымъ, слѣдующій: опредѣлить степень сочувствія Чеховъ въ ихъ исторической жизни къ Грековосточному Православію. Онъ не беретъ рѣшить его окончательно и безусловно, а смотритъ на него, по скольку пмѣетъ къ нему отношеніе Исторія Палацкаго. Это умное, дѣльное ей возраженіе. Вообще, статья его, какъ впервые на Русскомъ языкѣ *печатно* высказанное мнѣніе о непрерывности Грековосточныхъ преданій въ Чехіи отъ Св. Меодія до Гуса и далѣе, заслуживаетъ живѣйшее участіе читающей публики. Посвятивши подробное изученіе тому же вопросу Славянской Исторіи, и вполне убѣдившись въ Православномъ характерѣ антикатолическаго движенія въ Чешскомъ народѣ, и съ большимъ удовольствіемъ читалъ подтвержденіе собственной мысли въ прекрасномъ трудѣ г. Елагина. Считаю долгомъ, съ своей стороны, предложить нѣсколько замѣчаній для повѣрки сказаннаго и дополненія недостающаго.

На 157 стр. третьяго тома Исторіи Чехіи Палацкій, по видимому, отвергаетъ всякое вліяніе Грекославянскихъ преданій на религіозное развитіе Чеховъ. Повторяю слова его: «Первыя движенія Церкви Чешской, непосредственно связанныя съ послѣдующими событіями, и, безъ сомнѣнія, еще вполне принадлежащія области Католицизма, восходятъ гораздо дальше въ старину, чѣмъ полагають обыкновенно. Неосновательно, кажется, *впротѣмъ*, показаніе *позднѣйшихъ писателей* «о какомъ-то мнимо-пресмтвенномъ сохраненіи въ Чешскомъ народѣ «отъ столѣтія въ столѣтіе Грекославянскихъ преданій; мы нигдѣ не «могли замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ его.» Кого разумѣетъ Палацкій подъ именемъ позднѣйшихъ писателей? — Г. Елагинъ приводитъ Коменскаго и другихъ безыменныхъ сочинителей книги: О тяжкихъ страданіяхъ Церкви Чешской, Ланфана, и нѣсколькихъ Нѣмецкихъ ученыхъ, мечтавшихъ о близкой связи между Чешской и Греческой Церковію ¹. Отдавая на жертву Цитте и Шрёка, онъ всею

¹ Г. Елагинъ, кажется, смѣшиваетъ здѣсь первоначальные источники съ историческими пособиями. Ланфанъ никогда безусловно не принималъ преемствен-

силою своего убѣжденія защищаетъ Гуситскихъ Писателей XVII столѣтія. Мнѣніе Палацкаго онъ считаетъ какъ бы посягательствомъ на честь цѣлаго народа, затронутую въ лицѣ благороднѣйшихъ его представителей. Отстоятъ достоинство и правдивость показаній Чешскихъ изгнанниковъ, которые въ XVI и XVII стол. глубоко вѣрили въ духовное братство своего народа съ Православною Церковію—вотъ главная мысль г. Елагина. Его разсужденіе столько же критика на Исторію Палацкаго, сколько панегирикъ Гуситскимъ писателямъ. Посмотримъ на это первое отношеніе, и постараемся, сколько возможно, помирить его взглядъ съ *Исторіей Чехіи*.

Г. Елагинъ даетъ полную вѣру показаніямъ Гуситовъ, во первыхъ, на томъ основаніи, что они не могли не знать истины, пользуясь устнымъ преданіемъ и богатыми книгохранилищами, которыя были еще цѣлы въ XVI в., а нынѣ утратились, истребленные систематическимъ изувѣрствомъ Іезуитовъ. Потомъ, допуская возможность заблужденія съ ихъ стороны, тѣмъ не менѣе упрекаетъ Палацкаго въ томъ, что онъ, посвятившій подробное изученіе Гайковой лѣтописи, не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и даже не счелъ нужнымъ опровергать ихъ.—Дѣйствительно, Чешскій народъ, живя почти исключительно духовною жизнію отъ Гуса до битвы на Бѣлой Горѣ, успѣлъ въ Богословской Литтературѣ своей накопить богатые опыты двухвѣковаго существованія. Если всѣ этѣ сокровища Чешской письмен-

ности Грековосточныхъ преданій въ Чехіи, а только оспаривалъ мнѣніе Латинскихъ Писателей, что Римская Вѣра со всѣми своими обрядами непоколебимо стояла въ этой странѣ до самаго Гуса. Онъ раздѣляетъ Церковную Исторію Чехіи на 4 періода: 1) Греческій, отъ IX до исхода X вѣка; 2) Латногреческій, въ XI и XII; 3) до Гуса, ознаменованный попытками его трехъ предшественниковъ *преобразовать Латинскую Вѣру*; 4) Гуситскій. Въ Гусѣ онъ видитъ неразвившагося Протестанта. Новѣйшіе Нѣмецкіе писатели, болышею частію, отвергаютъ всякую связь между Греческой и Чешской Церковію. Но есть и въ Германіи отрадныя явленія ученыхъ, которые возвращаются къ истинному взгляду на Церковныя движенія Чехіи. Таковъ Кёппенъ въ своей прекрасной монографіи о Церковномъ устройствѣ общины Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ. Въ самой Чехіи въ XVIII ст. уже не было слышно ни одного голоса въ пользу Греческой Церкви. Добровскій до послѣднихъ лѣтъ жизни отвергалъ Славянскую Литургію въ Чехіи. Добнеръ защищалъ ее, но также, какъ Бальбинъ, съ сохраненіемъ въ силѣ Латинскихъ обрядовъ. Корнова въ своихъ замѣчаніяхъ на Странскаго считаетъ мысль о Греческомъ исповѣданіи въ Чехіи чистымъ вымысломъ Гуситовъ.

ности были доступны Гуситскимъ писателямъ конца XVI и начала XVII столѣтія, то мнѣнія ихъ получаютъ тѣмъ самымъ необыкновенную важность. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Г. Елагинъ указываетъ на Амоса Коменскаго и безыменныхъ его сотрудниковъ. Онъ выбралъ именно самыхъ бѣдныхъ писателей въ отношеніи къ богатству данныхъ и къ исторической критикѣ. Преданіе устное сохранилось у нихъ, большею частію, только въ скудныхъ, безсвязныхъ отрывкахъ; въ первобытной Исторіи Чехін они цѣлыя столѣтія проходятъ въ совершенномъ молчаніи. Письменныхъ памятниковъ было у нихъ подъ руками еще меньше, когда они видѣли необходимость прибѣгать къ баснословному Гайкѣ. Даже лѣтопись Козьмы была неизвѣстна Коменскому ². Извѣстіе о важныхъ переговорахъ Короля Вратислава съ Григоріемъ VIII о возвращеніи Слѣвянскаго языка при Богослуженіи заимствовано имъ прямо изъ Хроникъ Гайка. Извѣстіе о первомъ поселеніи Вальденцевъ въ Чехіи, важное особенно по тому, что оно единственное во всей Исторіи, взято Странскимъ, другимъ Гуситскимъ Писателемъ, изъ того же источника ³. Все крещеніе Чешской земли у Коменскаго извлечено въ сокращеніи изъ Исторіи Дубравскаго, который въ Чешской исторіографіи раздѣляетъ съ Гайкомъ славу безстыднаго и умышеннаго искаженія истины. Изгнанники Чешскіе писали въ то время, когда, съ одной стороны, преданія древности уже утратили первоначальную чистоту подъ перомъ писателей неблагонамѣренныхъ, съ другой не всходили еще и первые лучи возсоздающей критики въ ученomъ трудѣ патріота Бальбина. Вотъ два отношенія, которыми вполне опредѣляется степень ихъ достовѣрности. Гонимые, страдающіе, они не могли имѣть подъ руками тѣхъ важныхъ источниковъ, которые были еще цѣлы въ XVI вѣкѣ, но не для нихъ, а покажались спокойно привилегированной кастой Іезуитовъ. Гдѣ же *исопровержимыя доказательства, которыми они подкрѣпили свои показанія?* Сочинитель статьи объ Исторіи Чехін ни гдѣ не приводитъ ихъ, а всѣ доводы въ пользу своего мнѣнія заим-

² Потому что извѣстіе о запрещеніи Греческой Литургіи въ Чехіи при Болеславѣ II заимствовано не изъ Панской Буллы, помѣщенной у Козьмы, а прямо переписано изъ Исторіи Дубравскаго.

³ Палацкій въ оцѣнкѣ старинныхъ Чешскихъ историковъ причисляетъ его къ Гайковой школѣ. Но важные факты, передаваемые имъ съ указаніемъ на источники, теперь уже утраченные, даютъ его показаніямъ если не историческую значительность, то, по крайнѣй мѣрѣ, необыкновенную занимательность.

ствуешь изъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ источниковъ, принадлежащихъ Католикамъ и Протестантамъ. А потому, по всей справедливости, Гуситскіе Писатели XVI и XVII стол. заслуживали меньше вниманія, нежели Гаекъ, безсмысленный, но ученый и изумительный богатствомъ своихъ матеріаловъ.

Во вторыхъ, показанія Гуситскихъ Писателей, продолжаетъ г. Елагинъ «потому особенно важны, что, будучи уже Протестантами, они «не имѣли никакой причины объяснять церковныя волненія Чехіи «прямымъ вліяніемъ Восточнаго Каѳоличества, кромѣ уваженія къ убѣжденію своихъ отцевъ и дѣдовъ.» Да тѣ изъ Гуситскихъ писателей, которые стали подъ знамена Протестантизма, и не думали вовсе ссылаться на Восточную Церковь при объясненіи религіознаго вопроса въ своемъ очечествѣ. Они крѣпко держались вѣроученія Лютера, и смотрѣли на Грековъ, какъ на отщепенцевъ отъ Апостольскаго исповѣданія Вѣры, исключая немногихъ учений, въ которыхъ сходились они съ Восточною Церковію. Такъ именно смотрѣли на религіозныя волненія Чехіи сочинители книги О тяжкихъ страданіяхъ, въ которой г. Елагинъ напрасно отыскиваетъ прямые указанія на Грековосточное Православіе. Они сочувствовали Грекамъ только въ общей ненависти и тѣхъ и другихъ къ Папству и Церкви Латинской—вопросъ историческій. Отрицаніе Папы, какъ Верховной Главы Христіанства, вотъ великая точка соприкосновенія, вѣчно дружившая послѣдователей Лютеровой доктрины съ духовными чадами Церкви Грекороссійской. Самъ Лютеръ съ похвалою отзывался о *Москвитянахъ и Бѣлоруссахъ*, которые, по мнѣнію его, потому только не соглашались на соединеніе съ Римомъ, что соблазнялись этимъ мнимымъ первенствомъ Епископа Римскаго ⁴. Когда получила начало знаменитая Унія, Князь Константиныи Константиновичъ Острожскій немедленно вступилъ съ Протестантскими сектами въ Польшѣ: Чешскими Братьями, Лютеранами и Кальвинистами, въ важные переговоры, имѣвшіе цѣлію соединеніе ихъ съ Православною Церковію. Въ посланіи, писанномъ къ нимъ по этому случаю, между прочимъ, сказано, слѣдующее: «Вамъ извѣстно, что я всегда былъ на сторонѣ Протестантовъ, хотя не имѣлъ къ тому прямого повода. Теперь же, когда нѣкоторые неразумные члены нашего духовенства приступили къ Уніи Римской, я сильнѣе убѣдился въ необходимости соединенія съ вами. Братья! Бѣдствія, васъ

⁴ *Luther's Schrift vom Palstthum zu Rom, wider August. v. Aleveld. Walch, XVIII, §, 2, 1199; §. 95, 1244.*

поражающія, должны быть и нашими, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время подвергается великой опасности не одна ваша Вѣра, но и всѣ Христіанскія Исповѣданія, права и свободы, ибо *Паписты и Римляне незаконно присвоили себѣ имя Капюликовъ, похищенное у Греческой Церкви.*» Острожскій вѣрилъ въ возможность произвести соединеніе Нѣмецкаго Протестантизма съ Русскимъ Православіемъ. Но здѣсь-то сказалось глубокое разъединеніе между тѣмъ и другимъ; всѣ раздѣльныя черты выступали ярко снаружн, какъ скоро терялась изъ виду Латинская Церковь, внѣшній двигатель единенія. Представители обѣихъ сторонъ понимали лучше Острожскаго всю невозможность союза, такъ сказать, отрицательнаго, основаннаго только на общемъ чувствѣ непріязни къ Католической Церкви. Когда начальники трехъ Протестантскихъ общинъ явились въ Вильнѣ въ Соборную залу, настоятель Дубровскаго монастыря, Исаакъ, немедленно обратился къ Турновскому, Епископу Братъевъ, и дружески протянулъ ему руку съ такими словами: «Привѣтствую тебя, не смотря на то, что Св. Писаніе запрещаетъ общитися съ еретиками.» И хотя Князь Острожскій и старался разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное словомъ игумена на умы Реформатовъ, и въ пламенной рѣчи побуждалъ ихъ къ прочному соединенію, однако Бѣлогородскій Митрополитъ, Лука, подтвердилъ еще съ болѣею силою, что соединеніе со стороны Православныхъ не можетъ состояться подъ условіемъ отреченія отъ собственной Вѣры. Турновскій съ своей стороны отвѣчалъ, что, *Восточная Церковь въ ученіи своемъ сходится во многомъ съ Евангелической, преимущественно въ томъ положеніи, что не признаетъ главою Церкви Римскаго Антихриста, а только одного Иисуса Христа.* Въ этихъ словахъ опредѣлились истинныя отношенія обѣихъ Церквей. Моравскіе Братья, принявшіе Протестантскую Вѣру, до того ненавидѣли Латинскую Церковь, что не хотѣли имѣть съ ней ничего общаго, упорно отказывались отъ всякаго участія Рима въ крещеніи Чешской земли, хотя Римская Церковь въ то время, въ лицѣ избранныхъ членовъ и самаго Папы, наравнѣ съ Греками, крѣпко держалась преданій Апостольскихъ. Но, отвращаясь отъ Запада, они не щадили Востока. Коменскій отзывается съ ненавистію о Рокитцанѣ, виновникѣ великаго соединенія съ Византійскою Церковью, возводя на него обвиненіе въ двукратномъ предательствѣ и отреченіи въ пользу Католиковъ изъ побужденій, не совсѣмъ безкорыстныхъ. На самый союзъ съ Патріархомъ онъ смотритъ, какъ на мѣру безвременную, не соотвѣтствующую потребностямъ Церкви Гуситской.

Упомянувъ о благосклонномъ приѣмѣ, сдѣланномъ Рокицаной двумя Грекамъ, бѣжавшимъ въ единовѣрную Прагу послѣ взятія Константинополя Турками, и о дозволеніи имъ служить литургію, онъ прямо обвиняетъ самихъ Православныхъ въ уклоненіи отъ Правовѣрія и во многихъ суевѣрныхъ обрядахъ: «Tedy se ukazalo, jak rovně u Řeků náboženství mnohými pověrami jest obtíženo (str. 50).» Это все отъ того, что Коменскій и сочинители книги О тяжкихъ страданіяхъ принадлежали къ той половинѣ Чешско-Моравскаго Братства, которая не только не признавала благотворнаго вліянія Греціи на релігіозныя убѣжденія Чеховъ, а требовала совершеннаго преобразованія Церкви на новыхъ началахъ. По крайней мѣрѣ бракъ духовенства, употребленіе роднаго языка при Богослуженіи, и кое-что подобное не суть еще признаки сочувствія къ Грекославянскимъ преданіямъ, ибо въ той же мѣрѣ относятся и къ Лютерову преобразованію Вѣры. Авторъ статьи объ исторіи Чехинъ весьма хорошо понималъ несомнѣнность Протестантскаго взгляда Коменскаго и его сотрудниковъ съ мнимымъ сочувствіемъ ихъ къ Православнымъ преданіямъ, и въ бесполезныхъ усиліяхъ примирить два враждебныя начала впадаетъ въ явныя противорѣчія, на пр., съ какою цѣлію Протестантскіе Гуситы стали бы «напоминать современникамъ о ложныхъ убѣжденіяхъ, которыя нѣкогда одушевляли отцевъ ихъ?» Еще непонятнѣе мысль г. Елагина, что Чешскіе Братья, переродившіеся въ Лютеранъ, «мало по малу начали отвыкать на чужой сторонѣ отъ своихъ народныхъ мѣній, но еще не считали ихъ заблужденіемъ.» Стало бытъ, чтобъ оправдать заблужденія предковъ, они измѣняли своей совѣсти, или, обольщали самихъ себя. Ни то, ни другое предположеніе несогласно съ глубокимъ уваженіемъ, какое постоянно выказываетъ къ нимъ сочинитель.

Итакъ вѣроятно, что Палацкій, подъ именемъ позднѣйшихъ писателей, разумѣетъ не Коменскаго и безыменныхъ сочинителей книги О тяжкихъ страданіяхъ, но скорѣе ту половину Чешско-Моравскаго Братства, которая твердо хранила преданія отцевъ и ученіе Гуса. Укажу на Билѣвскаго, Странскаго, ревностныхъ противниковъ Католицизма, жившихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ 1627 г. Странскій удаленъ изъ Праги съ другими изгнанниками, покинулъ разоренное отечество и кончилъ жизнь свою въ Пруссіи учителемъ Торунской Гимназіи. Шестая глава его Чешской Державы (Respublica Bohema) служить любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ истинный послѣдователь ученія Гусова смотритъ на релігіозныя движенія въ своемъ отече-

ствѣ. Онъ признаетъ Грековосточную Вѣру Вѣрой отцевъ, насажденной Учителями Православія, Кирилломъ и Меѳодіемъ, съ любовію слѣдитъ Православную мысль отъ начала Христіанской Исторіи Чехіи до исхода XIV столѣтія, и самого Гуса считаетъ ея представителемъ. Здѣсь рѣзкая противоположность съ воззрѣніемъ Коменскаго, который въ Лютерѣ видитъ избранное орудіе Божіе для очищенія Вѣры, и Римской Церкви придаетъ прямо названіе языческой, по Лютеранскому обыкновенію ⁵. Но показанія Странскаго, взятые отдѣльно, еще менѣе заслуживаютъ вѣры. Если Братья-Протестанты не имѣли причины ссылаться на Восточную Церковь, то, на оборотъ, Гуситы Православные легко могли прибѣгать къ натяжкамъ, чтобъ доказать, что Грековосточная Вѣра никогда не переставала быть общенародною въ Чехіи.

Вопросъ историческій оживляется въ статьѣ г. Елагина особенною теплою чувства. Онъ упрекаетъ Палацкаго въ неуваженіи «къ историческимъ мнѣніямъ Гуситскихъ Писателей, запечатлѣннымъ кровавыми страданіями.» Но если, по собственному сознанію автора, «есть заблужденія, глубоко западающія въ душу людей и цѣлыхъ народовъ,» если подѣвліаніемъ религіозной фантазіи, обнимающей не только отдѣльных сектаторовъ, но и цѣлыя племена, въ минуту высшаго возбужденія ихъ духовной силы, рождаются вымышленныя теоріи, передѣлывающія на свой ладъ историческіе факты, исторія не должна увлекаться личнымъ пристрастіемъ, не должна выходить изъ круга мірскихъ отношеній, въ которыхъ исключительно суждено ей вращаться. Положимъ, чистѣйшая Евангельская истина воплотилась въ цѣломъ рядѣ подвижниковъ Вѣры Гуситской; но Царству Христову нѣтъ дѣла до міра сего, и голосъ народа въ этомъ случаѣ не бываетъ голосомъ Божіимъ. Какъ вожди народа гонимаго, котораго лучшая половина облеклась во образъ Апостольской нищеты и въ великое званіе служителей слова, они, конечно, должны были имѣть роковое вліяніе на убѣжденія современниковъ и ближайшаго потомства. Но вѣрованія цѣлыхъ поколѣній, звучащія изъ древней жизни народа, какъ отдаленный уже отголосокъ, при всей своей величавости, не въ состояніи поднять старину, почившую во мракѣ неуловимыхъ воспоминаній. Гуситскіе Писатели XVII столѣ-

⁵ Обыкновенно считаютъ Странскаго послѣдователемъ Лютерова вѣроученія; но это мнѣніе ни на чемъ не основано. Онъ говоритъ только, что Лютеръ очистилъ ученіе Латинской Церкви; но сочувствіе его къ Церкви Грековосточной не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его истинномъ образѣ мыслей.

тія не слишкомъ были разборчивы въ опредѣленіи истиннаго характера предшествовавшихъ имъ религіозныхъ волненій; они писали не Исторію своего народа, а житія своихъ мучениковъ; не довольствуясь собственной святыней, похищали чужія сокровища. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить, что въ числѣ противниковъ Западной Церкви, на ряду съ Людмилой и Вячеславомъ, является Войтъхъ, свирѣпый разрушитель всего Православнаго не въ одной только Чехіи, но и въ Польшѣ, Моравіи, Угріи?

Стало бытъ, за справедливость идеи, высказанной одной половиной Гуситскихъ писателей XVII столѣтія о непрерывности Грекославянскихъ преданій въ Чехіи, можетъ ручаться не личность писавшихъ; а только положительная истина, извлеченная изъ современныхъ источниковъ. Здѣсь бы слѣдовало, кажется, привести въ порядкѣ хронологическомъ всѣ тѣ событія первыхъ столѣтій Христіанской Исторіи Чеховъ, въ которыхъ выражаются мнѣнія, близко подходящія къ ученію Грековосточному, представить ихъ въ стройной картинѣ задушевной жизни народа, какъ порожденія его внутренней силы, постоянно противодѣйствовавшей іерархическимъ формамъ Западной Церкви. Эту обязанность налагалъ на критика ужъ самый вопросъ, поставленный имъ во главѣ своего разсужденія. Какъ говорить о послѣднемъ звенѣ завѣтной цѣпи, соединяющей два противоположныхъ полюса историческаго міра народа, не сказавши ни слова о первыхъ? А сочинитель статьи объ Исторіи Чехіи постоянно указываетъ на мнѣніе Гуситскихъ писателей, какъ на общее мнѣніе всего народа, завѣщаніе древней жизни Чеховъ, еще сильно дѣйствовавшее на нихъ въ началѣ XV столѣтія, но оставляетъ его въ свѣтѣ слишкомъ загадочномъ, не приводитъ въ пользу его почти ни одного доказательства. Отчетливо разобранъ у него только первый вопросъ Христіанской Исторіи Чехіи, о томъ, что правительственное подчиненіе Риму не мѣшало чистотѣ Православныхъ убѣжденій Мессодія. Вообще, онъ съ любовью созерцаетъ зародыши духовной жизни въ Чешскомъ народѣ, но нигдѣ не слѣдитъ за трудными годами ея болѣзненной юности, не обращаетъ надлежащаго вниманія и на періодъ зрѣлаго мужества и полного развитія ея жизненныхъ силъ въ первой половинѣ XV столѣтія, а все свое вниманіе сосредоточиваетъ на печальной эпохѣ ея преждевременной старости, принужденной отказаться отъ участія въ жизни и слиться насильственно съ ненавистнымъ Протестантизмомъ. Только нѣсколько частныхъ замѣчаній о Православіи въ Чехіи до Гуса разбросаны по разнымъ частямъ разсужденія г. Елагина. Всѣ они сходятся въ одной главной мысли: объ Евхаристіи подъ обоими ви-

дами. Но здѣсь необходимо замѣтить, что догматъ о Чашѣ, хотя и заимствованный изъ Греческой Церкви, какъ сказали Табориты Энею Сильвію, далеко не исчерпываетъ еще полноты Православнаго исповѣданія въ Чехіи; и подводитъ всю Исторію Церкви въ этой странѣ подъ одинъ этотъ догматъ—есть лучшее средство лишить ее всякаго права на сочувствіе къ Грековосточной. Известно, что отнятіе Чаши у мірянъ въ Западной Церкви послѣдовало въ 1215 году на Латеранскомъ Соборѣ; развѣ Чехи, воспитанные въ древнемъ преданіи Апостольской Церкви, не могли удержать этого догмата, какъ мѣстный обычай, и въ подкрѣпленіе истинны его ссылаться на примѣръ Церкви Грековосточной? Во многихъ странахъ, искони подчиненныхъ владычеству Рима, удержались же до позднѣйшихъ временъ частныя отступленія отъ общихъ обычаевъ Западной Церкви⁶. Если, съ 1419 года, Чаша сдѣлалась девизомъ Гуситства и знаменіемъ отторженія отъ Рима; если, по словамъ позднѣйшаго писателя, Чехи столько росписывали Чашъ по всему пространству земли своей, что они, какъ будто признали надъ собою верховное владычество Вакха, то это происходило отъ самой наглядности этого догмата, служившаго для неразумной черни осязательнымъ символомъ разьединенія съ Римомъ. И дѣйствительно, сколько ужасовъ совершено въ Чехіи во имя Животворящей крови Спасителя! Мы не одобряемъ Католиковъ, бросившихъ камень на Гуситскаго священника, несшаго св. Дары въ раздѣльныхъ видахъ хлѣба и вина, но еще менѣе сочувствуемъ изступленію народа, который безъ пужды разнашивалъ по улицамъ святое знаменіе Искушенія. Если въ этой только неразумной привязанности къ вѣтшнему символу выражалось сочувствіе къ Православію, то Православіе, съ своей, стороны, должно отказаться отъ опаснаго братства, грозящаго оскверненіемъ Тайнства въ святотатственномъ боготвореніи черни. Какъ всякое великое явленіе нравственной жизни имѣетъ свою изнанку, такъ благотворное явленіе Гуса не обошлось безъ разрушительныхъ элементовъ, внесенныхъ въ него служителями грубой, физической силы, и они-то осыпали свои

⁶ Во многихъ преемствованныхъ Церквяхъ Западнаго Патріархата хранилась даже Евхаристія подъ обоими видами. См. объ этомъ Лапфана (Hist. du Conc. de Basle, I, l. 5, p. 64). Корпова въ Замѣчаніяхъ на Стравскаго (II, 1792 г. p. 37), указываетъ на Мѣтопсеца Козьму, который, и послѣ знаменитаго декрета Григорія VII о безбрачій Духовенства, не разлучался съ женою, Божетѣхою, не смотря на то, что онъ былъ ревностнымъ поборникомъ Западной Церкви. Но 1) самый фактъ еще подлежитъ сомнѣнію, 2) Если Козьма былъ женатъ, то женился прежде запрещенія Папскаго.

увлеченія внѣшнимъ символомъ Чаши. Съ другой стороны, лучшая половина Церкви Гуситской, уступившая требованіямъ Западной, позволить свободное принятіе Евхаристіи подъ однимъ, или обоими видами, на томъ основаніи, что въ каждомъ раздѣльномъ видѣ заключается вся сила Таинства, во многомъ приготовила равнодушіе къ догмату *rod obojí*, въ послѣдствіи овладѣвшее Гуситами и сроднившее ихъ съ Лютеранскою Вѣрою. Точно также употребленіе роднаго языка при Богослуженіи не есть еще свидѣтельство въ пользу Православнаго характера религіознаго броженія Чехин. Въ духовной жизни Русскаго человѣка онъ дѣйствовалъ охранительно, вносилъ великое связующее начало въ разрозненные стихіи общественнаго быта; но въ Чехіи ему предоставлено было разыграть несравненно важнѣйшую роль. Тамъ вдохновенное слово проповѣдника, представителя мысли народной, завѣщанной древнею жизнію, оживляло уснувшія воспоминанія въ сердцахъ воспріимчивыхъ слушателей, будило въ нихъ вѣщіе звуки давно уже умолкнувшаго, но все еще знакомаго голоса, которымъ нѣкогда смиренная Православная Вѣра смягчала умы язычниковъ Чешскихъ. И такъ, не въ Богослуженіи, а въ вѣчно юной проповѣди, совершалась апопееза роднаго языка, какъ всеобъемлющаго орудія мысли. Она-то согрѣвала разумнымъ сознаніемъ одинокіе обряды, не для всѣхъ понятные; она-то поддерживала въ лучшихъ членахъ народа привязанность къ отжившимъ преданіямъ, къ святому завѣту предковъ, гонимому и страждущему потомству. Въ этой внутренней связи языка, какъ внѣшняго символа, съ убѣжденіями народа, лежала возможность непрерывнаго сохраненія и живаго увѣковѣченія Православія въ Чехіи. Исторія сохранила нѣмного именъ людей, посвятившихъ себя въ Чехіи служенію слова. Устами Гуса впервые раздается *всенародная* проповѣдь съ убогой скамьи благовѣстника въ Внѣеимской часовнѣ⁷. Она приготовила дружное возстаніе народа на Римскую Церковь; камень, брошенный въ Чашу, несущую Гуситскимъ священникомъ, былъ только внѣшнимъ, случайнымъ поводомъ къ окончательному разрыву. Въ характерѣ ученія Гуса и въ большемъ, или меньшемъ сочувствіи, оказанномъ ему народомъ, скрывается разгадка всего прошедшаго Чехіи. Если въ проповѣди его откликнулись вопросы Православія, и если въ народѣ сказалось сочувствіе къ этимъ вопросамъ, то значитъ, духовныя сѣмена Вѣры, посѣянные Меѳодіемъ, не истребились, а сохранили свою возраждающую силу и ждали только внѣшняго

⁷ «*Prædicavi populo per regnum Bohemiae et specialiter Pragae Evangelium J. Christi.*» De sacr. Corp. et Sangu. Domini. Hist. et Mon. Hus. I, 38, на обор.

двигателя, чтобы сильно воздѣйствовать въ жизни. И такъ, для опредѣленія Православной идеи въ развитіи Чешскаго народа, необходимо обозрѣть: 1) всѣ указанія на Грековосточные обряды и обычаи, отъ введенія Христіанской Вѣры въ Чехіи до Гуса. 2) Обозрѣть въ главных чертахъ дѣятельность самаго Гуса. Обратимъ вниманію на то и другое отдѣльно.

Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что Православіе составляло, нѣкогда первоначально Исповѣданіе всѣхъ Славянскихъ племенъ. Первые начатки Вѣры Христовой занесены къ Хорватамъ, Словенцамъ и Моравамъ изъ Западной Церкви; но полное торжество Христіанства совершилось у нихъ уже съ появленіемъ Кирилла и Меѳодія, да и самое начало ихъ обращенія совпадаетъ со временемъ благословеннаго единства церковнаго на Востокъ и Западъ. Но Булгары, Сербы, Русскіе, Чехи и Поляки исконно были духовными чадами Церкви Византійской. Изъ Булгаріи съ одной стороны, изъ Велико-Моравіи съ другой, распространялась литургія Славянская по всѣмъ сосѣднимъ вѣтвямъ Славянскаго племени. Весьма замѣчательно, что только Польша и Чехія впервые и непосредственно приняли крещеніе изъ рукъ Св. Меѳодія. О Польшѣ это достоверно извѣстно изъ Паннонскаго его житія. Въ тамошнихъ церковныхъ молитвахъ Кириллъ и Меѳодій до сихъ поръ называются просвѣтителями Польской земли. Чехія до Меѳодія оставалась въ язычествѣ, потому что крещеніе 14 Леховъ въ Рѣзні, 1-го января, 845 года, при Дворѣ Людовика Пѣмцакаго, какъ частное дѣйствіе, вынужденное политическою необходимостію, не имѣло никакого вліянія на убѣжденія народа⁸. Положимъ, что они привели съ собою Пѣмецкихъ священниковъ въ югозападные предѣлы Чехіи; но эти послѣдніе, по непріязненнымъ отношеніямъ Леховъ къ Вышеградскому или Пражскому В. Князю, не имѣли возможности трудиться надъ обращеніемъ всей массы народной. Не далѣе какъ черезъ годъ (846), войско покровителя ихъ, Людовика Пѣмцакаго, потерпѣло сильное пораженіе въ Чехіи. При этомъ случаѣ, если они и успѣли подъ охраною Короля начать свою Латинскую проповѣдь, то Князь и народъ, еще сильно преданные язычеству и, по примѣру Полабскихъ собратьевъ своихъ, считавшіе Латинскую пропаганду только средствомъ наложенія на нихъ Пѣмцакаго ига, конечно воспользовались случаемъ очистить землю свою отъ незваныхъ гостей. Итакъ, неосновательно мнѣніе Па-

⁸ См. Чтенія 1846, № 9-й, Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе Просвѣтители, стр. 11; прим. 22. Geschichte d. Reform. in Polen. v. Gr. Valer. Krasinsky. §. 5.

лацкаго о возможныхъ попыткахъ со стороны Пѣмцакаго духовенства преклонить Боривоя къ крещенію. Шафарикъ въ Древностяхъ говоритъ справедливо, что если бѣ Латинскіе миссіонаріи содѣйствовали великому дѣлу крещенія Чешской земли, хвастливые Пѣмцы не замедлили бы распространиться объ этомъ участіи. Боривой, Чешскій Князь, крещенъ былъ въ 871 году Паннонскимъ Архіепископомъ, Бл. Меѳодіемъ, по единогласному показанію всѣхъ древнихъ и новыхъ источниковъ⁹; свидѣтельство Козьмы, въ этомъ случаѣ, тѣмъ менѣе подвержено сомнѣнію, что онъ былъ врагомъ Православія и Славянской литургіи, и охотно бы умолчалъ о Меѳодіи, если бы Апостольскіе труды его въ Чехіи не были извѣстны всѣмъ современникамъ. Козьма имѣлъ подъ руками старыя памятники, до насъ не дошедшіе, а потому ограничился только самымъ поверхностнымъ упоминновеніемъ объ этомъ предметѣ¹⁰. Но если примемъ въ соображеніе, что и всѣ позднѣйшіе лѣтописцы до Гуситскаго переворота повторяютъ слова его безъ перемѣны, не прибавляя ни малѣйшихъ подробностей, то придемъ къ заключенію, что Козьма, какъ Католикъ, хотя и не могъ скрыть истины, однако пожелалъ лучше опустить подробности такого событія, которое заключало въ себѣ первый, живучій зародышъ Православія въ Чехіи. Извѣстно, что Латинскіе писатели, тщательно скрывавшіе все Православное этой страны, всѣми натяжками старались *оплатинить* крещеніе Меѳодіево. До такой степени ухищренія не дошелъ еще правдивый, хотя не совсѣмъ безпристрастный, Козьма; отсюда краткость и неопредѣленность его показаній. Позднѣйшіе писатели, начиная съ Гайка, приписывали крещеніе Чехіи не Меѳодію, а старшему брату, Кириллу. Гаекъ говоритъ, что послѣдній, въ 898, крестилъ въ Чехіи Людмилу со всѣмъ семействомъ Боривоя; въ 899 перевезъ туда мощи Св. Климента Папы, гдѣ они оставались три года въ одномъ изъ новопостроенныхъ храмовъ, а въ 902 году отнесъ ихъ въ столицу Западнаго Христіанства, гдѣ, вмѣстѣ съ братомъ, ходатайствовалъ о Славянскомъ Богослуженіи. И Странскій и Бальбинъ повѣрили участію Кирилла въ обращеніи Чеховъ, послѣдній съ значительными ограниченіями. А такъ какъ по новымъ изслѣдованіямъ

⁹ Чешскіе Лѣтописцы: Козьма, Францискъ, Ser. rer. Boh. II, 3, 5; Series ducum et regum Bohemiae. Ibid. II, 427; Христаново житіе Св. Людмилы Epit. rer. Boh. 44; Эпείи Сильвии, Hist. Boh. cap. 12; Dubravius, Hist. Boh. I. IV. 103-105; Бальбинъ, Epit. rer. Boh. cap. 2, 3, p. 4-13; — Гаекъ, Велеславинъ, Пешина, Коменскій, Странскій, и пр.

¹⁰ Šafařík Slov. Starož. I, 778. — Palacky's. Gesch. v. Böhm. I, 136.

Бочка въ Епископскомъ Лютомышльскомъ храмѣ Св. Климента, древнѣйшемъ изъ Чешскихъ, дѣйствительно поклонись мощи Св. Папы, положенныя туда Кирилломъ Философомъ ¹¹ до перенесенія въ Римъ въ 867 году, то едва ли не справедливо мнѣніе Бальбина, что Христіанство началось въ Чехіи около 867 года, и что Кириллъ, проходя чрезъ новообращенную Мееодіемъ Чехію, трудился тамъ нѣсколько времени въ распространеніи Вѣры и въ томъ же году продолжалъ свое путешествіе въ Римъ. Молчаніе рукописныхъ житій говоритъ только объ ихъ недостаточности. Какъ бы то ни было, но крещеніе Чехіи Мееодіемъ не подвержено никакому сомнѣнію. А потому спорный вопросъ всегда заключался въ томъ: какъ назвать крещеніе это, Греческимъ, или Латинскимъ? Католики, изъ короткихъ связей, бывшихъ между Папою и Солунскими Братьями, старались доказать послѣднее. Странскій говоритъ прямо, что Боривой крещенъ въ Велеградѣ въ Моравіи Св. Страхотой, т. е., Мееодіемъ, Епископомъ *Греческаго Исповѣданія*. Бальбинъ, хотя и связанный съ нимъ короткою дружбою, но всею силою Латинскихъ своихъ убѣжденій опровергалъ и его, и другаго Гуситскаго писателя, Билѣвскаго, отрицавшаго всякое участіе Римскихъ Первосвященниковъ въ обращеніи Чехіи. Для насъ въ этомъ случаѣ истина едва ли требуетъ еще доказательствъ. Мееодій, воспитанный въ Греціи и, вѣроятно, въ самой столицѣ Восточнаго Патріаршества, въ то время, когда уже сильно готовилось раздѣленіе Церквей, конечно, вынесъ оттуда самое чистое ученіе Православія и боролся съ возникающими ересями въ Западномъ духовенствѣ, Трехъязычною и Юпаторскою. Не входя въ подробный разборъ доказательствъ, приведемъ еще замѣчательное свидѣтельство въ пользу нашего мнѣнія. Несторъ подъ годомъ 6406 (898), говоря объ утвержденіи Угровъ въ древней Панноніи и о началѣ набѣговъ ихъ на Мораву и Чеховъ, прибавляетъ: «Бѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаевѣ, ихъ же пріяша Угри, и Маравѣ, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое предложены книги Маравѣ, яже прозвася Грамота Словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ ¹²» Вотъ важное свидѣтельство лѣтописца, не слишкомъ еще отдаленнаго, что *Чехи, Моравы, Славяне Угорскіе, Поляки и Русскіе*, до нашествія Мадыаровъ, и въ географическомъ и въ историческомъ отношеніи, составляли одно великое нераздѣльное цѣлое, соединенное общеніемъ Вѣры и языка. Средоточіемъ

¹¹ Šafařík, Slov. Starož. 779, прим. 59; 810, прим. 72.

¹² Лавр. Лѣт., изд. Арх. Комм., стр. 11.

этого тѣла служила естественно богатая *Уерія* съ сопредѣльной Моравіей и Галиціей, благословенная почва, по слову Шафарика, *воздѣланная по́томѣ и кровію Славянѣ, освященная духоѣмъ Св. Меѳодіа*. Отсюда, по свидѣтельству Нестора, исходила по всеѣмъ направленіямъ Словѣнская грамота и Православная Вѣра, тѣснясь, съ одной стороны, въ нынѣшнюю Малороссію, съ другой къ Славянамъ Западной отрасли. Здѣсь-то, въ окрестностяхъ Велеграда, 1028 года, Чешскій Князь, Брячиславъ, проливалъ благодарныя слезы въ память Св. Меѳодіа и *спраны, гдѣ началось Христіанство*. Отсюда же Кіевская Русь, когда еще не знала Константинополя, получила первыя сѣмена Христіанства. Весьма замѣчательно, что крещеніе Аскольда и Дира почти совпадаетъ съ началомъ Апостольства Кирилла и Меѳодіа; въ три года слѣды ихъ ученія могли проникнуть и въ Южную Русь, и Кіевскіе, Князья, конечно, были въ числѣ первыхъ обращенныхъ, когда Сѣверъ Россіи коснѣлъ еще во мракѣ невѣжества. Изъ вѣтхъ первоначальныхъ связей *между Чехами и Русскими* объясняется названіе *Русской грамоты* для Церковно-Славянской, часто встрѣчающагося въ памятникахъ Чешскаго слова. Позднѣйшіе писатели означали вѣтъмъ названіемъ то важное обстоятельство, что Славянская грамота служила преимущественно орудіемъ благовѣстія и что нашей Россіи суждено было воспринять и сохранить въ чистотѣ Православную Вѣру, вмѣстѣ съ Церковною письменностію. Такъ, въ риёмованной Хроникѣ конца XIII го, или начала XIV столѣтія, приписываемой Далмилу, о Меѳодіи говорится такими словами: «Ten arcibiskup Rusin bieše, mši swatau Slovensky slúžieše (гл. 23).» Въ нѣкоторыхъ спискахъ Далмилловой Хроники вѣтихъ двухъ стиховъ не читаемъ; они могли быть прибавлены въ XIV или XV вѣкѣ, когда эта Хроника составляла любимое чтеніе народа. Во всякомъ случаѣ они чрезвычайно важны, показывая народное мнѣніе Чеховъ, либо во времена, непосредственно предшествовавшія Гусу, либо въ первоначальной Церкви Гуситской, о характерѣ крещенія Меѳодіева.

Судя по быстрымъ успѣхамъ Славянской Литургіи въ Булгаріи и позднѣе Россіи, можно думать, что труды Св. Меѳодіа въ Чехіи, не встрѣчая сопротивленія со стороны Нѣмцевъ, не остались безъ важныхъ послѣдствій. 24 года правленія Боривоева утвердили надолго Православіе господствующей Вѣрой въ народѣ. Поэтическая религія древнихъ Славянъ, при всей относительной чистотѣ своей, не могла устоять противъ слова Евангельскаго, возвѣщаемаго мѣрными проповѣдниками на языкѣ родномъ, и, можетъ быть, по тому самому легче могла перелиться въ Христіанскую Вѣру, что имѣла къ ней тайное сочувствіе и соотношеніе.

Кто же были первыми исповѣдниками Православія въ Чехіи? — Чешскій Князь Боривой и 30 вельможъ крещены были первые при Дворѣ Святополка Мееодіемъ. Христайъ, жпзнеописатель Людмилы, говоритъ, что Мееодій послалъ еъ Боривоемъ въ Чехію священника, Павла Кайха, который и крестилъ Людмилу, супругу Боривоя, ея родителей и малолѣтнихъ дѣтей, Спитигнѣва, Вратислава и Болеслава. За ними послѣдовало много вельможъ, за вельможами самый народъ. Какіе первые памятники Православія въ Чехіи? 1) Три храма во имя Св. Климента, одинъ въ Ливемъ Градцѣ, княжескомъ замкѣ на лѣвомъ берегу Велтавы, другой въ Лютомышлѣ, третій на Вышеградѣ ¹³. 2) Нѣсколько Христіанскихъ училищъ, передѣланныхъ изъ прежнихъ языческихъ капищъ, вѣроятно, самимъ Мееодіемъ. Странскій, на основаніи Гайка, приписываетъ это великое дѣло Кириллу, Мееодіеву брату, который, будто бы, въ новопостроенномъ храмѣ Пресвятой Богородицы Тынской, ежедневными проповѣдями, въ продолженіе 4 лѣтъ, просвѣщалъ Чешскихъ язычниковъ и устроилъ училища, имѣвшія неограниченное вліяніе на убѣжденіе народа. Важнѣйшее училище устроено въ Будучѣ, и уже при Спитигнѣвѣ преобразовано въ Латинскую школу. 3) Иерархія Грековосточная въ Прагѣ: «Constitutis sacrogrum administris et presbyterio Pragae ¹⁴.» 4) Остатки Церковно-Славянской письменности въ Чехіи, какъ непосредственно связанной еъ Славянской литургіей по Русскому обряду. Добровскій, который во веѣхъ своихъ сочиненіяхъ преслѣдовалъ мысль о Славянской литургіи въ Чехахъ, подъ конецъ своей жизни, по свидѣтельству Юнгманна, сдѣлался пламеннымъ ея защитникомъ. Сюда относятся: а) Рукописное житіе Св. Мееодія ¹⁵. б) Орывокъ изъ Хронографа, писаннаго въ Псковѣ какимъ-то дьякомъ, помѣщенный Дубровскимъ въ его изслѣдованіяхъ о Кириллѣ и Мееодіи; и то и другое по внутреннимъ лексическимъ признакамъ писано въ Чехіи. в) Церковная пѣснь: *Nospro-dine, romiluj ny*, и теперь еще поемая въ Чешскихъ Церквахъ, по другому произношенію: *Gospodí romiluj* ¹⁶. г) Сказаніе объ убіеніи Св. Вячеслава, открытое въ С.-Петербургѣ Востоковымъ въ 1830 году, памятникъ, по веѣмъ признакамъ, писанный уже не въ Верхней Моравіи, а въ самой Чехіи. д) Самая азбука Кирилловская, перешедшая въ древнѣйшіе памятники Чешской письменности, писанные уже

¹³ Šafařík Slov. Starož стр. 779.

¹⁴ Stransky, Resp. Boh. cap. 6, p. 269. См. ниже, при описаніи XIII вѣка.

¹⁵ См. Москвитиницъ, 1843, № 6-й.

¹⁶ Palacky's, G. v. Böhm. I, 138. — Starobylá skládání, III. str. 250, 251.

Латинскими буквами, въ четырехъ знакахъ: С, Т, Z, E. Ихъ можно видѣть въ Судѣ Любушиномъ и въ Чешскомъ надстрочномъ переводѣ отрывка Евангелія отъ Іоанна; но ихъ нѣтъ въ Латинскомъ текстѣ того же Евангелія.

Къ концу царствованія Боривоя Православная Вѣра уже сильно процвѣтала у Чеховъ. «Христіанская Вѣра, — говоритъ Странскій, — «насажденная Кирилломъ, приверженцемъ Греческой Церкви, по обрядамъ не Римскому, а Грековосточному, съ каждымъ днемъ возрастала, «среди непрерывныхъ гоненій язычниковъ, и производила благотворное вліяніе на убѣжденія народа»¹⁷. Этѣ благословенные начатки не устояли противъ начала Латинскаго. Въ 894 году Боривой умираетъ; Людмила удаляется отъ шума Двора. При малодушномъ Спитигнѣвѣ (894—912) совершается, но безъ сильныхъ потрясеній, событіе, условившее во всей послѣдующей исторіи Чешской борьбу двухъ началъ, Православнаго и Католическаго. Ему суждено было склонить юную Чешскую Церковь къ средоточію Западнему. Латинскіе лѣтописцы, съ намѣреніемъ скрывающіе все Православное, не обозначали этого переворота. Но причина его очевидна: вторженіе Угровъ, дикаго Уральскаго племени, разорвавшего непрерывную связь Славянскихъ племенъ отъ Чешскихъ лѣсовъ до Чернаго моря. Оно заставило Чешскаго Князя вручить себя покровительству хитраго Арнульфа на Рѣзенскомъ Сеймѣ, въ 895 году. А признать падъ собой верховное владычество какого нибудь народа, значило, на средневѣковомъ языкѣ, раздѣлять его участь, и политическую и религіозную. Иѣмецкіе Епископы того только и ждали, чтобы вмѣстѣ съ *грубою гадью* наводнить Чехію, какъ они за десять лѣтъ уже вступили во владѣніе Моравіею. Храмъ Петра и Павла, построенный при Спитигнѣвѣ, былъ первымъ проявленіемъ Латинскаго начала.

При братѣ и преемникѣ его, Вратиславѣ (912—926), еще замѣтно въ Чехіи общее равновѣсіе всѣхъ религіозныхъ началъ, оспаривающихъ другъ у друга первенство падъ этой страной Православія, Латыни и язычества. Каждое изъ нихъ имѣло своего представителя въ Княжескомъ домѣ. Язычество нашло сильную опору въ лицѣ Драгомиры, жены Вратислава, и въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло въ малолѣтство сына ея, Вячеслава, когда воздвигнуто было ею гоненіе на Христіанъ. Вратиславъ, по слѣдамъ брата, склонился къ стихіи Западной; объ немъ есть преданіе, что онъ сына своего, Вячеслава, отпра-

¹⁷ Stransky, Resp. Boh. cap. 6, p. 269.

вилъ въ Будучь въ училище, въ то время уже олатиненное ¹⁸. Наконецъ, послѣднею, знаменитою представительницею Православія въ Чехіи, явилась Людмила, причтенная Церковію нашею къ лику Святыхъ. Не смотря на привязанность къ Западу, Вратиславъ, изъ уваженія къ матери, и по ея повелѣнію, построилъ храмъ Св. Георгія, гдѣ, въ послѣдствіи, основанъ былъ, въ память ея, женскій монастырь. Это извѣстіе Дубравскаго подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ имя Людмилы въ Чехіи является неразлучнымъ съ именемъ Георгія, Святаго по преимуществу Церкви Восточной, уважаемаго всѣми Славянами. Людмила пріяла вѣнецъ мученическій во время гоненія на Христіанъ, воздвигнутаго Драгомйрой (15го сентября, 927-го года). Въ 1142 году, послѣ нашествія Мораванъ, ограбившихъ монастырь Святой Людмилы, монахини, возвратившіяся въ обитель, обрѣли мощи нетлѣнными и сохранившимися среди общаго пожара и разорсенія. Народъ до сихъ поръ чтитъ Людмилу, какъ свою первомученицу ¹⁹.

Отсель Латинская Церковь вступаетъ въ права свои. Вячеславъ открываетъ собою рядъ Государей, приверженцевъ Католицизма. Все младенчество и первыя лѣта юности провелъ онъ подъ непосредственнымъ надзоромъ бабки своей, Людмилы, которая старалась утвердить его въ истинахъ Православія. Въ Кирпловскомъ Сказаніи, отысканномъ Востоковымъ, говорится именно: «и вѣда ѿ (Вячеслава) баба своя «Людмила, научити книгамъ Словенскимъ по слѣду попову, и навиче «разумъ добръ.» Въ послѣдствіи отецъ «отсади сго въ Будучь, и нача «отрокъ учиться книгамъ Латынскимъ, и научися добръ.» Подъ вліяніемъ двухъ разнородныхъ элементовъ, внесенныхъ въ его воспитаніе, Вячеславъ еще отрокомъ колебался въ своихъ убѣжденіяхъ. «И «възложи Богъ благодать таку на Вячеслава Князя, и нача же умѣти «книги Латинскія, яко же добрый Епископъ, или Попъ, да еще я възмѣ- «ше я Грческія книги или Словенскія, прочиташе я вѣтъ безъ бла- «зна» Рано лишился онъ бабки, Людмилы. Воспитаніе Латинское и преобладающее вліяніе Пѣмцевъ при дворѣ отца его загладили въ немъ прежнія Славянскія воспоминанія. Вошедши въ тѣснѣйшую связь съ Пѣмецкой Имперіей, сдѣлавшись данникомъ Короля Генриха I-го,

¹⁸ Кирилл. Сказаніе о Св. Вячеславѣ. — Христаново Житіе Вячеслава, Epit. reg. Vol. p. 46.

¹⁹ Въ Четви Миней Митрополита Макарія, 16-го Сентября: „Св. Мученицы Людмилы, бабы Св. Вячеслава.“ Значить, у Митрополита Макарія, въ 16-мъ вѣкѣ, были подъ руками источники, изъ которыхъ взято преданіе о Людмилѣ. См. Оглавленіе Четви Миней Митрополита Макарія, въ Читеніяхъ № 4-й, 1847 г., въ Смѣен, стр. 4.

онъ настежъ растворилъ ворота въ Чехію Нѣмецкимъ священникамъ. «Какъ пчелы въ ульѣ», говоритъ Латинскій жизнеописатель его, Христанъ, «сходились священники и служители Божіи къ Христолюбовому Князю изъ Баваріи, Швабіи и другихъ областей, принося съ собою множество Мощей Святыхъ, съ обширными книгохранилищами, и получали благосклонный пріемъ, осыпаемые благодареніями.» Не довольствуясь строеніемъ великолѣпнаго Соборнаго Храма Свят. Вита, Вячеславъ имѣлъ намѣреніе поклониться святому городу, Мощамъ верховныхъ Апостоловъ и принять изъ рукъ Святѣйшаго Папы монашеское постриженіе. Не смотря на то, Церковь наша признала его Святымъ. До сихъ поръ еще въ Чехіи память его составляетъ предметъ особеннаго уваженія народнаго; поклоненіе ему сопровождаетъ всю Исторію ея; множество храмовъ воздвигнуто было во имя его, безчисленные чудеса прославили защитника, патрона Чешской земли; Короли Чешскіе чеканили изображеніе его на монетахъ, ограждали имъ воинскія знамена. Народъ забылъ его привязанность къ Нѣмцамъ и Западной Церкви: онъ помнитъ въ немъ только мученика и питомца Людмилы, и около него сосредоточиваетъ также Православныя воспоминанія ²⁰.

Отсель вся Исторія Чешская раздвояется. Государи, Дворянство и высшее Духовенство идутъ, за весьма немногими исключеніями, широкимъ путемъ Латинскаго развитія. Народъ и низшее Духовенство, разумно сознавшіе Вѣру свою, привязываются къ ней душою, отстаиваютъ каждый шагъ Православія и до самаго Гуса выдерживаютъ неравную борьбу съ началомъ Латинскимъ. Эта внутренняя, задушевная жизнь народа не засвидѣтельствована Латинскими лѣтописями; но ее-то, по возможности, мы должны обозрѣть въ скудныхъ остаткахъ отъ великаго кораблекрушенія.

Во второй половинѣ X-го столѣтія устроивается въ Чехіи постоянная Иерархія Латинская; но рядомъ съ ней, не замѣченная, живетъ Православная, ведущая происхожденіе свое отъ времени Боривоя и Св. Меѳодія, непрерывно сохраняющаяся въ священникахъ Святой Люд-

²⁰ Въ Оглавленіи Четвѣи Миней, Митрополита Макарія (Чтенія № 4-й, 1847 г. стр. 6): „28-го Сентября, Св. Вячеслава, Князя Чешска.“ 1872, 1896. Житіе его: Се пынь сбылся. 1888. Страсть Вячеслава: Подобно есть вѣдѣти, 1872, 1896.“ — „4-го Марта: Препесеніе мощей Св. Вячеслава; 65, 70.“ (стр. 39). Имя Св. Вячеславу сохранилась въ спискахъ XIV столѣтія, весьма древняго происхожденія, «ab olim cantari consueta,» говоритъ Бенешъ изъ Вейтмизля.

милы, которые успѣли спастись отъ свирѣпства язычниковъ ²¹. Славянскими двигателями Католичества являются Млада, сестра Болеслава II-го (967 — 999), и Войтѣхъ, 2-й Пражскій Епископъ. Когда возникла мысль объ устроеніи Епископской кафедры въ Прагѣ, Млада или Марія отправилась въ Римъ, для испрошенія согласія Папы, «насмотрѣлась тамъ вдоволь на монастырскіе обычаи, и утвердившись окончательно въ Догматахъ Западной Церкви ²²,» привезла съ собой Папскую Буллу слѣдующаго содержанія: «Юаннъ, рабъ рабовъ Божіихъ, Болеславу, *питомцу Католической Вѣры*, наше Апостольское благословеніе Дщерь наша, Млада, *между прочими важными просьбами*, изложила намъ и твоё прошеніе, для сердца нашего сладкое, чтобы мы благоволили «разрѣшить, во славу и въ честь Церкви Божіей, быть въ Прагѣ Епископству. Съ радостию узнавъ о томъ, мы возблагодарили Всевышняго, Который всюду, между всѣми народами, распространяетъ и возвеличиваетъ всегда Свою Церковь. И потому Апостольскою властію Св. Петра, Верховнаго Апостола, мы, Намѣстникъ его, хотя недостойный, повелѣваемъ, чтобы при церкви Мучениковъ Вита и Вячеслава была устроена Епископская кафедра, а при церкви Св. Мученика Георгія, подъ началомъ дщери нашей, Аббатиссы Маріи, женскій монастырь Ордена Св. Бенедикта, впрочемъ, не по обрядамъ племени Булгарскаго, или Руси, или Славянскаго языка, но по уставамъ и постановленіямъ Апостольскимъ; далѣе, чтобы избранъ былъ въ это званіе, по желанію твоему, духовный, прсвосходно знающій «Латинскую грамоту ²³.» Вотъ первое распоряженіе самаго Папы о запрещеніи Православія въ Чехіи и о введеніи въ нее обряда Латинскаго. Изъ словъ этой Буллы: «*Verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica,*» выводимъ слѣдующія заключенія: 1) что если Папа самое устройство Епархіи ограждалъ отъ вторженія Греко-восточныхъ обрядовъ, то послѣдніе, стало быть, еще очень сильны были въ Чехіи въ X столѣтіи; 2) что, согласно съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ нашего Нестора, какъ Славянская грамота, такъ и Православная Вѣра въ то время главное убѣжище имѣли въ Булгаріи и Южной Руси, за 16 лѣтъ до крещенія Владиміра и черезъ 17 лѣтъ послѣ крещенія Ольги; 3) наконецъ, что въ дѣлѣ религіи въ

²¹ О Православной Іерархіи въ Чехіи см. ниже, при описаніи XIII вѣка.

²² Козьма: «ibi sat monasticis disciplinis imbuitur.» Страпскій: «ritus Ecclesiae latinae complexa.»

²³ Козьма, въ Scr. rer. Boh. I, 48 -- 49.

Чехіи Славянскій языкъ почти всегда соединялся съ Грековосточными обрядами. Привожу показаніе Странскаго, что, получивъ приказаніе Папы, Болеславъ II-й созвалъ Вельможъ или Леховъ, объявилъ имъ Папскую волю и собственное желаніе выбрать въ духовные правители Чехіи Епископа закона Латинскаго (*Episcopum Romanum sacramentarium*); наконецъ требовалъ, чтобы всѣ вельможи подтвердили рѣшсніе его общимъ согласіемъ и, принявши новые обряды, приведенные Младой, распорядились о введеніи ихъ каждый въ своихъ владѣніяхъ. При этихъ словахъ ропотъ негодованія пробѣгаетъ ряды слушателей; часть Пановъ принимаетъ съ покорностію предложеніе Князя, другая мужественно отвергаетъ коварный совѣтъ и требуетъ, чтобы всѣ учрежденія Кирилла и Меѳодія остались неприкосновенными. Тѣмъ не менѣе Князь настоялъ, и въ Епископы избранъ былъ Дитмаръ, Саксонецъ. Замѣчательна въ этомъ извѣстіи рѣзкая противоположность съ словами Козьмы, что Дитмаръ возведенъ въ санъ Епископа по *единогласному* желанію Князя, духовенства и народа. Во всякомъ случаѣ сила народнаго начала обнаружилась ярко въ этомъ событіи. Между тѣмъ какъ Папа строго повелѣваетъ выбрать Епископа, *«latinis literis apprime eruditum»*, народъ, вельможи и все духовенство отыскиваютъ отличнаго знатока Славянской грамоты, и только совершенное знаніе послѣдней склоняетъ ихъ на сторону Дитмара²⁴. Основаніе Епископства Пражскаго сопровождалось введеніемъ *новаго* Латинскаго монашества въ Чехіи²⁵. Это былъ уставъ Бенедикта, въ то время единственный въ Западной Церкви; но весьма вѣроятно, что въ Чехіи до того времени уже было пустынножителство по обрядамъ Церкви Восточной. Кириллъ и Меѳодій слѣдовали иноческому уставу Василія Великаго; да и послѣ того Радимъ, или Гавденцій, братъ Войтѣха, Гнѣзненскій Архіепископъ, принадлежалъ къ двумъ Орденамъ, Василія и Бенедикта. Выѣстъ съ обрядами Греческими наложено запрещеніе и на Славянскій языкъ при Богослуженіи. Отъ Боривоя до Болеслава II-го употребленіе его было признано законнымъ отъ самаго Папы. Іоаннъ VIII подтвердилъ, Іоаннъ XIII отнялъ это важное право у Чеховъ. Дубравскій говоритъ именно, что оно существовало не долго, и что Римскій Первосвященникъ уничтожилъ его, предписывая Епископу Пражскому ни въ чемъ не отступать отъ *обрѣда, церемоній и пѣнія Римскаго*²⁶.

²⁴ Козьма: «Quoniam Sclavonicam perfecte linguam sciebat.»

²⁵ Козьма: «Mlada novam et sanctam illatura Boemiae terrae monachicam regulam.»

²⁶ Dubr. Hist. Boh. IV, 116.

Съ Дитмаромъ явилось множество Нѣмецкихъ священниковъ ²⁷. 9 лѣтъ правилъ онъ Чешской Епархіей, настроялъ много церквей, но подъ конецъ утомился борьбою («съ строптивымъ народомъ;» такъ говорилъ онъ на смертномъ одрѣ преемнику своему, Войтѣху. Этотъ послѣдній нанесъ рѣшительный ударъ Православію въ Чехіи. Въ избраніи его на престолъ Епископскій обнаружилось противодѣйствіе народнои стороны, которая еще не угадывала въ немъ ревностнаго Католика. Одно только Славянское благородное происхожденіе, безъ вниманія къ его Латинскому образованію, вопреки распоряженію Папы, пріобрѣло ему право наследовать Дитмару. Воспитанный въ Дѣвниѣ (Магдебургѣ) въ строгомъ повиновеніи къ Западной Церкви, онъ привезъ съ собою въ Чехію Латинскія книги и основалъ первый мужескій Бренивскій монастырь, разсадникъ Католической Вѣры. Главнымъ подвигомъ, имъ совершеннымъ, по всѣмъ источникамъ, даже Гуситскимъ, является борьба его съ остатками язычества въ Чехіи. Но въ ненависти, съ какою лѣтописцы отзываются объ этихъ остаткахъ, участвуетъ не одно омерзѣніе къ идоламъ. Въ жизни Войтѣха, писанной братомъ его, Гавденціемъ, мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ на ряду съ языческими обычаями бракъ духовенства ²⁸. Не будь этой примѣси Грековосточной стихіи, Латинскія лѣтописи, конечно, не дошли бы такой утонченности въ изображеніи остатковъ язычества въ Чехіи, до такой изысканности въ самыхъ выраженіяхъ. Страшно подумать, отъ чего Войтѣхъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ въ проповѣди Евангелія въ Польшѣ, хотя былъ тамъ только временнымъ гостемъ, отчаялся въ возможности обратитъ Чеховъ на путь истины, и два раза отправлялся на благовѣстіе къ язычникамъ. Это можно объяснить только сильнымъ присутствіемъ Грековосточныхъ началъ. И дѣйствительно, въ Житіи Св. Кирилла Философа, писанномъ на Церковнославянскомъ языкѣ, главнымъ подвигомъ Войтѣха выставлена страшная борьба его съ Православіемъ въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ. «Потомъ же многими лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Войтѣхъ у Мораву, и въ Чехи, и Ляхи, науку Рускую и писмо отверже, Латинскую же Вѣру устави и грамоту, а Правовѣрныя Епископи и попы изсѣче, а иныхъ разогна, и иде въ Прускую землю, хотя и тѣхъ у свою Вѣру привести, и тамо убіенъ бысть Войтѣхъ, Бискупъ Латинскій.» Исторія путешествій

²⁷ Козьма называетъ Болеслава II-го : «peregrinorum pius susceptor.»

²⁸ Vita S. Adalberti (X cap.): «Cogitat melius esse relinquere quam in caeco... populo operam perdere, quod maxime de tribus causis actum esse dicunt. Prima.... propter plures uxores unius viri, secunda, propter detestanda conjugia clericorum.»

Войтъха въ Чехи и Ляхи совершенно согласна съ Латинскими источниками; но въ различіи пріемовъ, сдѣланныхъ ему Болеславомъ Храбрымъ и Чешскимъ народомъ, скрывается глубокая мысль. Поляки, которые менѣе прочихъ участвовали въ благодати крещенія и Евангельской проповѣди Славянскихъ Апостоловъ, приняли Войтъха съ отверстыми объятіями; Чехи возненавидѣли его до того, что рѣшительно отказались принять его въ третій разъ, и убили четырехъ его братьевъ, совершавшихъ Латинское Богослуженіе, 995. Такъ на самомъ концѣ X столѣтія народное начало снова восторжествовало. — *Не должно выпускать изъ виду важныхъ связей между Чехіею и нашею Русью въ исходѣ X-го вѣка.* Владиміръ, просвѣтитель Россіи, былъ женатъ на Чехинѣ, отъ которой родился ему старшій сынъ, Вышеславъ. Къ концу царствованія Болеслава II-го Чехія на многихъ точкахъ граничила съ Русью; ей принадлежала Моравія, Краковъ и Сѣверозападная Угорія съ прилежащею частію Галиціи. Червоныя города отняты были у Польши Владиміромъ. Сношенія могли происходить безъ труда между близкими сосѣдами; да и Мадьяры приняли Христіанскую Вѣру по обряду Грековосточному, который оставался господствующимъ до появленія Войтъха при Дворѣ Гейзы. Несторъ, подъ годомъ 6504 (996), говоритъ: «Владиміръ бѣ жива съ Князи околными мпромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ и съ Стефаномъ Угрьскимъ и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ ме-
«жю ими и любви»²⁹. Никоновская Лѣтопись, подъ 992 годомъ, прибавляетъ извѣстіе, что Послы Андриха Чешскаго гостили у Князя Владиміра. Палацкій дѣлаетъ замѣчаніе, что Лѣтописецъ смѣшалъ имена Князей, потому что Олдрихъ началъ Княженіе свое съ 1012 году, да и никогда не былъ непосредственнымъ сосѣдомъ Русскаго Князя. Но уже Карамзинъ замѣтилъ правильно, что всѣ три Государя, Польскій, Угорскій и Чешскій, хотя и не княжили еще въ это время, но всѣ трое были современниками В. Князя Владиміра³⁰. Олдрихъ могъ быть удѣльнымъ Княземъ Моравскимъ, или Бѣлохорватскимъ въ пространнхъ владѣніяхъ отца своего Болеслава. Замѣчательно, что этотъ Князь, въ послѣдствіи покровитель Сазавскаго монастыря и духовное чадо Св. Прокопія, нѣсколько лѣтъ сряду находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ великимъ устроителемъ Православія въ Руси. — У Коменскаго сохранилось преданіе, что въ отсутствіе Войтъха, удалившагося въ Римъ 977 года, два священника, Болегость и Мыслиборъ, съ четырьмя другими: Криваномъ, Розысла-

²⁹ Лавр. Лѣт. по изд. Археографической Комм., стр. 54.

³⁰ Palack y's S. v. Böhm, I, 233, прим. 45. Ист. Гос. Росс. I, 470, прим. 479.

вомъ, Воймиромъ и Яркомъ (замѣтимъ, имена ихъ чисто Славянскія) были посланы въ Римъ ходатайствовать о возвращеніи роднаго языка при Богослуженіи, на что Папа Григорій II-й и согласился. Опасность, угрожавшая Западнему вліянію въ Чехіи въ концѣ X-го столѣтія со стороны Православія, возбудила живѣйшее безпокойство при Майнцскомъ Дворѣ. Тамашній Архіепископъ, опасаясь, чтобъ народъ, «едва только обращенный къ Христіанству, не возвратился къ прежнимъ святотатственнымъ обычаямъ,» просилъ Папу не оставлять Чеховъ безъ пастыря ³¹. Судя по тому, что сказано выше, и по всему складу рѣчи, видно, что подъ именемъ «*sacrilegi ritus*» (во множественномъ числѣ) разумѣется Православіе, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько язычество. Итакъ, повторяемъ: во все продолженіе X-го вѣка стихія Грековосточная старается сохранить равновѣсіе съ господствующимъ началомъ Латинскимъ. Такъ смотрѣло на это явленіе преданіе Гуситское. Странскій говоритъ, что «послѣ избранія Дитмара Чехія раздѣлилась на три религіозныя исповѣданія. Язычниковъ становилось все меньше и меньше. Между Христіанами одни слѣдовали обряду Латинскому, другіе Греческому. Съ теченіемъ времени язычество было уничтожено; дворянство, вступившее въ непрерывныя сношенія съ Пѣмцами, оставило Вѣру отцевъ, и одинъ только народъ, дорожившій своими преданіями, остался при Грековосточныхъ обрядахъ.» Этотъ послѣдній такъ много и огорчалъ Епископа Войтѣха ³².

Въ XI столѣтіи, при всеобщемъ распространеніи Католичества, гонимое Православіе еще сильно сказывается въ жизни. По смерти Страхваса или Христана, преемника Войтѣха, въ посланіи Болеслава II, 997 г., къ Папѣ, выражается тоже опасеніе, чтобы стадо Христово, лишенное пастыря, не воротилось къ прежнимъ суетнымъ обрядамъ («*ut non redeat ad pristinos vanitatis ritus*»). Здѣсь, подъ именемъ «*vanitatis ritus*» разумѣются снова обряды Грековосточные. Новый Епископъ, Тегдадь, отличался, между прочимъ, совершеннымъ знаніемъ Славянскаго языка. Въ посланіи Сигфрида, Архіепископа Майнцкаго, къ Папѣ Григорію VІІІ, по дѣлу Епископа Яромира, Чешская Церковь называется *не совершенно еще универсальной въ Вѣрѣ*. Народъ

³¹ «Metropolita Moguntinus sollicitus, ne populus nuper a Christo acquisitus, relapsus in antiquos pereat sacrilegos ritus.... Nam Christi ovilia adhuc in hac gente fidei novicia.» Козьма. «Nuper» относится къ перевороту, совершенному Вячеславомъ, а не къ крещенію Меѳодія, которое совершилось почти за 100 лѣтъ.

³² Stransky, Resp. Boh., p. 271.

поддерживалъ избраніе въ Епископы Яромира, Кияжескаго брата, противъ воли Князя, хотѣвшаго доставить престолъ Епископскій священнику Пѣмцекому, Лапцу. Впрочемъ, Славянскіе духовные и Епископы не оправдывали въ XI вѣкѣ народной довѣренности; они всѣ служили вѣрой и правдой Католической Церкви. Элементъ Православія нашель въ XI вѣкѣ другого, болѣе важнаго, защитника, въ Чешскомъ Князѣ, Брячиславѣ I (1057 — 1055). Изъ всѣхъ подробностей, относящихся къ Княженію этого даровитаго правнука Болеслава I-го, можно заключить съ вѣроятностію, что онъ былъ другъ не только Славянской народности, но и угнетеннаго Православія. Этѣ два направленія не всегда дружно дѣйствовали въ представителяхъ народа: преемникъ Брячислава, Спитигиствъ II-й, былъ заклятымъ врагомъ Пѣмцевъ, изгнанныхъ имъ изъ своего Государства, и вмѣстѣ ревностнымъ защитникомъ Католицизма, котораго владычество онъ старался утвердить въ Чехіи, независимо отъ вліянія Пѣмцекаго. Не таковъ былъ Брячиславъ. На монетахъ, чеканенныхъ въ его Княженіе, находимъ *знаменательную, безприлѣбную* надпись: «Св. Климентъ» ³³. Это важное обстоятельство, къ сожалѣнію, засвидѣтельствованное безжизненнымъ памятникомъ, открываетъ обширное поле догадкамъ и озаряетъ внезапно темную исторію Православія въ Чехіи. Однообразныя дѣйствія Князей и Епископовъ, наполняющія лѣтопись Козьмы, довольно незанимательное введеніе, которое отклоняетъ отъ насъ жизненные событія, безъ сомнѣнія, совершавшіяся въ сердцѣ народа. Изъ Саксонскихъ лѣтописцевъ мы знаемъ, что Брячиславъ хотѣлъ основать въ Чехіи, независимо отъ Германіи, Архіепископство въ Прагѣ, не возстановитъ ли древнее, великое созданіе Месодія? ³⁴ По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ другое, не менѣе важное, свидѣтельство, что онъ еще въ 1028 году, послѣ завоеванія Моравіи, плакалъ на священной почвѣ, тогда уже преданной разоренію Угровъ, гдѣ *пачалось Христіанство и соорудились первыя церкви его родной страны*, и что онъ намѣренъ былъ возстановить, на собственный счетъ, старинную Голомуцкую церковь Св. Климента ³⁵. Последнимъ доказательствомъ

³³ Palacky's, G. v. Böhm. I. 278.

³⁴ «Quod severus pallium apud Apostolicum sibi usurpare vellet.» См. Palacky's G. v. Bohm. I, 278, pp. 87-e.

³⁵ И это важное указаніе, извлеченное изъ письма Брячислава, включено Палацкимъ въ его Исторію. «Illacrymavi sane et intimo corde sum percussus, quando videbam loca illa sacra, ubi coepit Christianitas, per eosdem Ungaros, tum paganos, devastata et diruta... et ecclesias... profanatas existere.... Hinc est, quod ego Bracizlau, dux Moraviensis, etiam, ecclesiae S. Petri in Olomuci, et capellae, quae est in honore B. Clementis constructa ibidem, eam... restitui fecimus. — Palacky's, G. v. Böhm. I, 272; прим. 80.

привязанности его къ Грекославянскимъ преданіямъ служить особенное покровительство, постоянно оказанное имъ Сазавскому монастырю. После этого, вѣрить ли словамъ Лѣтописца, что онъ перенесъ съ необыкновенной торжественностію мощи Св. Войтѣха изъ Гитзна въ Прагу? Палацкій справедливо замѣчаетъ, что перенесеніе совершилось не съ релігіозною цѣлію; что оно было настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ, въ которомъ недоставало только побѣдной колесницы. Войтѣхъ, новый патронъ Польской земли, въ торжественномъ шествіи, заключенномъ плѣнными Ляхами и вереницей воевъ, нагруженныхъ добычей, и самъ какъ бы плѣнный, приводился въ Прагу, откуда негодованіе народа изгнало его при жизни. Трудомъ Брячислава, слишкомъ рано похищеннаго смертію, возвращена сила издыхавшему Православію. Изгнаніе Пѣмцевъ еще болѣе утвердило стихію народную; отсюда понятно, что она во второй половинѣ XIго столѣтія дошла снова до такой силы, что Папа Александръ II (1061—1073) тщетно воспрещалъ Чехамъ употребленіе Славянскаго языка при Богослуженіи³⁶. Преемникъ его, страшный Григорій VII, всею силою обратился противъ новой опасности, грозившей Западной Церкви. Изъ Рима приходили безпрестанныя повелѣнія прекратить Славянское Богослуженіе. Народъ волновался. Наконецъ Король Вратиславъ увидѣлъ себя принужденнымъ отправить къ Папѣ пословъ, съ просьбою о подтвержденіи великаго права, дарованнаго его предшественниками. Палацкій считаетъ это посольство слѣдствіемъ рѣшенія народнаго Сейма. Въ замѣчательномъ отвѣтѣ Григорія VIII выражается всегдашнее опасеніе Римскихъ Первосвященниковъ, что разница въ языкахъ произведетъ разницу въ убѣжденіяхъ. Латинскій языкъ былъ могущимъ орудіемъ Римскихъ Епископовъ въ стремленіи ихъ наложить единство Вѣры и подчиненія Риму на всѣ части Западной Церкви. Между тѣмъ Папа притворно ссылался на вѣчную уловку Престола Римскаго, что Св. Писаніе, изучаемое не на трехъ священныхъ языкахъ, унижется и поведетъ къ заблужденіямъ. По этому онъ не только не исполнялъ просимаго, а властію Св. Петра повелѣвалъ Королю всѣми силами противиться этому безумію (2-го января, 1080 году)³⁷. Но, судя по прочимъ примѣрамъ,

³⁶ Lenfant, Hist. du Conc. de Basle I, l. I, p. 8.

³⁷ Этотъ замѣчательный памятникъ въ Латинскомъ текстѣ помѣщенъ у Палацкаго: Gesch. v. Bohm. I, 338, 339; у Гизелера: Lehrbuch der Kirchengeschichte, II, I. Abschn. 284, 9; у Гайка и Коменскаго въ Чешскомъ; у Теобальда (гл. 31, 200, 201) въ Нѣмецкомъ переводѣ.

можно догадываться, что Булла не прескратила употребленія роднаго языка въ народѣ, такъ часто преступавшемъ повелѣнія Папскія.—Замѣчательны два Греческихъ слова, сказанныхъ однимъ духовнымъ лицомъ, при погребеніи Брячислава II-го, 1100 года: «*Anima Brziesislai Sabaoth Adonay vivat exspectans Thanaton, Brziesislaus uskyros.*» Весь народъ плакалъ, слушая это короткое, но краснорѣчивое надгробное слово; и тотъ, кто произносилъ его, принадлежалъ, вѣроятно, къ скуднымъ остаткамъ Греко-Славянскаго духовенства. Имя таинственнаго незнакомца не сохранилось³⁸. — По главнымъ центромъ Славянскаго Богослуженія въ XI вѣкѣ явился Сазавскій монастырь. Въ стѣнахъ этой обители 70 лѣтъ оно жило покойно, узаконенное Римскимъ престоломъ. Обратимъ же вниманіе на эту послѣднюю, блестящую развалину Православія въ Чехіи.

Во дни Чешскаго Князя, Олдриха, жилъ нѣкто пустынникъ, Прокопій, Чехъ, изъ мѣстечка Хотуна, между Чешскимъ Бродомъ и Куржимомъ, воспитанный въ преданіяхъ Славянскаго Первоучителя, Св. Кирилла. Служилъ Богу сначала въ бѣломъ духовницѣ, свято исполняя обязанности, и религіозныя и семейныя. Рано почувствовалъ суету міра. Побуждаемый высшимъ призваніемъ къ уединенной жизни, отказался отъ почестей и богатствъ, оставилъ жену, и поселился въ пустынной пещерѣ, вдали отъ общества человѣческаго. Здѣсь неутомимо боролся съ злыми духами, единственными обитателями этой пустыни, но боролся Небеснымъ оружіемъ: молитвою, бдѣніемъ и постомъ. Долго служилъ онъ Богу въ своей пустынѣ, укрываясь отъ бурей житейскихъ, но «не можетъ укрыться градъ, верху горы стояй, «ни свѣтильникъ подъ спудомъ.» Случайно Князь въ чащу дремучаго Олдрихъ, увлекаемый страстію къ охотѣ, заѣхалъ безъ провожатыхъ бора и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Прокопіемъ. Утоливъ свою жажду изъ его источника, въ которомъ вода чудесно претворилось въ вино, Князь почувствовалъ уваженіе къ святому мужу. На вопросъ: отчего онъ укрывается въ пустынѣ? Прокопій отвѣчалъ смиренно, что онъ изъ любви къ Богу и въ надеждѣ на вѣчную жизнь отрекся отъ міра, и желаетъ довершить свои дни, если Господу будетъ угодно, въ этой самой пустынѣ.

Тронутый до слезъ, Князь поднимаетъ руки къ Небу, воздастъ благодареніе Богу, потомъ проситъ молитвъ у старца и выпрастаетъ его въ духовники. Прокопій извлеченъ изъ своего уединенія и слава его стала распространяться; окрестные жители приходили наслаждать-

³⁸ Ser. rer. Boh. I, 214, 214.

ся его духовной бесѣдой, которая орошала сердца слушателей, какъ дождь жаждущія нивы. Получая богатые приношенія отъ Князя и отъ всѣхъ приходившихъ, онъ кормилъ нищихъ, насыщая ихъ пищею и тѣсною и духовною. Всѣ утѣшенные прибѣгали къ нему, какъ птенцы подъ крылья матери; составила у него небольшая братія, и Проконій положилъ основаніе Церкви во имя Пресвятой Богородицы и Св. Іоанна Крестителя. Правило монашеской жизни, предписанное новымъ инокамъ, былъ уставъ Бенедикта, ибо всѣ монастыри въ Чехіи въ то время исключительно принадлежали къ этому ордену; до замѣчательно, что онъ же удержался въ послѣдствіи въ другомъ Славянскомъ монастырѣ, основанномъ Карломъ IV. Князь Олдрихъ не могъ уговорить его принять на себя санъ Игумена. Смиренный старецъ страшился высокаго званія и отвѣтственности, съ нимъ сопряженной.

По смерти Олдриха, преемникъ его, Брячиславъ, рѣшился довершить дѣло, начатое отцемъ. Ему удалось побѣдить упорство Проконія и возложить на него санъ Игумена. Онъ надѣлилъ монастырь имѣніями, ограждая его отъ всѣхъ притязаній прежнихъ владѣльцевъ. Достигши высокаго сана, Проконій не возгордился, но обрекъ себя на жизнь еще болѣе оуровую. Въ самые счастливые дни своего монастыря, когда обитель ни въ чемъ не нуждалась, онъ жилъ отъ своего рукодѣля, подражая подвигу нищихъ. Множество чудесъ прославило святаго мужа въ утѣшеніе страждущихъ. Къ концу жизни онъ удостоился дара пророчества. За два дни до смерти, призвавъ къ себѣ любимыхъ учениковъ, Вита и Эмерамъ, сказалъ имъ: «Возлюбленные чада! Насталъ день моего разрѣшенія отъ тѣла. На третій день, по волѣ Господней, я совлеку съ себя плотскую одежду. Поручаю васъ Богу; но знайте, что вы, по смерти моей, сдѣляетесь предметомъ ужасной клеветы и гоненія; шесть лѣтъ будете скитаться по чужой землѣ и обитель ваша предана будетъ въ руки иноплемениковъ державною властію Князя. Вы же не оскудѣвайте въ Вѣрѣ, и утвердите и братьевъ своихъ, твердо уповавъ на Бога. По прошествіи шести лѣтъ, онъ снова приведетъ васъ къ пристанищу утѣшенія и посрамитъ гонителей вашихъ. По смерти благочестиваго Брячислава, преемникъ его, Спитигнѣвъ, будетъ преслѣдовать васъ; но богобоязненный Вратиславъ снова возвратитъ васъ въ обитель, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ дастъ вамъ миръ и спокойствіе на этомъ мѣстѣ во всѣ дни жизни вашей. Аминь.» На третій день, согласно съ пророчествомъ, Проконій, пораженный внезапною немощію, умеръ, съ молитвою на устахъ (1053 года, въ присутствіи Пражскаго Епископа Севра).

Ему наследовалъ въ управленіи монастыремъ племянникъ его, Витъ. Не долго онъ наслаждался этою почестію. 1055 года Князь Брячиславъ умираетъ и престолъ достается сыну его, Спитигнѣву. Злые люди стали наговаривать Князю на Игумена съ братією, увѣряя его, что Славянское Богослуженіе есть еретическое. Спитигнѣвъ дѣйствительно изгоняетъ Славянскихъ монаховъ, и 1057 года даетъ монастырь Аббату Латинскому. Витъ печально собираетъ паству свою и отходитъ въ предѣлы Угорскіе. Но едва только Нѣмецъ Аббать вступилъ во владѣніе похищенной собственностію, при входѣ въ храмъ внезапно явился ему Святый Прокопій и громко требовалъ отвѣта: по какому праву онъ въ здѣшней обители? Нѣмецкій Игумень сослался на повелѣніе Князя, отдавашаго ему монастырь въ пожизненное владѣніе. Если Князь даетъ тебѣ право поселиться, возразилъ Прокопій, то я отнимаю его. Принимая это явленіе за навожденіе діавольское, Аббать пропускаетъ его безъ вниманія. До трехъ разъ повторялось явленіе, и всякій разъ безъ успѣха; но четвертое грозное заставило Нѣмца спастись бѣгствомъ къ Князю. Послѣдняя черта пророчества Прокопія исполнилась по смерти Спитигнѣва, когда Вратиславъ дѣйствительно вызвалъ изъ изгнанія Славянскихъ монаховъ и возвратилъ имъ (1063 года), права надъ Сазавскимъ монастыремъ ³⁹.

Такъ кончилась первая эпоха Сазавскаго монастыря, эпоха младенчества и развитія, которая вся сосредоточивается около Св. Прокопія. Его основаніе, внутреннее устройство, характеръ его духовныхъ лицъ представляютъ явленіе, совершенно отдѣльное отъ Западной Церкви. Старшій братъ Печерскому монастырю, онъ во многомъ напоминаетъ послѣдній, и на духовное воспитаніе народа имѣлъ, вѣроятно, не менѣе благотворное вліяніе. Уставъ Бенедикта: послушаніе, цѣломудріе и нищета, приходился вполне къ его Славянскому характеру. Вся жизнь Прокопія, его смиреніе, занятіе рукодѣліемъ въ лучшее время обители, прокормленіе нищихъ за общей трапезой, мирныя отношенія къ Князьямъ и народу, пророчество о смерти, все это живо напоминаетъ намъ Русскихъ пустынножителей, Антонія и Феодосія. Какъ въ Печерскомъ монастырѣ занимались не однимъ рукодѣліемъ, такъ Сазавскій явился разсадникомъ Славянскаго образованія. Здѣсь переписывались Славянскія книги, можетъ быть переводы Кирилла и Меѳодія, которые могли и должны были сохраниться у Христіанъ, избѣгнувшихъ Угорскихъ опустошеній и рабства, во всякомъ случаѣ опасныя для Церкви Латинской, ибо, по изгнаніи Славянскихъ мона-

³⁹ Chronicon Sazaviense. Ser. rer. Boh. I, 89—98. Prokop, Starobylá Skládanie, I, 1—51.

ховъ изъ этой обители, Пѣмцы позаботились о совершенномъ ихъ истребленіи ⁴⁰. Кромѣ письменности, въ Сазавской обители процвѣтали искусства. Четвертый игумень, Божетѣхъ, былъ отличнымъ иконописцемъ и рѣзчикомъ, и великолѣпно украсилъ Соборную Церковь. Кіевопечерская Лавра также воспитывала въ стѣнахъ своихъ благочестивыхъ иконописцевъ. Живопись Сазавскаго монастыря была въ Греческомъ стилѣ. Посланная, въ 1081 году, Чешскимъ Княземъ въ одинъ изъ Австрійскихъ монастырей чудная икона Божіей Матери (*imago B. Virginis Mariae graeco opere mirabiliter expressa*), можетъ быть вышла изъ рукъ Божетѣха ⁴¹.

Но, кромѣ этого сходства съ нашимъ пустынножительствомъ, есть еще прямые указанія въ источникахъ на Православный характеръ Сазавской обители. 1) Лице Прокопія и всѣ обстоятельства его воспитанія неопровержимо доказываютъ существованіе Православныхъ священниковъ, и даже училищъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чешской земли, гдѣ никакія гоненія Западной Церкви не могли истребить укоренившихся Грековосточныхъ преданій. Таковъ былъ Вышеградъ, гдѣ находилась древняя церковь Св. Климента. Послѣдующіе Латинскіе писатели называютъ Прокопія Игуменомъ Брвеніѣвскаго монастыря Латинонѣмцаго, дабы скрыть его Грекославянскій характеръ. Но древнее Чешское стихотвореніе XIII столѣтія говоритъ прямо, что онъ получилъ свое воспитаніе въ Вышеградскомъ училищѣ, «*kdež slavné učenie běše, w Slowenském jazyce ktwěše,*» а потомъ, по единогласному рѣшенію Вышеградской Капитулы, избранъ въ священники при церкви Св. Климента ⁴². Сазавскій черноризецъ, написавшій лѣтопись своего монастыря, называетъ его: «*slavonicis literis, a sanctissimo Quirillo Episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus.*» Форма «*Quirillus*» вмѣсто «*Cyrillus*» непосредственно указываетъ на вліяніе Церковнославянское. 2) Богослуженіе Сазавской обители сопряжено было не только съ Церковнымъ языкомъ, но и съ обрядами, отличными отъ Римскихъ. Въ стихотвореніи *Прокопѣ* она противопоставляется Прагѣ и той половинѣ народа, которая слѣдуетъ Римскимъ обычаямъ. «*Когда народъ podlé římského svyčese, ходилъ три дня съ крестами и съ пѣніемъ,*» Прокопій съ братією въ свою очередь исправлялъ обыкновенныя службы ⁴³. Отъ

⁴⁰ «*Libri linguae eorum deleti omnino et dispersi, nequaquam ulterius in eodem loco recitantur.*» Chron. Sazav. I, 102.

⁴¹ Palacky's G. v. Böhm. I, 332, прим. 135.

⁴² Сазавоэммауское благоустройство, изд. В. Ганкой, 1846 г., Предисловіе, стр. IV.

⁴³ Procop. въ Starob. Sklad. I, 17.

того-то по смерти его завистники приступили къ новому Князю и прямо обвинили въ ереси монаховъ Сазавскихъ. «Князь, — сказали они, — «здѣсь есть какіе-то Славяне; имѣютъ какую-то грамоту, отличную «отъ нашей;» (это можетъ относиться только къ Церковнославянской, а не Чешской); «дѣлаютъ много пророчествъ; не допускай ихъ слу- «жить *Словенскимъ глаголомъ*, стоя предъ Божиимъ Престоломъ; «вѣдь это ересь *плодить* такую службу» ⁴⁴. Изгнанный, Витъ уда- лился съ братіею въ предѣлы Угорскіе, въ страну, гдѣ еще живо хра- пились 200-лѣтнія преданія Св. Кирилла, и пробылъ тамъ 6 лѣтъ у единовѣрныхъ братьевъ. А мѣсто Славянъ «*dachu jiným Němcóm, odkuds kakýms suzozemcóm, ti Němci Latínij běchu.*» Если Нѣмцы были Латинской Вѣры, и сочинитель счелъ нужнымъ упомянуть объ этой подробности, то, вѣроятно, предшественники ихъ, Славяне, были съ ними не одного Исповѣданія. Прокопій, явившись въ видѣніи Аббату и Нѣмецкимъ монахамъ, называетъ ихъ: «*něwerni Němci,*» указываетъ имъ путь къ ола- тиненной Прагѣ, и требуетъ немедленнаго оставленія Славянской обит- ели. Здѣсь нельзя не видѣть чего-то, совершенно отдѣльнаго отъ Ла- тинскаго міра, чего-то сильно проникавшаго въ жизнь народную, не- зависимо отъ Латинской Иерархіи, которая, въ лицѣ Епископа Севера, по неволѣ должна была признать враждебное начало, олицетворяемое въ Сазавскомъ монастырѣ.

Въ 1063 году окончательно торжествуетъ Славянское начало; из- гнанники возвращаются въ древнее жилище, упраздненное Нѣмцами. При Вратиславѣ II, противникъ великаго Гильдебранда и вѣрномъ союзникъ Императора Генриха IV, въ концѣ XI столѣтія, Православ- ное начало достигаетъ послѣдней степени развитія, съ одной стороны, въ протестахъ народа, побѣдившихъ притязанія самаго Папы о род- номъ языкѣ при общественномъ Богослуженіи, съ другой, въ совер- шенномъ перевѣсѣ не-Латинскаго духовенства въ дѣлахъ политическихъ. Причина обозначена выше: дѣятельное покровительство Олдриха и Брячислава, и отрицательныя услуги Спитигнѣва родному началу. Вратиславъ, въ попыткахъ своихъ предъ Римскимъ дворомъ, былъ толь- ко истолкователемъ воли народной. Этѣ явленія, конечно, находились въ связи съ великимъ нравственнымъ вліяніемъ Сазавскаго монастыря, который, при третьемъ игуменѣ, Эммерамѣ, отличился совершеннымъ безмездіемъ. При Божетѣхѣ онъ оставляетъ далеко назади всѣ прочіе монастыри: Игуменъ его присвоиваетъ себѣ права Епископскія и вмѣ-

⁴⁴ Procop. въ Starob. Sklád., I, 45.

сто Владыки Козьмы возлагаетъ корону на перваго Короля Чешскаго. Но сильное вмѣшательство Григорія VII въ церковныя дѣла Чехіи и убійственное для роднаго начала Княженіе Брѣчислава II (1092 — 1100), останавливаютъ его блестящее развитіе. Славянскіе монахи изгоняются уже навсегда изъ наслѣдственныхъ стѣнъ, и Дитгардъ, Брѣвнѣвскій Аббатъ, на развалинахъ Православнаго Богослуженія утверждаетъ торжество Латинской обѣдн. Трогательно оканчивается Лѣтописецъ Исторію Славянской половины Сазавскаго монастыря. «Тогда,» — говоритъ онъ, — «исполнилось слово Евангельское: поражу «Пастыря, и разыдутся овцы стада. Книги ихъ языка истреблены и «развѣяны, и никогда болѣе не будутъ возглашаться на этомъ мѣстѣ.» Этимъ плачевнымъ событіемъ (3-го января, 1097 года) оканчивается исторія Православія въ Чехіи въ XI столѣтіи.

XII вѣкъ поражаетъ насъ внезапною скудностію Православныхъ воспоминаній. Римская Церковь окончательно утвердила свое владычество въ Прагѣ. Сношенія съ Римомъ становятся чаще; Легаты а latere не выходятъ изъ Чехіи; число монастырей всѣхъ орденовъ умножается до чрезвычайности; новые обряды и обычаи Западной Церкви: органы, процессіи, получаютъ въ ней право гражданства; Славянское Богослуженіе, въ XI вѣкѣ свободно отправлявшееся въ Сазавскомъ монастырѣ, умолкаетъ въ XII. Чехи принимаютъ участіе въ великомъ движеніи Западнаго человѣчества для освобожденія гроба Господня. Вдохновенное слово Бернарда отзывается и въ ихъ отечествѣ и поднимаетъ цѣлыя тысячи къ принятію креста. Вся наружная сторона Вѣры народной покрывается искусственнымъ лоскомъ Католицизма; но духъ Православія хранится неизмѣнно въ Чешскомъ народѣ. Въ церквахъ слово Божіе не раздается болѣе на родномъ языкѣ, но Православная молитва: «Господи, помилуй!» живетъ постоянно въ устахъ народа, поется свободно и при избраніи Епископовъ, и предъ сраженіемъ, и въ началѣ новаго царствованія. При оскуднѣніи прочихъ признаковъ Православія въ Чехіи, эта краткая молитва, какъ въ Славянской, такъ и въ Греческой формѣ своей, получаетъ необыкновенную важность. Она встрѣчается 5 разъ у Козьмы, 4 у двухъ его продолжателей. 1) Еще при возведеніи Дитмара на Епископскій Пражскій престолъ, пока духовенство возглашало извѣстное славословіе Св. Амвросія, «Te deum laudamus,» Князь и Вельможи припѣвали по Древнѣнѣмцки: «Christe Keynade;» народъ (simpliciores et idiotae) вторилъ Православною пѣснію: «Kyrieleyson (Hospodine, pomiluj ny)» ⁴⁵.

⁴⁵ Cosmas in Ser. rer. Boh. I, 50.

1037 года, при возведеніи на престолъ Брячислава I, великаго поборника Православія, народъ встрѣчаетъ его троекратнымъ привѣтствіемъ: *Kyrieleeison* ⁴⁶. 3) При открытіи мощей Войтѣха въ городѣ Гнѣзнѣ, міряне (*laici*) повторяли опять эту пѣснь, хотя, по извѣстной ненависти Чеховъ къ памяти Войтѣха, это извѣстіе болѣе чѣмъ подозрительно, и Длугошъ утверждаетъ, что Войтѣхъ никогда не былъ перенесенъ Брячиславомъ. 4) По смерти Брячислава I «все Чехи, и малые и большіе, единогласно и единодушно выбираютъ себя въ Князья Спистигнѣва, припѣвая сладкую пѣснь: *Kyrieleeison* ⁴⁷». Къ XII столѣтію относятся два упоминовенія, одно у Козѣмы, другое у его продолжателя. 5) Въ 1109 году, по смерти Святополка, убитаго рукою измѣнника въ станѣ Генриха V, на войнѣ съ Болеславомъ, Королемъ Польскимъ, вѣрный слуга убитаго Князя, Графъ Вацекъ, просилъ Императора назначить Чешскимъ Княземъ Оттона, брата убитаго. Генрихъ согласился, «*et populus insipiens per castra ter Kyrieleeison clamat* ⁴⁸». 6) Въ знаменитомъ сраженіи Собѣслава съ Королемъ Лѣтарецъ, впервые прославившемъ Хлѣмскую (Кульмскую) долину въ 1126 году, Православная молитва: «Господи помилуй!» доставила Славянамъ небесную помощь: такъ несомнѣнно вѣрилъ Чешскій народъ ⁴⁹. — Нельзя ли въ источникахъ этого времени найти указаній на Греко-Славянскую стихію? Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе Исторія Пѣмецкой половины Сазавской обители. Весьма вѣроятно, что Латинскіе монахи, ея населившіе, подчинились вліянію прежнихъ могущественныхъ воспоминаній, тѣмъ болѣе, что Славянскіе изгнанники нашли у нихъ гостепріимное убѣжище и снова принесли съ собой Славянскія книги, спасенныя отъ гоненія Дитгарда ⁵⁰. Черты характера Сильвестра, преемника Дитгарда (въ 1134 году) во многомъ напоминаютъ Прокопія и его Православныхъ преемниковъ; а описаніе монастырскихъ обычаевъ, приложенное при этомъ случаѣ, рѣзко отличается отъ современныхъ Латинскихъ

⁴⁶ «*Duce locato iu solio et facto silentio, tenens dextram sui fratruelis, Jaromir dixit ad populum: Ecce dux vester; at illi ter succelamant Krless, quod est Kyrieleeison.*» Ibid. I, 88.

⁴⁷ Ibid. I, 129.

⁴⁸ Ibid. I, 237.

⁴⁹ Contin. Cosmae, I, 286: «*Militibus tristantibus et lacrymantibus et ex toto corde gementibus ad Deum, et oculis et manibus expendentibus ad coelum et tamdiu clamantibus Kyrieleeison, dum Deus vicit nostros hostes.*»

⁵⁰ На это важное обстоятельство указалъ Гапка въ Предисловіи къ Реймскому Евангелію. «*Abbas (Diethardus) libros, quos non invenit loco sibi commisso, praeter sclavonicos, ipsemet nocte et die immenso labore conscripsit.*» Chron. Sazav. p. 204.

обителѣй, покрывающихъ мало по малу все пространство Чешской земли. По смерти Пражскаго Епископа, Івана (1139), Сильвестръ назначенъ Владыкой; но отъ чего же продолжатель Козьмы называетъ его «vir vere Israelita,» въ противоположность высокимъ качествамъ сердца, который находитъ въ немъ черноризецъ Сазавскій? Уже въ 1140 году онъ принужденъ отказаться отъ высокаго сана, и, возвратившись въ свой монастырь, не избавился тѣмъ отъ гоненій. Въ 1144 году Кардиналь Легатъ Гвидонъ, *тогда самый, который многихъ священниковъ отрѣшилъ отъ должности за брачную жизнь*, отставилъ Сильвестра по жалобамъ, до него доходившимъ. Въ 1161 году Игуменъ приложился къ отцамъ, не любимый вельможамъ, «ибо не учацалъ ихъ пировъ.» Въ 1162 Рейнгардъ, 4-й Игуменъ, едва только поставленный, по доносу недоброжелателей, безъ суда и допроса, безъ собственного признанія и уличенія, изгнанъ изъ монастыря. Сазавскій Лѣтописецъ удивляется этой несправедливости и находитъ ей одну только причину: *желаніе передать монастырь Августинскимъ монахамъ, бывшимъ изъ туземныхъ краевъ*. Стало быть это изгнаніе можно назвать второю Латинизаціею Сазавскаго монастыря: Латинскіе монахи, безъ сомнѣнія, подчинившіеся вліянію Славянскаго начала, не соответствовали своему назначенію; надобно было въ другой разъ очистить обитель, населить ее свѣжими Пѣмекими выходцами ⁵¹.

Вспомнимъ еще отношенія Чеховъ къ нашей Исторіи въ XII вѣкѣ. Со времени Брячислава I Моравія съ прилежащею частію Угріи составляла удѣльное Княжество Чехіи и управлялась младшею линіею Премысловцевъ. Но съ начала XII столѣтія, подъ правленіемъ храбрыхъ Ростиславичей, Югозападная область Россіи достигаетъ исторической значительности. Въ Червонной Руси Владимірко полагаетъ основаніе сильному Княжеству Галицкому, которому долгое время назначено было соединять внутреннія области Южной Россіи съ Славянами Западной отрасли, Чехіи и Польши. Въ 1123 году Чехи съ Поляками и Уграми осаждали Владиміръ Волынскій противъ слабаго Мономахова войска. 1132 г. Вратиславъ, Князь Бѣрнскій, женился на какой-то Русской Княжнѣ; отсель начинаются снова усиленныя связи съ Южною Русью: Моравія служила имъ естественнымъ проводникомъ ⁵². Еще въ 1126 году Оттонъ III-й, сынъ Оттона II-го, Моравскаго Князя, убитаго на сраженіи при Хлумцѣ, бѣжалъ въ Русію ⁵³, неизвест-

⁵¹ Scr. rer. Boh. I, 315, 316, 329, 330, 342, 360—363.

⁵² Palacky's G. v. Böhm. I, 410.

⁵³ Опатовицкій черноризецъ называетъ его Bethleb, и подъ 1140 годомъ говоритъ о возвращеніи его въ Моравію Владиславомъ II-мъ.

но куда именно, и жилъ тамъ цѣлыхъ 14 лѣтъ до смерти Собѣслава⁵⁴. Въ 1144 году Святославъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, Князь Новгородскій, женился на Моравской Княжнѣ, которой имя, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Въ Новгородской лѣтописи подъ годомъ 6651 (1143) сказано: «Оженися Святославъ Новгородъ, приведе жену изъ Моравы, межъ Рождествомъ и Крещеніемъ»⁵⁵. Въ 1148 году Король Чешскій, Владиславъ II, возвращался съ Крестоваго похода чрезъ Константинополь и Кіевъ⁵⁶, въ которомъ княжилъ тогда Изяславъ Мстиславичъ, шурина Моравской Княжны. Кіевъ былъ ему вовсе не по дорогѣ; обязательства, въ которыя вошелъ онъ съ Императоромъ Греческимъ на этомъ самомъ пути, придаютъ еще болѣе важности поѣздкѣ его въ Малороссію. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, по взаимному ихъ соглашенію, Изяславъ Мстиславичъ, изгнанный изъ Кіева Георгіемъ Владиміровичемъ, отправилъ Пословъ къ зятю своему, Королю Угорскому, и къ двумъ *сванамъ*, Королю Польскому и Князю Чешскому, Володиславу, съ прошеніемъ помощи; и когда они изъявили согласіе, то просилъ ихъ съѣсть на коней съ Рождества Христова. Союзники явились дѣйствительно; но, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, вышли изъ Владимірской области⁵⁷. Наконецъ, въ 1165 году Король Владиславъ представлялъ въ Вѣнѣ какаго-то Рускаго Князя Фридриху Барбароссѣ, поручая его покровительству Императора⁵⁸. Этѣ близкія сношенія въ XII вѣкѣ, обнимавшія не только сопредѣльныя области Владимірскую и Галицкую, но всю Южную Русь и даже отдаленный Новгородъ, не могли остаться безъ важныхъ послѣдствій для Чехіи и въ отношеніи религіозномъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что этѣми связями и взаимными переселеніями сильно поддерживались въ Моравіи Православныя воспоминанія. Сюда же присоединить должно и близкія сношенія съ Константинополемъ, по случаю участія Чеховъ въ Крестовыхъ походахъ въ XII вѣкѣ. Въ 1150 году Епископъ Мейнардъ путешествовалъ въ Іерусалимъ и, возвращаясь въ 1151 году, привезъ съ собою отъ *Императора Греческаго* драгоценныя подарки, между прочимъ и *мощи Святыхъ*⁵⁹. Сазавскій Пгумень, Сплвестръ, также ходилъ въ 1157

⁵⁴ Pal. I, 400. Ист. Гос. Росс. II, 458, прим. 282.

⁵⁵ Новог. Лѣтоп. по изд. Арх. Комм. стр. 9. — Ист. Гос. Росс. II, 188.

⁵⁶ Palacky's G. v. Böhm. I, 428.

⁵⁷ Кіев. Лѣт. по изд. Арх. Комм. стр. 45.

⁵⁸ Palacky's G. v. Böhm. I, 452. Cont. Cosmae, I, 308.

⁵⁹ Ibid. I, 407.

году со множествомъ народа изъ Чехіи и Моравіи поклониться гробу Господню, и путешественники такъ долго останавливались въ Константинополь, что опоздали въ Іерусалимъ къ навечерію Пасхи ⁶⁰. Всего замѣчательнѣе Крестовый походъ Владислава. Какой-то Моравъ, Богута, отправляясь въ Іерусалимъ, остановился на половинѣ дороги, въ Константинополь, и достигъ высокихъ почестей при Дворѣ Императора Мануила. Онъ пробылъ тамъ цѣлыхъ 17 лѣтъ, и въ 1164 году былъ употребляемъ правительствомъ Греческимъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Чехіею. Король Владиславъ, возвращаясь съ неудачнаго Крестоваго похода въ 1148 году, отпустилъ свое войско въ отечество, а самъ завернулъ въ Византію и заключилъ съ Императоромъ Мануиломъ договоръ, въ слѣдствіе котораго Греки видѣли въ немъ вассала Имперіи. Чрезъ 17 лѣтъ миръ между Чехіею и Византіею утверждёнъ былъ родственными связями съ обѣихъ сторонъ. Малолѣтняя Елена, внука Короля Владислава, нареченная невѣста Петра Комнина, Мануилова внука, въ 1165 году отправлена была въ Константинополь *на воспитаніе* ⁶¹.

Что же въ XII вѣкѣ столь сильно влекло Чеховъ, преимущественно Моравовъ, къ Православной Руси и Константинополю, влекло одновременно и притомъ преимущественно только въ первой его половинѣ? Въ прошедшемъ столѣтіи совершенное раздѣленіе Церквей замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ началомъ княженія Брячислава I. Въ XII вѣкѣ, съ уничтоженіемъ Сазавской обители, прекращается въ Чехіи общественное Богослуженіе съ обрядами Греческими. Надлежало обратиться къ самымъ источникамъ, и эта потребность ознаменовалась усиленнымъ стремленіемъ къ Востоку, которое замѣтилъ Палацкій въ своей Исторіи. Но эти связи съ Русью и Греціей становятся еще знаменательнѣе по отношенію къ религіознымъ событіямъ Моравіи и Чехіи. Я говорю о бракѣ духовныхъ, который въ XII вѣкѣ устоялъ противъ всѣхъ усилій Западной Церкви. Еще Фотій, Патріархъ Цареградскій, между Латинскими догматами, наложенными Папой, Николаемъ I, въ 816 году на Булгарскихъ Славянъ, вычисляетъ безбрачіе клира; но окончательно установлено оно было Григоріемъ VII и возбудило противъ него все нисшее и среднее духовенство. Въ Чехіи постоянно хранился обычай Церкви Грековосточной. Въ словахъ Брячислава II, врага Православія, сказанныхъ Вигберту, что Епископъ, выбранный изъ Пѣмецкихъ священниковъ, не будетъ

⁶⁰ Cont. Cosmae, I, 27. Palacky's G. v. Böhm. I, 413.

⁶¹ Palacky's, G. v. Böhm. II, 428, 450, 451.

обремененъ заботами о дѣтяхъ ⁶², заключается сознаніе того, что семейная жизнь у всѣхъ Чешскихъ духовныхъ составляла необходимое дополненіе къ сану священника. Въ 1070 году Гильдебрандъ прислалъ въ Чехію Легатовъ, Бернарда и Григорія, по дѣлу Епископа, Яромира; они пробыли тамъ нѣсколько мѣсяцевъ для устраненія разныхъ злоупотребленій на счетъ брака духовныхъ ⁶³. Въ XII вѣкѣ поощренія Легатовъ одѣлались чаще; въ той же мѣрѣ возрастали протесты народа, исходившіе преимущественно изъ сердца Моравіи. Знаменитое возстаніе Моравскихъ Князей противъ Владислава II находится въ тѣсной, непосредственной связи съ состояніемъ Церкви въ Моравіи. Въ великомъ заговорѣ противъ Голомуцкаго Епископа, Генриха Здика, ревностнаго Католика и послѣдователя Войтъха, участвовали многіе члены духовенства Чешскаго и Моравскаго, между прочимъ Юрата, отрѣшенный отъ должности за брачную жизнь. Когда, въ наказаніе за посягательство Моравскихъ Князей на особу Генриха Здика, вся страна поражена проклятіемъ Папскимъ, священники: Богумплъ, Болемпль и Стрехъ, не прекратили Богослуженія, за то владѣнія Конрада Знаимскаго подверглись страшному опустошенію. Уполномоченнымъ Папскимъ въ это бурное время и главнымъ покровителемъ Генриха Здика былъ Кардиналь Легатъ Гвидонъ, который два года почти безвыѣздно (1143—1145) пробылъ въ Моравіи и Чехіи. Онъ же произвелъ совершенное преобразованіе клира въ этѣхъ обѣихъ странахъ, «separavit sacerdotes ab uxoriбъ ⁶⁴», какъ сказано въ лѣтописи. Всѣ священники, жившіе въ бракѣ, или навсегда были разлучаемы съ женами, или лишались священства. Послѣднему подверглись: Пражскій Пробстъ, Юрата, бывшій Канцлеръ Короля Собѣслава, начальникъ соборной церкви, Петръ, Вышеградскій Пробстъ, Гуго, Начальникъ Голомуцкой церкви, Оома, и другіе ⁶⁵. Важнѣйшее дѣло, совершенное въ 1197 году Петромъ Капуанскимъ, Легатомъ Целестина III въ Чехіи, былъ вынужденный у духовенства обѣтъ безбрачной жизни, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ давать всякій клирикъ до поставленія въ священники ⁶⁶. По свидѣтельству Гайка, духовные, слыша о запрещеніи брака, пришли въ такую ярость, что искали по-

⁶² «Quia hospes est, plus Ecclesiae prodest; non eum parentela exhauriet, non liberorum cura aggravabit, non cogoatorum turba despoliet.» Ser. rer. Boh. I, 207.

⁶³ Palacky's, G. v. Böhm. I, 310.

⁶⁴ Cont. Cosmae, I, 342.

⁶⁵ Palacky's G. v. Böhm. I, 423, 425, 426.

⁶⁶ Ibid. I, 491.

бить каменіємъ Кардинала, и исполнили бы свое мщеніе, если бы онъ не успѣлъ спастись бѣгствомъ. Что бракъ духовенства и въ Чехіи не былъ слѣдствіемъ безнравственности и отраселью многоженства, какъ утверждали Католики, на это есть указанія въ источникахъ. Проконпій, оставивъ жену, пошелъ въ монастырь. Конечно, не плотская потребность понудила благочестиваго мужа къ супружеской жизни. Козьма на самомъ концѣ своей лѣтописи (подъ 1125 год.) передаетъ любопытное извѣстіе о священникѣ, который, по смерти жены своей, положилъ обѣтъ не знать болѣе другой женщины⁶⁷. Славянскіе духовные весьма благоразумно обрекали себя на семейную жизнь и на всѣ попеченія, неразлучно съ нею связанныя, чтобъ избѣжать ужасающаго цѣломудрія священниковъ и монаховъ Запада.

XIII вѣкъ представляетъ намъ полное торжество Католичества въ Чехіи. Съ Премысла Оттокара I начинается рядъ Государей, унижившихъ свое отечество слѣпымъ подражаніемъ Латинскому Западу. Царствованіе Вячеслава II (1230—1253) есть время глубокаго паденія Славянской народности и совершенной покорности Апостольскому престолу. Какъ нѣкогда въ X столѣтіи Млада, сестра Болеслава, такъ въ XIV-мъ Агнеса, сестра Вячеслава, явилась связующимъ членомъ между Римомъ и Чехіею. Король Чешскій просилъ Григорія IX исполнить просьбу сестры о введеніи въ Чехію новыхъ монашескихъ орденовъ, и по этому случаю писалъ къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Исполняя желаніе ея, Святѣйшій Отецъ, ты во всѣхъ отношеніяхъ подчиниши меня своей власти, потому что я люблю сестру свою какъ жену, дѣтей и всѣ блага міра, даже болѣе кого бы то ни было изъ смертныхъ.» Значительность этого посланія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Иннокентій IV включилъ его въ число важнѣйшихъ документовъ Римской Церкви⁶⁸, 13-го Іюля, 1245 года, въ то время, когда Вячеславъ держалъ уже сторону Фридриха II, и угрозами принудилъ Папскаго Пунція удалиться изъ Чехіи. Совершенно противоположно прошедшему столѣтію, лучшій изъ Королей Чешскихъ питаетъ глубокое отвращеніе ко всему Православному Востоку. Правда, Премысль Оттокаръ II женился въ 1261 году вторымъ бракомъ на Кунгутѣ, дочери Ростислава Михайловича и внуку Св. Михаила Черниговскаго; но и имя невѣсты, и покровительство, оказан-

⁶⁷ Scr. rer. Boh. I, 280, 281.

⁶⁸ Palacky's, G. v. Böh. II, 110.

ное Папой Урбаномъ IV вдовѣ Ростислава, еще твердо хранившаго Вѣру отцевъ своихъ, ясно показываютъ, что въ ней уже не было ничего Русскаго ⁶⁹. Въ 1260 году, въ знаменитой битвѣ при впадѣніи Моравы въ Дунай, Православная молитва: «Господи помилуй!» впервые доставляетъ Чешскому войску побѣду надъ служителями Православія. Въ донесеніи Оттокара II Папѣ Александру IV этой войнѣ придастся великое релігіозное значеніе: она является свящснною бранью Латинства съ Грекославянскимъ началомъ. Тамъ сказано: «Мы по внушенію Божію вели тяжелую войну противъ Бѣлы и сына его, Королей «Угорскихъ»; противъ Даніила, Короля Русскаго и сыновей его, и прочихъ «Русскихъ и Татаръ; противъ безчисленнаго множества отступниковъ: «Грековъ, Булгаровъ, Русскихъ и Босанскихъ еретиковъ» ⁷⁰. Такимъ образомъ XIII столѣтіе есть печальное время для Православія въ Чехіи. Протесты его не касаются болѣе ни брака духовныхъ, ни употребленія роднаго языка при Богослуженіи; существованіе его въ XIII вѣкѣ можно доказать только отрицательно. Но всл система дѣйствія Рима въ отношеніи къ отживающимъ остаткамъ Православія въ Чехіи въ высшей степени достойна вниманія. Какъ нѣкогда Римъ языческій, покоряя вселенную, принималъ въ Пантеонъ божества враждебныхъ народовъ; такъ Римъ Христіанскій усвоиваетъ себѣ Православныхъ Святыхъ для облегченія духовныхъ завосваній. Въ 1204 году Папа Иннокентій III, по просьбѣ Короля Чешскаго, включаетъ въ Римскіе святцы Св. Проконія ⁷¹. Имя его насильственно связано съ новымъ Латинскимъ устройствомъ Сазавской обители; и Святый, который чрезъ 4 года по смерти такъ грозно преслѣдовалъ Нѣмцевъ, чрезъ 300 лѣтъ по волѣ Папской предлагаетъ гнѣвъ на милость, и въ 1324 году избавляетъ отъ смерти двухъ послушниковъ своего монастыря ⁷². Проконій и Людмила причисляются къ великимъ заступникамъ Чешской земли, Виту, Вячеславу, Войтѣху и Сигизмунду. Въ этомъ совокупленіи разнородныхъ и разноплеменныхъ стихій торжествуетъ хитрая политика Рима, которая хочетъ увѣрить народъ, что мнимое Православіе не существуетъ,

⁶⁹ О Русскомъ Князѣ Ростиславѣ, протѣ его, Франца Палацкаго. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. № 3-й 1846 г., въ Отд. иностр. матер.,» стр. 3—16.

⁷⁰ Cont. Cosmae, I, 399 — 405: «Gravis belli, quod adversus Belam et natum ejus Stephanum Ungariae reges illustres, et Danielelem, regem Russiae et filios ejus, et ceteros Ruthenorum ac Tataros, et innumeram multitudinem schismaticorum: utpote Graccorum; Bulgarorum, Ruscienium et Bosuensium haereticorum auctore Deo gessimus.»

⁷¹ Cont. Cosmae, I, 367.

⁷² Beness, in Scr. rer. Bohem. 251.

что мнимые его защитники вполнѣ принадлежатъ Католической Церкви ⁷³. Такое же странное сочетаніе встрѣчаемъ въ XIV вѣкѣ, при основаніи въ Прагѣ Славянскаго монастыря Эммаусскаго Императоромъ Карломъ. Православная пѣснь: «Господине, помилуй ны!» приписана Войтѣху, между тѣмъ какъ достоверно извѣстно, что народъ пѣлъ ее еще при Дитмарѣ. Для обольщенія простаго народа придумано множество басней, въ которыхъ Прокопій представленъ служебнымъ лицомъ Епископу Войтѣху. Сюда относится разсказъ лѣтописца, ничтожный самъ по себѣ, но важный по мысли, въ немъ выражаемой. Въ томъ же донесеніи Короля Чешскаго Папѣ разсказывается видѣніе одного воина, состоявшее въ слѣдующемъ: «Заступники Чешскіе шли по свѣтлому полю, впереди Вячеславъ, въ латахъ, въ шлемѣ, съ мечемъ и щитомъ, держа въ правой рукѣ свое собственное знамя. За нимъ слѣдовалъ *«Ада́льбертъ, великій и сильный, въ Архіерейскомъ облаченіи; Игуменъ Прокопій несѣ пастырскій жезлъ за Епископомъ»* ⁷⁴.» Шествіе заключалось пятью братьями Войтѣха, мучениками. Подобныя басни, безъ всякаго сомнѣнія расхвалившіяся въ массахъ, превосходно служили интересамъ Западной Церкви; потому что Прокопій пользовался неслыханнымъ уваженіемъ простаго народа, а Войтѣхъ признавался Святымъ только въ высшихъ сословіяхъ, преданныхъ Западной Церкви. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ весьма ясно проводится одна и та же идея; но нельзя не замѣтить, что Православіе сильно дѣйствовало въ извѣстной части народа, если Римская Церковь, располагавшая властію меча и огнемъ инквизиціи, считала нужнымъ прибѣгать къ такимъ средствамъ.

Въ 1215 году Римская Церковь уничтожила Чашу для мірянъ; но въ Чехіи Евхаристія подѣ обоими видами доводитъ вопросъ Православный до самаго Гуса. Хотя въ источникахъ нѣтъ указаній на этотъ догматъ въ XIII вѣкѣ, но религіозныя событія XIV столѣтія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ непрерывномъ его существованіи въ Чехіи. А если такъ, то былъ въ ней особенный разрядъ Православныхъ священниковъ, удержавшихся, не смотря на усилія Западной Церкви. Здѣсь нельзя опустить безъ вниманія свидѣтельства Странскаго, который все церковное управленіе Чехіи дѣлитъ на двѣ Іерархіи, Латин-

⁷³ «Am Tag der Böhmischen Patronen, die sind: Vitus, Venceslaus, Adalbertus, Sigismundus, Procopius und Ludomilla (Theobaldi Hussitenkrieg, 151).»

⁷⁴ «Vidit B. Procopium quasi Abbatem cum suo baculo pastorali S. Pontificem e vestigio comitantem. Cont. Cosmae, I, 399—403.»

скую и Греческую. Вычисливъ всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ Пражскихъ, онъ переходитъ къ церковному управленію Чеховъ Евангельскихъ. Вотъ его собственныя слова: «У Чеховъ Папистовъ Іерархія почти всегда была однообразна; у Евангельскихъ мѣнялась, смотря по обстоятельствамъ. У Папистовъ Епископы сохраняли власть свою пожизненно и управляли самодержавно; у Евангельскихъ церковное правленіе мѣнялось, согласно съ потребностями Церкви, и болѣе походило на общинное. Отъ Св. Кирилла до Дитмара церковная власть находилась въ рукахъ Евангельскихъ. Кириллъ поставилъ по всему государству учителей Вѣры (*docendae religionis ministros*), а надъ ними Совѣтъ Пресвитеровъ (*Collegium Presbyterorum*), и по обряду Греческому установилъ Литургію и всѣ церковныя службы. Первымъ въ этой Коллегіи не по сану, а по порядку чиноначалія, былъ, по преданію, Павелъ Кайхъ, мужъ, любимый за свое благочестіе Боривоємъ или Людмиллой, долго правившій Чешскою Церковію. По мѣру того, какъ члены Коллегіи сходили съ поприща жизни, праздное мѣсто, по общему согласію, заступалось кѣмъ либо изъ служителей (*ministri*) или низшихъ священниковъ. Такое правленіе Церкви продолжалось при Боривоѣ, Спитигивѣ, Вратиславѣ, Вячеславѣ, Болеславѣ I и Болеславѣ II, цѣлыхъ 70 лѣтъ, пока Дитмаръ не поставленъ Епископомъ надъ всѣмъ Государствомъ. Этотъ послѣдній не хотѣлъ и не могъ исполнить желаніе Папы—уничтожить обряды Булгарскіе. Его преемникъ, Войтѣхъ, правившій Чехіею 25 лѣтъ; родился и выросъ въ Православномъ исповѣданіи (!). Другіе священники Латинскаго обряда, хотя и отличались всегда могуществомъ и богатствомъ, не только хранили дружественныя связи съ приверженцами Греческой и Булгарской Вѣры, но постоянно выбирали въ капоники соборнаго Витова храма одного, или двухъ Православныхъ священниковъ, которые управляли Богослуженіемъ по своему обряду въ особенномъ придѣлѣ этого храма, подъ главною башнею, и имѣли тамъ свое жительство. Этотъ придѣлъ оставался до Владислава II, и только въ его царствованіе разрушенъ Докторомъ Павломъ Павчекомъ, начальникомъ придворной церкви на Вышеградѣ. Хотя имена всѣхъ священниковъ, выбиравшихся въ это званіе, до насъ не дошли, но самое событіе тогда только лишается своей достовѣрности, когда противники и сами въ непрерывномъ порядкѣ вычисляютъ имя всѣхъ древнихъ настоятелей своихъ монастырей. Но мы знаемъ по именамъ Православныхъ священниковъ: Летомила при Св. Вячеславѣ, Простивоя при Болеславѣ II, Іоанна Моравскаго и Генриха Лубенскаго при Іоаннѣ, Конрадъ Штѣкну и М. Іоанна Миллича при Карлѣ, М. Матѣя изъ Янова, прозва-

«ніемъ Парижскаго, М. Іоанна Гуса, и многихъ другихъ при Вячеславѣ.» По мнѣнію Странскаго и учрежденная въ 1421 году Консисторія Пражская была подражаніемъ великому дѣлу Св. Кирилла. На сколько достоверно это свидѣтельство, должна рѣшить историческая критика. Странскій ссылается на старинный календарь Данила Адама изъ Веле-славныи и лѣтопись Богуслава Пресвитера ⁷⁵. Но если отвергнемъ показаніе Странскаго, то какъ объяснить отношенія Св. Прокопія къ Церкви Латинской? Какъ объяснить добровольное избраніе привержища завѣдомо Православнаго исповѣданія въ Каноники и даже начальники Вышеградской Капитулы, той самой, въ которую, по свидѣтельству Странскаго, выбирался одинъ, или два Православныхъ священника? Какъ объяснить и позднѣйшее Греческое Богослуженіе Магистра Парижскаго въ томъ же Соборномъ храмѣ на Вышеградѣ, не подверженное никакому сомнѣнію? Показаніе Странскаго преувеличено только въ томъ отношеніи, что Грековосточное Богослуженіе совершалось будто бы до позднѣйшихъ временъ свободно и непринужденно; напротивъ извѣстно, что оно на всѣхъ пунктахъ подвергалось сильнѣйшимъ гоненіямъ Западной Церкви.

Со временъ Вячеслава II, склонившаго Чехію къ подражанію Нѣмцамъ, до самаго Гуса уже можно прослѣдить по источникамъ раздѣленіе въ высшемъ сословіи Пановъ, изъ которыхъ одни совершенно перерождаются въ Нѣмцевъ, а другіе возвращаются къ родному началу: Вѣрѣ, языку и обычаямъ. Въ 1249 году мы читаемъ у лѣтописца, что при торжественномъ вшествіи въ Прагу Вячеслава, послѣ побѣды, одержанной имъ надъ Австрійцами, народъ и присутствующіе вельможи встрѣтили его пѣснью: «*Pospodine pomiluj ny!*» ⁷⁶ Впервые вельможи общаются къ массѣ народной въ Православной молитвѣ; Козьма постоянно влагаеъ ее въ уста простаго народа, называя его: «*populus simplicior, idiota, insipiens.*» Въ XIII вѣкѣ вся Чехія наполняется сектами, дѣлается главнымъ убѣжищемъ ересей, гонимыхъ Западной Церковію. Еще въ XII вѣкѣ Премысль Оттокаръ II просилъ Папу, Александра IV, прислать инквизиторовъ въ Чехію, что и было исполнено (1257 г.) ⁷⁷. Бенедиктъ XII пишетъ къ Королю Іоанну, что въ его Королевство вкралось множество ересей. Изъ всѣхъ безчисленныхъ

⁷⁵ Resp. Boh. p. 304 — 307.

⁷⁶ Cont. Cosmae, I, 377—378: «populo et nobilibus terrae, qui tunc aderant; Pospodin pomiluj ny resonantibus.»

⁷⁷ Raynaldi Annal. Eccles. XVI, p. 29.

сектъ, насчитываемыхъ Римскою Церковію, только три посѣтили Чехію и утвердились въ ней отъ XII до XIV вѣка. Въ концѣ XII-го появляются, а въ продолжаніе всего XIII-го усиливаются Вальденцы; въ XIII-мъ появляется новая секта, Бичевниковъ (Флагеллантовъ); въ XIV-мъ усиливаются Бегарды или Бегуины. Вѣроятно, всѣ эти секты находились въ ближайшей связи съ Православіемъ; къ сожалѣнію, отношенія ихъ мало изслѣдованы. Мы обратимъ вниманіе на Вальденцевъ, какъ на главную и древнѣйшую ересь въ Западной Церкви, которая и въ Чехіи нашла много сочувствія.

Съ самаго начала Христіанской религіи двѣ великія ереси раздѣлили между собою поприще дѣйствія въ двухъ частяхъ Церкви Вселенской. На Востокѣ стремленіе къ мистицизму и элементы языческіе породили философію Гностиковъ; на Западѣ, согласно съ чувственнымъ характеромъ Церкви, обнаружившимся довольно рано, лучшая часть человечества, воспитанная въ преданіяхъ Апостольскихъ, составила великое братство Евангельской Церкви. Изъ главныхъ частей ученія Гностиковъ сложились Катары; Евангельская Церковь породила Вальденцевъ. Катары были, очевидно, происхожденія Восточнаго; труды новѣйшихъ ученыхъ рѣшили этотъ вопросъ окончательно ⁷⁸. Въ древнѣйшее время они являются подъ именемъ Павликіанъ въ провинціяхъ Восточной Имперіи; отсюда распространяются по Булгаріи подъ именемъ Богумиловъ. Отдѣльныя отрасли ихъ, скрываясь въ сектѣ Манихеевъ, давно уже познакомили Западъ съ ученіемъ Гностиковъ. Но болѣе тѣсныя связи начались у нихъ съ Западомъ со временъ Крестовыхъ походовъ. Въ XII столѣтіи Катары стали переселяться въ Италію и южную Францію, гдѣ принялъ названіе Альбигойцевъ. Первоначальное поселеніе Вальденцевъ было въ долинахъ между горами Италіи и Франціи, откуда получили они свое названіе. Самые ревностные защитники секты ихъ приписывали ей происхожденіе современное проповѣди Апостола Павла ⁷⁹. Другіе утверждали, что ученіе Вѣры занесено въ долины Вальденцевъ Христіанами, бѣжавшими отъ гоненій Иерона и Доминіана ⁸⁰. Какъ бы то ни было, но Вальденцы очень рано отдѣлились отъ Западной Церкви и приобрѣли самостоятельность. Въ XII столѣтіи начинается ихъ многосторонняя дѣя-

⁷⁸ Gieseler въ *Kirchengeschichte*, въ Исторіи еретическихъ сектъ, — *Jas: Disputatio Academica de Valdensium secta ab Albigenis bene distinguenda.*

⁷⁹ *Hist. des Vaudois*, 1796, I, ch. III, p. 47. Это основано будто бы на Рим. XV, 24—28.

⁸⁰ *Ibid.* p. 48.

тельность. Они отвергали всю Римскую Церковь съ ея Іерархіей, Таинствами и обрядами. Уже въ этомъ отличались они отъ Катаровъ, признававшихъ извѣстные Таинства, формы Іерархіи и раздѣленіе Христіанства на клиръ и мірянъ⁸¹. У нихъ бракъ духовенству не воспрещался⁸². Напротивъ Катары въ строгой нравственности и чистотѣ жизни доходили до крайностей, отвергая, какъ грѣхъ, плотское соединеніе половъ, а слѣдовательно и Таинство брака. Вальденцы въ простотѣ сердца вѣрили буквальному смыслу Писанія, которое считали Божественнымъ откровеніемъ; на этомъ основаніи отвергали всѣ чувствennыя прибавленія Западной Церкви. Катары придавали Св. Писанію смыслъ таинственный; принимали, какъ Гностики, два предвѣчныя начала, добра и зла; душа человека—твореніе Божіе, падшій Ангелъ, изгнанный изъ рая и заключенный Люциферомъ въ мрачную темницу человѣческаго тѣла. Ни одно твореніе Божіе погибнуть не можетъ; а потому душа человека переходитъ чрезъ нѣсколько тѣлъ, пока не совершится процессъ ея очищенія; тогда она снова возвращается въ обители неба и въ этомъ состоитъ ея воскресеніе; ибо тѣло, нечистое твореніе діавола, не можетъ имѣть участія въ славѣ. Они отвергали Ветхій Завѣтъ, питая глубокое уваженіе къ Новому; Вальденцы принимали всю Библію. Папа Інокентій III съ неудовольствіемъ писалъ Епископу Мецкому, что въ его Епархіи не малое число мужчинъ и женщинъ, увлекаемые любовью къ Евангелію, посланіямъ Ап. Павла, Псалтирю, книгѣ Іова, переводятъ ихъ на свой народный языкъ, для того, чтобы въ тайныхъ сходкахъ проповѣдывать другъ другу слово Божіе. Католики ставили Вальденцамъ въ вину, что они переводили Библію, что самые простолюдины знали наизусть отъ слова до слова книгу Іова и Новый Завѣтъ. Послѣ перваго враждебнаго соприкосновенія, обѣ секты соединенными силами напали на общаго врага своего, Римскую Церковь. Во многихъ догматахъ Катары дѣйствительно сходились съ Вальденцами: и тѣ и другіе отвергали почитаніе Святыхъ и Іконъ, чистилище и нѣсколько Таинствъ. Систематическіе удары Западной Церкви обрушились вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ; ужасное опустошеніе Провацсальскаго Юга и изгнаніе еретика, Петра Вальда изъ Ліона совершились почти въ одно время. Гонимыя секты разсѣлились по цѣлой Европѣ. Ученики Петра Вальда и остатки Альбигойцевъ искали убѣжища въ Чехіи. Хотя лѣтописи не го-

⁸¹ Reiner adv. Catharos, 263 — 273.

⁸² Ibid., 280.

ворять ничего о поселеніи Катаровъ въ этой странѣ, но Римская Церковь не слишкомъ была разборчива въ опредѣленіи истиннаго характера ересей, и имя Вальденцевъ въ то время сдѣлалось именемъ родовымъ для всѣхъ еретическихъ сектъ. «Еретики,» — говоритъ Гаскъ⁸³, — «подъ названіемъ Grubenhaime (обитателей пещеръ), снова вкрались въ Королевство Чешское въ 1341 году; но первое ихъ поселеніе здѣсь относится къ 1176 году. Они жили большею частію въ городахъ, особенно въ Прагѣ, гдѣ имъ удобнѣе можно было скрываться. Здѣсь они проповѣдывали въ нѣкоторыхъ домахъ, не иначе какъ тайкомъ. Они были терпимы, потому что умѣли скрывать свое нечестіе подѣ самою смиренною, простою одеждою». Это было единственнымъ средствомъ обезопасить себя противъ всѣхъ нападеній Западной Церкви. Слѣдуя этой мудрой политикѣ, Вальденцы умѣли обмануть бдительность Латинскаго духовенства, которое всюду стояло на стражѣ своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе они не могли бы сохранить своей самостоятельности въ Чехіи, если бы не нашли покровительства въ огромной половинѣ народа, противъ которой всѣ усилія Западной Церкви до сихъ поръ были тщетны. Между тѣмъ въ XIII и XIV вѣкахъ Чехія, *какъ достоверно извѣстно*, сдѣлалась ихъ главнымъ убѣжищемъ. По словамъ *освидца*, въ концѣ XIV вѣка они существовали только въ Тюрингіи, Моравіи и Чехіи⁸⁴.

Исторія Чешскихъ Вальденцевъ замѣчательна не сама по себѣ, какъ Исторія секты, зародившейся внѣ Славянскаго міра, и притомъ изъ чуждыхъ элементовъ, а какъ отрицательное доказательство сильнаго развитія Православнаго начала въ этой странѣ. Подѣ именемъ Вальденцевъ мы разумѣемъ вмѣстѣ Катаровъ, какъ соединившихся подѣ однимъ знаменамъ въ общей ненависти къ Западной Церкви. 1) И тѣ и другіе не могли бы избрать постояннымъ мѣстопробываніемъ Чехіи, если бы въ XII, XIII и XIV вѣкахъ умолкли въ ней всѣ протесты.

⁸³ Hist. Bohemica p. 550 подѣ годомъ 1341.

⁸⁴ Peter de Pilichdorf contra Valdenses. Добровскіи, въ своемъ изслѣдованіи о Чешскихъ Пикардахъ и Адамитахъ (Abhandlungen der Böhmischem Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1788), отвергаетъ показаніе Гаііка о раннемъ поселеніи Вальденцевъ въ Чехіи. Палацкіи (Gesch. v. Böhm. III, 157) считаетъ это извѣстіе довольно основательнымъ, хотя и не утвержденнымъ на современныхъ данныхъ. Но Флате (Vorläufer der Reformation) указываетъ на свидѣтельство современника Пилхдорфа (De la Bigne, Max. Bibl. Patr. XXV, p. 180, 181), которое нѣкоторымъ образомъ можетъ служить подтвержденіемъ Гаііку.

противъ Церкви Латинской, какъ увѣряють Католики. Изгоняемые отовсюду, они отыскали убѣжище въ странѣ гостепріимныхъ Славянъ, издревле отличавшихся высокой терпимостію, и подъ защитою народнаго начала продолжали развиваться хотя въ тишинѣ, но все же въ виду Католической Церкви, которая не могла воспрепятствовать ихъ распространенію. 2) Исторія ихъ утвержденія въ Чехіи есть единственный ключъ къ рѣшенію запутаннаго вопроса объ отношеніяхъ Православія Чешскаго къ Западной Церкви. Пока еретическія секты не проникали въ Чехію, преданія Грековосточныя скрываются въ Латинскихъ лѣтописяхъ подъ ложной личиною язычества. Потомъ, когда въ XII вѣкѣ Вальденцы нашли въ ней убѣжище, извѣстія объ остаткахъ язычества умолкають внезапно, и имя Вальденцевъ переносится на все Православное. Такъ въ числѣ замѣчательныхъ обрядовъ языческихъ, (высчитываемыхъ Католиками), встрѣчаемъ, между прочимъ, погребеніе покойниковъ не на кладбищахъ, а въ мѣстахъ, освященныхъ религіозными вѣрованіями древнихъ Славянъ, на поляхъ, или въ священныхъ дубравахъ⁸⁵. Эней Сильвій тотъ же самый обычай приписываетъ уже Вальденцамъ⁸⁶. Этотъ же догматъ Католики приписали и Гусу. Теобальдъ сохранилъ намъ любопытное свидѣтельство о разговорѣ Епископа Пражскаго, Сбинка, съ Гусомъ: «Я слышалъ»,—сказалъ ему Сбинекъ,—«будто ты въ прошедшее воскресеніе говорилъ съ каедеды, что всякій покойникъ можетъ быть похороненъ и не на кладбищѣ, а просто на полѣ, или въ зеленой рощѣ. А ты знаешь, любезное чадо, что Св. Адалбертъ всѣми силами отвращалъ Чешскій народъ отъ этихъ погребеній на поляхъ, налагалъ разныя запрещенія на наше отечество, и Богъ, по прошенію его, нѣсколько разъ казнилъ Чеховъ: одинъ разъ отнялъ небесное солнце; въ другой разъ заключилъ дождь для того, чтобы народъ не хоронилъ своихъ мертвыхъ на этихъ мѣстахъ, пока въ 1093 году, во дни Бряцислава II, они не обязались подъ клятвой хранить Христіанскую Вѣру со всѣми своими потомками⁸⁷». Извѣстіе Теобальда, Историка, довольно правдиваго, должно имѣть основаніе; съ другой стороны намъ извѣстно изъ древнихъ Чешскихъ поэмъ, помѣщенныхъ въ Краледворской Рукониси, что Славяне язычники хотя и хоронили иногда своихъ мертвыхъ, но весь-

⁸⁵ Dubrav. Hist. Bohem. IV, 120.

⁸⁶ «Coemiteriorum inanem usum, quaestui causa reperlum; quaecunque tegantur tellure humana corpora, nil distare.»

⁸⁷ Theobaldi Hussitenkrieg, I, 20.

ма рѣдко; сожженіе труповъ было общимъ обычаемъ, связаннымъ съ древнимъ повѣріемъ, что душа покойника не прежде возлетаетъ на небо, какъ когда истребится его тѣльная хранилища. Наконецъ Брячиславъ II, истребившій, между прочими остатками язычества, и этотъ суевѣрный обычай, былъ извѣстный гонитель Православія. Вѣроятно, здѣсь разумѣется какой нибудь Православный обрядъ, который трудно изслѣдовать въ настоящее время, можетъ быть Православные имѣли особенныя кладбища на пустынныхъ мѣстахъ, а Католики заставляли ихъ хоронить своихъ мертвыхъ на общихъ кладбищахъ. Извѣстно, что въ средніе вѣки на Западѣ не было особенныхъ мѣстъ, отведенныхъ для погребенія мертвыхъ: при каждой церкви были кладбища внутри городовъ; изъ каждаго дома проведены были ходы къ семейнымъ гробамъ, и могилы не рѣдко выходили на улицу ⁸⁸. Православный обычай искони отдѣлялъ жилища живыхъ отъ обителей мертвыхъ. Какъ бы то ни было, но вотъ доказательство важное въ пользу нашего мнѣнія, что Православныя воспоминанія съ намѣреніемъ утаивались Католическою Церковью, которая старалась привести ихъ въ забвеніе у народа, сливая ихъ съ язычествомъ или ненавистными ересями. Такъ въ послѣдствіи времени Латинскіе писатели смѣшивали Адамитовъ съ Пикардами; но мы знаемъ, что Жижка, вождь Таборитовъ, истребилъ эту грубую секту, а Табориты были непосредственными родоначальниками Чешскихъ и Моравскихъ Братъевъ, которыхъ Католики также называли Пикардами. Стало быть, Табориты истребили секту, отъ нихъ самихъ отдѣлившуюся? 3) Распространеніе Вальденцевъ и Катаровъ въ Чехіи доказываетъ существованіе въ ней Православія въ XIII и XIV вѣкахъ еще въ томъ отношеніи, что въ ученіи обѣихъ сектъ дѣйствительно очень много сходнаго съ ученіемъ Грековосточнымъ. Отъ того-то Вальденцы сроднились съ своимъ новымъ отечествомъ, что въ Православномъ ученіи Чеховъ нашли какъ бы отзвукъ своимъ собственнымъ вѣрованіямъ. Этѣмъ сочувствіемъ объясняются миролюбивыя отношенія ихъ къ Славянскимъ туземцамъ. Вальденцы допускали бракъ духовенства, защищали употребленіе роднаго языка при Богослуженіи, имѣли уже полный переводъ Библии; при всѣхъ уклоненіяхъ своихъ отъ древнихъ преданій Апостольской Церкви, все же отличалось истинно Евангельскимъ духомъ, разлитымъ на все ихъ ученіе. Чехи имѣли также переводъ Библии на сво-

⁸⁸ Luth. Sämmtl. Werke, Walch, X, въ проповѣди, произнесенной въ Виттембергѣ, во время мора.

емъ языкъ, и съ глубоко религіознымъ характеромъ соединяли образованіе, безпримѣрное въ тогдашнее время въ Католической Церкви. Славянское училище въ Вышеградѣ, книгохранилища въ Сазавскомъ монастырѣ, вообще довольно богатая Богословская Литтература, понятная при постоянныхъ сношеніяхъ съ Моравіею, поддерживали въ нисшемъ классѣ народномъ книжное образованіе. Съ другой стороны вліяніе Катаровъ обнаруживается отчасти въ церковномъ устройствѣ Чешскихъ и Моравскихъ Братъевъ, отчасти (и весьма сильно) въ мистическомъ характерѣ одной изъ составныхъ частей Таборитовъ. Не даромъ Эней Сильвій сливаетъ Гуситовъ съ Вальденцами, не полагая между ними никакаго различія. Не даромъ и Чешскіе Братья для поставленія себя Епископовъ, когда рушились послѣднія связи ихъ съ Римомъ, обратились къ Австрійскимъ Вальденцамъ, своимъ ближайшимъ соседямъ; не даромъ они и сами у Католиковъ слыли Пикардами. Ссылаемся снова на Гуситское преданіе, сохранившееся у Павла Странскаго ⁸⁹, который именно говоритъ: «Такъ какъ чистота исповѣданія Греческаго мало по малу терялась въ народѣ, частью отъ остатковъ язычества, частью отъ гоненій Латинскихъ, очень кстати явилось въ Чехію нѣсколько благочестивыхъ изгнанниковъ изъ Франціи и Нѣмецкой земли, ученики Петра Вальда, искусные въ Св. Писаніи. Поселившись въ Жатецѣ и Сланахъ, городахъ Чешскихъ, они соединились съ остатками исповѣдниковъ Греческой Вѣры, и скромно исправляли, на основаніи слова Божія, ошибки, замѣчаемыя въ ихъ Богослуженіи.» Города Жатецъ и Сланы; въ которыхъ, по Странскому, поселились Вальденцы, въ послѣдствіи явились коренными Таборитскими городами; а какъ въ Таборитахъ элементъ Православный очень ярко выдается снаружи, то свидѣтельство Странскаго хорошо соединяетъ развитіе Православія послѣ Гуса съ предшествующей Исторіей Чешской. Съ другой стороны присутствіемъ Вальденцевъ и Катаровъ и ихъ вліяніемъ на самый народъ весьма хорошо объясняются уклоненія отъ чистоты Православія во мнѣніяхъ, близко подходящихъ къ Лютеранизму (въ уничтоженіи Церковныхъ преданій, въ смѣлыхъ отзѣвахъ о поклоненіи Святымъ и Иконамъ), замѣчаемыхъ въ Матеевъ Парижскомъ, въ религіозномъ его мистицизмѣ, и, наконецъ, въ уничтоженіи многихъ существенныхъ истинъ Христіанской Религіи въ воинскомъ таборѣ Жижкиныхъ и Прокопovýchъ ратниковъ и въ мирной общинѣ Братъевъ. Вотъ нѣсколько мыслей объ отношеніи

⁸⁹ Respubl. Bohem. p. 275.

еретическихъ сектъ къ Православію. Исторія ересей вообще и въ особенности въ Чехіи еще ожидаетъ трудовъ безпристрастныхъ изслѣдователей; изъ нея могутъ быть выведены итоги, обильные для Исторіи Православія въ этой послѣдней странѣ ⁹⁰.

Въ XIV столѣтіи, преимущественно же съ царствованія Карла IV, не смотря на молчаніе лѣтописей, еще легче становится прослѣдить раздѣленіе народа на половины Латинскую и Православную. Съ одной стороны Латинская Вѣра достигла высшей степени развитія въ Чехіи; съ другой Православіе приходитъ къ сознанію силы своей, обхватываетъ огромную половину народа, и мощно втѣсняется въ жизнь государственную. Конецъ XIV столѣтія при Императорѣ Карлѣ IV есть время самаго лучшаго матеріальнаго благосостоянія Чехіи. Необыкновенное обиліе храмовъ и монастырей покрываетъ все лице Королевства ⁹¹. Государи Премыслова дома, Владыки, сначала Епископы, а со временъ Карла IV Архіепископы, всѣми средствами

⁹⁰ Г. Елагинъ говоритъ: 1) что «въ XV вѣкѣ Вальденцы или Пикарды были гораздо хуже у Чеховъ, нежели во Франціи или Италіи; что цѣлый народъ питалъ къ нимъ единодушное отвращеніе.» Это мнѣніе основано на томъ обстоятельстве, что Жижка безчеловѣчно жегъ Пикардовъ, которыхъ г. Елагинъ неправильно смѣшалъ съ Адамитами. Одинъ только Сильвій выводитъ послѣднихъ отъ вымышленнаго лица Пикарда, будто бы переселившагося изъ Бельгіи въ Чехію. Главное доказательство противъ этого мнѣнія Католиковъ заключается въ томъ, что Жижка, вождь Таборитовъ, которые въ послѣдствіи называются были Пикардами, не могъ въ Адамитахъ пстрѣбить своихъ единовѣрныхъ братьевъ. Подробности здѣсь не у мѣста. Ихъ можно видѣть въ прекрасномъ сочиненіи Флате: *Die Vorläufer der Reformation*, гдѣ отчетливо оцѣнено это мнѣніе Латинскихъ писателей, слѣчено съ изслѣдованіями Добровскаго и выведено самое правильное заключеніе. 2) На самомъ концѣ своего разсужденія г. Елагинъ предлагаетъ вопросъ: «Какъ назвать Славянскую Церковную стихію, которая въ теченіи 8 вѣковъ боролась въ Чехіи и Моравіи съ Латинско-Нѣмецкою? Назовемъ ли ее Греко-Славянскою? или примемъ, «что борьба Чешскаго народа съ Римомъ произошла не отъ крещенія Моравіи «Св. Меодіемъ, а отъ учениковъ Петра Вальда?» Послѣдній вопросъ невольно поражаетъ удивленіемъ. Да кто же, кромѣ Латинскихъ писателей, признавалъ когда-либо связь между церковными явленіями въ Чехіи въ XV в. и вошедшею извнѣ Вальденскою сектою? Такъ говоритъ опять одинъ только Сильвій и вся его бездарная школа; но и въ этомъ нельзя не видать умышленнаго, завистливаго искаженія истины. Если, какъ можно догадываться, г. Елагинъ намекаетъ въ этомъ случаѣ на мнѣніе Палацкаго, то снова указываю на 157 страницу его третьяго тома, гдѣ зародыши церковнаго движенія Чехіи причисляются прямо къ области Католицизма.

⁹¹ Эней Сильвій, *Hist. Bohem.* cap. 36. p. 74 — 75.

стараятся объ утвержденіи Латинской Вѣры въ своемъ отечествѣ. Но Римская Церковь, утвердившая престолъ свой въ Славянской землѣ, которую современники съ гордостію называли разсадникомъ челоѣческой и Божественной мудрости, образцемъ Христіанской Религіи ⁹², носила въ себѣ самой зародышъ паденія. За вѣншнимъ великолѣпіемъ Католики не примѣчали той внутренней порчи, которая медленно, но съ ужасною силою, заражала внутренность большаго тѣла и подтачивала его жизненные силы. При вѣншнемъ неслыханномъ богатствѣ исчезаетъ внутренній духъ Христіанства; роскошь становится общею язвою Латинскаго духовенства. Монастыри въ подземельяхъ хранятъ баснословныя сокровища ⁹³, поражающія изумленіемъ самаго роскошнаго изъ Императоровъ. Епископы трясутся надъ золотомъ; на собственный счетъ выставляютъ цѣлыя арміи, окружаютъ себя многочисленной свитой. Государственныя отношенія вторгаются въ Церковь; Пражскіе владыки мѣняють страннической посохъ миссіонарія Войтѣха на мечъ Императорскихъ ленниковъ. Кровавыя распри между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ отвращаютъ вниманіе Рима отъ Православной стѣхін, которая сильно трудится надъ возстановленіемъ народнаго начала. Всѣ великія вѣрованія, вынесенныя Западною Церковію изъ одного источника съ Православіемъ, нисходятъ на степень обрядовъ. Законъ милосердія подчиняется строгимъ формуламъ благотворительности. Въ Чехіи, какъ и всюду на Западѣ, размножается святѣня поддѣльная: мощи Святыхъ разносятся на торжища алчными монахами. Продажа индульгенцій (отпущеній грѣховъ) усиливается; Прага принимаетъ въ стѣны свои Святыхъ чужеземныхъ и имъ поручаетъ храненіе своей народности. Наружное убранство замѣняетъ внутреннюю красоту храмовъ; строгая иконопись, столь приличная благолѣпію храма въ суровомъ Византійскомъ стилѣ, принимаетъ характеръ пластической чувственности; иконы замѣняются статуями съ изящными формами челоѣческаго тѣла. Почитаніе Святыхъ доходитъ до грубаго сусѣтрія; новыя угодники создаются мановеніемъ Папы. Чтобы сильнѣе поразить чувственность челоѣка, лѣтописцы плѣняютъ воображеніе разсказомъ чудесъ небыва-

⁹² Cochlaei Hist. Hussitarum, p. 264.

⁹³ Theobald (Hussitenkrieg, 152—156) сообщаетъ любопытное извѣстіе о сокровищахъ, вѣдѣнныхъ Карломъ IV въ Опатовицкомъ монастырѣ. По усльненнымъ просьбамъ его, игуменъ показавъ ему три подземелья съ золотомъ, серебромъ и горами драгоценныхъ камней. Карлъ оцѣнивъ самъ это сокровище въ четыре милліона гульденовъ.

лыхъ. Латипская Вѣра всю жизнь Христіанскую подчиняетъ цѣлому ряду случайностей, въ которыхъ побѣда остается за формой.

Въ сравненіи съ этою темною стороною исторіи Чешской отрадное явленіе представляетъ намъ Православная половина народа. Слѣдя исторію Православія отъ X до XIV столѣтія въ Чехіи, мы могли замѣтить, какъ сильно развивалось въ народѣ духовное начало, какъ религіозная мысль неизмѣнно сопутствовала всей жизни народной. Современники не даромъ называли Чеховъ народомъ *по преимуществу Христіанскимъ* (*populus Christianissimus*), и въ пышныхъ выраженіяхъ отзывались объ ихъ религіозномъ характерѣ. «*Evangelica disciplina*,» — говоритъ Мартинъ V, суровый Католикъ, — «*ibidem summa veneratione et excellentissima devotione colebatur*»⁹⁴. Дѣйствительно, Чехи во времена феодальнаго варварства могли служить образцемъ для Западнаго человечества и считаться драгоценнѣйшимъ камнемъ въ тиарѣ Римскаго Первосвященника. И если въ словѣ народа истинное выраженіе мысли его, то можно сказать, что самая лѣтопись Чеховъ есть лучший памятникъ ихъ религіознаго духа. Народъ мало выступаетъ на сцену въ древней исторіи Чеховъ; но гдѣ бы онъ ни являлся, уста его открываются для хваленія Бога; его молитва одно умоляющее: «Господи помилуй!» которое звучно отдается отъ одного конца исторіи до другаго, повторяясь въ радостныя и въ скорбныя минуты его бытія. Въ началѣ XIV столѣтія Православіе является въ обширныхъ размѣрахъ: народъ, духовенство и большая часть дворянства исповѣдаютъ уже Вѣру отцевъ своихъ. Такъ, безъ сомнѣнія, понимать должно загадочное извѣстіе лѣтописца подъ 1301 годомъ. «Приходскіе священники (*plebani et rectores Ecclesiarum*) были наемники, а не пастыри; служили обѣдни и преподавали церковныя Таинства по власти своихъ покровителей, которые въ этомъ случаѣ не имѣли ея. Епископъ восхотѣлъ лучше подвергнуть опасности жизнь свою, чѣмъ терпѣть такія незаконныя дѣйствія. Онъ возсталъ противъ Короля и вельможъ, увѣщавая ихъ не подвергать себя и своихъ подданныхъ вѣчному осужденію и отставилъ священниковъ. Тогда одинъ изъ пановъ въ похрищаніи и ярости сказалъ ему въ присутствіи многихъ вельможъ и дворянъ: «Мы скорѣе перейдемъ снова къ язычеству, чѣмъ согласимся на твои требованія» Предположеніе, что здѣсь дѣло идетъ о святокупствѣ духовныхъ, невѣроятно. Вельможи Католическіе этого времени неблагопріятствовали выгодамъ духовенства; они сами обогащались на счетъ церковныхъ имуществъ, травили хлѣбъ мона-

⁹⁴ Cochlaei, Hist. Hussitarum, 173.

стырскій; притомъ же симонія священниковъ не могла угрожать вѣчной погибелью простому народу ⁹⁵. Безъ всякаго сомнѣнія здѣсь тайный намекъ на Причастіе подъ обоими видами и на Православное Богослуженіе, совершавшееся уже открыто подъ покровительствомъ сильныхъ вельможъ. Извѣстно, что около того же времени, или нѣсколько позже, этотъ догматъ Церкви Восточной до того усилился въ Чехіи, что Карль IV принужденъ былъ принять дѣятельныя мѣры для его ограниченія. Тревожно смотрѣла на этѣ явленія Римская Церковь: самаго Епископа Іоанна IV-го она обвинила въ покровительствѣ еретикамъ. Въ XIV вѣкѣ необходимость роднаго языка при Богослуженіи до того сильно проникла въ убѣжденіе народа, что вынудила основаніе Славянскаго монастыря. Палацкій говоритъ справедливо, что въ этомъ дѣйствіи Императора Карла выражалась не любовь къ запрещенному Славянскому Богослуженію, а только желаніе послужить интересамъ Западной Церкви. Карль IV-й, который въ новомъ своемъ Уложеніи: «*Majestas Carolina*,» провозглашалъ *Католическую Вѣру* единственною въ Чехіи, еретиковъ и ослушниковъ Западной Церкви присуждалъ къ изгнанію и даже костру, облакалъ не только духовныхъ, но и свѣтскія лица въ страшныя права инквизиціи, Карль IV-й не могъ покровительствовать Славянскому Богослуженію, соединенному съ Греческими обрядами. Палацкій правильно смотритъ на монастырь Эммаусскій, какъ на дѣятельное орудіе Римской пропаганды— не у Сербовъ, не у Русскихъ, какъ думаетъ г. Елагинъ, а въ собственномъ отечествѣ, которое болѣе и болѣе отрывалось отъ Римскаго тѣла. Монастырь основанъ подъ Прагою и притомъ въ новомъ городѣ Пражскомъ, для того, чтобъ отвлечь вниманіе народное отъ Вышеграда, какъ древняго средоточія Православія въ Чехіи. *Не только трудно*, но и совсѣмъ невозможно, объяснить возстановленіе Славянскаго Богослуженія чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ народной къ нему любви въ самыхъ Чехахъ. Эта любовь, разумѣется, родилась не въ XV вѣкѣ, а въ IX-мъ, и существовала *при* Карлѣ IV, но отнюдь не *въ* Карлѣ IV. Г. Елагинъ говоритъ, что Карль, возстановитель Славянской литургіи, на цѣлыхъ 500 лѣтъ привязалъ къ себѣ сердца Чеховъ и оказывалъ покровительство Милічу. Это справедливо только отчасти. Покровительство челоуѣку, который предъ цѣлымъ народомъ называлъ

⁹⁵ Іоаннъ IV въ послѣдствіи обвиненъ самъ въ святокупствѣ. Судя по его неистощимымъ богатствамъ, которыя, по словамъ лѣтописца, все прибывали, не смотря на издержки, можно подумать, что обвиненіе это было довольно основательно. Какъ же могъ онъ вооружаться съ такою ревностію на симонію священниковъ?

Карла Антихристомъ, могло быть только вынужденнымъ великою его народностию. А Чехи не лежали сердцемъ къ своему Королю. Современники громко жаловались на его пристрастіе къ Нѣмцамъ. Несмотря на мнимыя привилегіи, данныя Чехамъ, на первенство въ Университетѣ, судахъ и въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія, Карлъ все же давалъ предпочтеніе Нѣмцамъ, какъ своимъ соотечественникамъ; законы, вынуждаемые необходимостію, не нашли исполнителей и падали подъ гнетомъ укоренившагося обычая. Карлъ IV-й любилъ Чехію *своекорыстно*, какъ орудіе возвышенія своего рода и утвержденія въ немъ преемственно Нѣмецкой короны. Онъ искусно принималъ на себя личину патріотизма; умѣлъ впору дѣлать уступки народному мнѣнію; но всѣ его благодѣянія наследственной Чехіи были только обдуманнѣмъ слѣдствіемъ политическихъ соображеній. Отъ того-то, не позже какъ черезъ 50 лѣтъ, въ Университетѣ и въ Городской Думѣ господствуютъ Нѣмцы; и умственное образованіе и охраненіе нвродныхъ правъ предоставлены произволу давнишнихъ притѣснителей того и другаго. Славянскій Эммаусскій монастырь не что иное, какъ хитрый отголосокъ политики Римской, которая въ прошедшемъ столѣтіи причислила Прокопія къ лику Святыхъ. Эта новостъ неслыханная, утвержденная Папой, лишь отвлекала вниманіе народное отъ Православнаго вопроса, одѣвала Латинскую Вѣру въ Славянское платье, дѣлала изъ роднаго языка послушное орудіе распространенія враждебнаго начала. Избраніе Епископовъ, искусныхъ въ родномъ языкѣ, служило той же цѣли. Въ XIII вѣкѣ, въ эпоху сильнаго владычества Нѣмцевъ при Оттокарѣ II, такимъ явился Іоаннъ III (1258 — 1277), «*facundissimus in eloquentia utriusque idiomatis, bohemici et latini*»⁹⁶. Основаніе Славянскаго Эммаусскаго монастыря Императоромъ Карломъ лѣтописцы Латинскіе описываютъ въ общихъ чертахъ⁹⁷. Но въ современныхъ актахъ, изданныхъ Пельцелемъ, сохранились подробности этого замѣчательнаго событія. 19-го ноября, 1347 годѣ Карлъ IV-й выдалъ закладную грамоту на основаніе Бенедиктинскаго монастыря въ предмѣстіи или въ Новомъ Городѣ Пражскомъ, приказавъ, чтобы пѣніе, часы и обѣдни навсегда совершались въ немъ на Славянскомъ языкѣ, по утвержденію Папы Климента VI-го. Онъ постоянно обогащалъ монастырь подарками и имѣніями; 26-го августа, 1356 года положилъ десять гривенъ годоваго жалованья писарю, имѣвшему обязанность писать и переписывать для монастыря кнѣ-

⁹⁶ Contin. Cosmae, Scr. rer. Boh. I, 427.

⁹⁷ Scr. rer. Boh. I, 346.

ги на *благородномъ Славянскомъ языкѣ* (nobilis linguae Slavonicae). 23-го марта, 1372 года, въ среду на Свѣтлой недѣлѣ, отправился въ Новгородъ Пражскій въ царской одеждѣ, съ сыномъ своимъ, Вячеславомъ, съ Воеводой и Курфирстомъ Майницкимъ, Іоанномъ, Архіепископомъ Пражскимъ и Остригомскимъ, Епископами Мсца, Аугсбурга, Парижа и Шейбурга, Воеводой Опольскимъ, и присутствовалъ при торжественномъ освященіи новопостроеннаго храма Архіепископомъ Пражскимъ, Іоанномъ V-мъ⁹⁸. Настоящая цѣль учрежденія Эммаусскаго монастыря осталась тайною для современниковъ. Еще Теобальдъ удивлялся, какъ Папа рѣшился на такую уступку, о которой другіе народы въ то время не смѣли и думать⁹⁹. Карлъ IV-й хотѣлъ навсегда слить Православныя воспоминанія съ Католической Вѣрой. На это указываетъ: 1) названіе новой обители, учрежденной во имя Славянскихъ учителей, Кирилла и Меѳодія, Войтъха, Прокопія и Іеронима. Последняго считали тогда переводчикомъ Библии съ Еврейскаго языка на Славянскій въ IV столѣтіи. 2) Вызваны были монахи изъ Хорватіи и Сербіи, Славяне родомъ, но Католики Вѣрой. 3) Бросая безпокойный взоръ въ будущее, Карлъ IV-й въ концѣ грамоты проситъ своихъ преемниковъ ни въ чемъ не измѣнять его завѣщанія относительно новаго монастыря; послушниковъ предастъ гнѣву Божію. Этѣмъ торжественнымъ объявленіемъ онъ думалъ навсегда оградить Латинское Богослуженіе отъ притязаній Православной половины народа. Въ извѣстномъ посланіи къ Царю Сербскому, Стефану Душану, онъ выразилъ первый великую мысль о соединеніи народовъ Славянскихъ. «Если общность существа человѣческаго,»—писалъ онъ къ нему 19-го февраля, 1355 года, въ то время, когда Душанъ стоялъ на верху своей славы и протянулъ руку за Цареградомъ,—«внушаетъ намъ глупое сочувствіе къ ближнему, то какая должна быть связь между нами, братьями по величію царственному, *по единству благородной рѣки Славянской, по общности происхожденія отъ одного великаго племени?*» Здѣсь въ высшей степени сказалась односторонность холоднаго взгляда политика; языкъ, отрѣшенный насильственно отъ коренныхъ основаній быта народнаго, единства Вѣры и обычаевъ, всегда останется мертвымъ, и не связующимъ, а скорѣе разъединяющимъ членомъ. Мысли Карла IV не принялись на Православной почвѣ на-

⁹⁸ Сазавоэммаусское Евангеліе, изданное 1846 Ганкойи, Предисловіе, стр. V и VI.

⁹⁹ «Es nimpt mich sehr wunder dz der Vater Papst dem Karolo dis zugelassen, welches doch kein Pabst keiner Nation gethan hat,» — Hussitenkrieg, 200.

рода; Славянскіе монахи вошли во владѣніе Эммаусскимъ монастыремъ, но внесли въ него народную мысль, претворили его своею духовною силою въ разсадникъ Славянскихъ воспоминаній. Не долго держалась Латинская обѣдня въ обители, посвященной памяти великихъ Православныхъ учителей. Уже Бенешъ изъ Вейтмиля называлъ ее обителию св. Амвросія, а Богослуженіе ея чѣмъ-то среднимъ между Православнымъ и Католическимъ, по обряду Св. Амвросія, постановленному имъ для Церкви Медиоланской¹⁰⁰. Но у Теобольда сохранилось свидѣтельство, изъ котораго можно заключить о постоянномъ сохраненіи въ монастырѣ Евхаристіи подъ обоими видами. Описывая его состояніе въ новѣйшее время, Теобальдъ говоритъ: «При входѣ въ церковь, находишь поверхъ «купели знаменательную надпись: Эта церковь монастыря Славянскаго «Католиковъ *подъ обоими*.... Последнія слова нѣсколько стерлись»¹⁰¹. Во время Гуситскихъ войнъ, при общемъ разрушеніи всѣхъ Чешскихъ монастырей, Эммаусская обитель не только пощажена Таборитами, но сдѣлалась какъ бы главною соборною церковію, гдѣ приносили они благодарственные молитвы за побѣды, дарованныя имъ Богомъ. Игуменъ съ монахами, въ священническомъ облаченіи, вышелъ на встрѣчу грозному вождю Таборитовъ; онъ несъ съ собою Дары, которыхъ всѣ присутствующіе причастились подъ *обоими видами*. Карлъ IV-й, въ числѣ другихъ драгоценностей вручилъ Сазавской обители Евангеліе, извѣстное нынѣ подъ именемъ Реймскаго. Споръ о происхожденіи этого памятника до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Основываясь на припискѣ, помѣщенной на концѣ этого Евангелія, вѣроятно, его обладателемъ, Чешскимъ инокомъ Эммаусскаго монастыря, въ царствованіе Вячеслава, Карлова сына, считали и считаютъ его памятникомъ XI столѣтія, коего Кирилловская половина будто бы писана Св. Прокопіемъ, основателемъ Сазавскаго монастыря. Но, по всѣмъ внутреннимъ признакамъ, это Евангеліе есть несомнѣнно памятникъ Паннонской письменности отъ XIII до XIV столѣтія, который Карлъ IV-й могъ приобрести во время частыхъ своихъ путешествій по Крайны,

¹⁰⁰ «1354 Karolus.... fundavit monasterium sub titulo S. Ambrosii in Nova civitate Pragensi.... obtinuit autem a Sede Apostolica, ut ipsius monasterii Abbas et fratres tenere debent et habere officium Missae et aliarum horarum ad modum et consuetudinem Ecclesiae Mediolanensis, secundam rubricam et ritum S. Ambrosii.»

¹⁰¹ «Wenn man in die Kirchen geht, findet man über den Weykessel diese Wort: Haec Ecclesia monasterii Slovanensis Catholicorum *sub utraque*.... dieses Wort seu was ausgesprochen worden.» — Theobaldi Hussitenkrieg, 201—202.»

Хорватіи и Хорутаніи, или получить въ даръ отъ Душана. Цѣль сочинителя приписки, выдававшего Евангеліе за писанное Св. Прокопіемъ, хорошо объясняется тогдашними политическими обстоятельствами. Для огражденія безопасности своего монастыря во время войнъ Гуситскихъ, онъ не нашелъ лучшаго средства, какъ выставить на Евангеліи знаменитое имя Прокопія. Это уваженіе къ родоначальнику Грекославянскаго пустынножителства въ Чехіи во времена Гуситовъ служить новымъ доказательствомъ ихъ Православія.

Таково было положеніе Чехіи во второй половинѣ XIV столѣтія. Вся послѣдняя четверть этого вѣка отличается необыкновенною дѣятельностію во всѣхъ сословіяхъ общества. Вѣковая борьба между Католическимъ и Православнымъ началомъ стремительно приближается къ развязкѣ. Съ одного конца до другаго Чехія вся наполнена ересями. Происходитъ явное раздвоеніе въ народѣ: защитники Православія отказываются отъ участія въ Латинскомъ Богослуженіи ¹⁰². «Вѣра и любовь изсякли»,—говоритъ лѣтописецъ;—«люди предались удовольствіямъ міра, перестали кланяться Богу и Святымъ.» По всѣмъ концамъ Чехіи происходятъ кровавыя сцены, предвѣстники ужасовъ Таборскихъ. Въ 1341 году Инквизиторъ убитъ въ Прагѣ у Св. Климента нѣсколькими еретиками, пришедшими къ нему подъ предлогомъ исповѣди ¹⁰³. Напрасно Карлъ IV-й старается преобразовать духовенство; напрасно любимецъ его, Конрадъ Вальдгаузеръ, Пѣмецъ, выписанный имъ изъ Австрійскихъ владѣній, громитъ своимъ словомъ господствующіе пороки народа. Никогда сельское народонаселеніе, въ которомъ хранилось доброе сѣмя, завѣщанное пятью вѣками исторической жизни Чеховъ, не находилось въ такомъ страшномъ угнетеніи отъ гордыхъ вельможъ. Онѣмечившіеся Паны, отправляясь съ Императоромъ въ походъ противъ Оттона Браннборскаго, произвели ужасныя опустошенія въ Чехіи въ 1371 году. Съ отвращеніемъ отзываясь объ нихъ лѣтописецъ. Въ эту знаменательную эпоху для Чехіи, въ 1369 году, рождается Гусъ, великій возстановитель единства народнаго и другъ человѣчества. Грустно читать послѣднія страницы Бенша. Казнь Божія видимымъ образомъ постигала Чехію. Нѣсколько

¹⁰² Еще въ 1369 году, на праздникъ Успенія, стеченіе въ Пражскую церковь такъ было велико, какъ не бывало никогда на памяти народа. — Въ слѣдующемъ году, на праздникъ Св. Вячеслава, явилось очень мало народа («paucissimi homines»).

¹⁰³ Бенешъ, 279. См. еще Бенеша, IV, 388, 390.

лѣтъ сряду опустошала ее моровая язва. Среди вѣхъ народныхъ бѣдствій Православіе вступаетъ въ открытую борьбу съ Католичествомъ. Два мужа, Славне родомъ, Православные Вѣрой, возвышаютъ свой обличительный голосъ, уже не тайно, въ домахъ и пещерахъ, а предъ лицемъ Западной Церкви, всенародно, на площади. Явленія Милнча и Матеія Парижскаго принадлежать вполнѣ исторіи Православія въ Чехіи, не смотря на успія нѣкоторыхъ пріобщить ихъ къ явленіямъ Западной Церкви. Доселѣ они, вмѣстѣ съ Конрадомъ Вальдгаузеромъ, составляли триумвиратъ, котораго цѣлію считалось исправленіе нравственности, глубоко упавшей въ концѣ XIV-го столѣтія. Но Вальдгаузеръ, Шмець, могъ дѣйствовать только на Латинскую половину народа, не владея роднымъ языкомъ той страны, которая изъ милости усыновила его. Конечно, и Милнчъ и Матеій Парижскій не упускали изъ виду вопроса практическаго; но вопросъ догматическій даетъ главное содержаніе ихъ замѣчательной дѣятельности. Жизнь Милнча до того искажена Католическимъ писателемъ, Бальбиномъ, который умышленно утаиваетъ ея Православный характеръ, что только ощупью можемъ добраться до истины. Сочиненія же Матеія, его послѣдователя, доселѣ лежатъ неизданными въ библіотекѣ Пражской; но и скудные выписки, сдѣланные изъ нихъ Палацкимъ, бросаютъ яркій свѣтъ на многіе темные вопросы жизни его учителя. Милнчъ былъ однимъ изъ приближенныхъ Карла IV и настоятелемъ Пражскаго Соборнаго храма. Внезапно отказываясь отъ выгоднаго своего положенія, которое давало ему надежду занять некогда мѣсто Архіепископа, онъ выѣзжаетъ изъ Праги и нѣсколько мѣсяцевъ проводитъ вдали отъ шума житейскаго, ежедневно упражнясь въ безвѣстномъ приходѣ въ проповѣди Слова Божія. Причиной его удаленія Бальбинъ обозначилъ зависть къ успѣхамъ Конрада Вальдгаузера и особенное настроеніе воображенія, которое влекло его къ одиночеству; но Милнчъ не могъ завидовать Конраду, ибо не далѣе какъ чрезъ полгода самъ, возвратясь въ Прагу, проповѣдуетъ съ успѣхомъ, дотошъ неслыханнымъ. Конечно, полгода вѣтъ проведены были Милнчемъ среди Православныхъ братьевъ своихъ, которые не смѣли еще показаться въ столицѣ, но уже близко къ ней подходили. Настоящая причина его удаленія отъ Архіепископа приводится позднѣйшими Гуситами. Странскій, основываясь на свидѣтельствѣ Богуслава пресвитера и Лупача, говорить, что Милнчъ возсталъ на Арнепта за намѣреніе изгнать изъ Чехіи всѣ исповѣданія, кромѣ одного Католическаго. Безъ сомнѣнія, Милнчъ, тайный исповѣдникъ Православія, не захотѣлъ оставаться въ столицѣ, но отправился тотчасъ къ своимъ

сообщникамъ, готовясь раздѣлить ихъ печальную участь. Чрезъ полгода онъ является въ Прагу, но не занимаетъ прежняго мѣста, а посвящаетъ въ *Вышеградской Церкви Св. Климентя* жизнь свою проповѣди. Первые звуки этой проповѣди раздавались въ пустынь; народъ смѣялся надъ странной методой его изложенія (*incongruentia vulgaris sermonis*), въ которой картины изъ Апокалипсиса перемѣшаны были съ картинами изъ современной жизни¹⁰⁴; но вскорѣ число его слушателей возрасло до того, что онъ долженъ былъ проповѣдывать по пяти разъ на день по всѣмъ концамъ города. Такое стеченіе народа обьясняется необыкновеннымъ сочувствіемъ къ Православному вопросу, котораго Милчъ явился первымъ служителемъ въ Прагѣ. Онъ не довольствовался обличеніемъ народныхъ пороковъ, хотя и въ этомъ далеко превзошелъ Вальдгаузера. Виды его простирались дальше: онъ называлъ Карла Антихристомъ, и взялъ подъ стражу Архіепископомъ Очкомъ. Наконецъ, дошла очередь и до Западной Церкви. Въ Римѣ, въ 1367 году, къ дверямъ Кардиналовъ и даже на храмъ Св. Петра этотъ дивный человекъ прибилъ обьявленіе о Божественномъ откровеніи, ему бывшемъ, что Антихристъ давно уже явился и сидитъ въ Церкви Христовой, за что едва не погибъ на кострѣ. По возвращеніи въ Прагу, Милчъ является отчаяннымъ дсмагогомъ; исповѣдуетъ тысячи народа, кормитъ нищихъ, утѣшаетъ печальныхъ, предстательствуетъ за виновныхъ. Молоджь толпами собирается около него; всѣ добиваются чести считаться его учениками; всѣ наперерывъ записываютъ его вдохновенныя проповѣди. Милчъ сбрасываетъ съ себя личину Католика, громитъ нищенствующиxъ монаховъ и все духовенство; ученики его обходятъ Славянскія государства: Чехію, Моравію, Польшу и проповѣдуютъ страшныя ереси въ Католическомъ смыслѣ. Въ то же время двѣнадцать обвиненій отправлено противъ него въ Римскую Курію его врагами монахами, между прочимъ его обвиняютъ въ хулѣ на все духовенство, начиная отъ простаго монаха до Папы, въ презрѣніи къ отлученію Папскому, въ отрицаніи права духовныхъ владѣть личною собственностию, въ увѣщаніи къ слишкомъ частому принятію Таинства Евхаристіи¹⁰⁵. Испуганный Папа вызываетъ

¹⁰⁴ Vita Mil. въ Balb. Miscellaneis p. 43 sqq.

¹⁰⁵ Vita въ Balb. Miscellaneis 58—59. 12 статей обвинительныхъ, считавшихся потерянными (см. Gieseler Kirchengeschichte: II, 4 Abschnitt, 285: «die Artikuli sind nicht mehr vorhanden»), найдены Палацкимъ. Gesch. von Böhm. III, 171, и прим. 209-е.

сго къ суду; между тѣмъ поручаетъ Архієпископу Пражскому и Епископамъ Вратиславскому, Голомуцкому, Краковскому и Лютомышльскому преградить путь дальнѣйшему распространенію ереси, а Карла IV побуждастъ къ дѣятельнымъ мѣрамъ для ея истребленія ¹⁰⁶. Миличъ отправляется ко двору Папскому въ Авиньонъ въ 1374 году, и умираетъ до окончанія дѣла, впрочемъ, кажется, въ мирѣ съ Западною Церковію ¹⁰⁷.

Всѣ писатели Католическіе отзываются съ ненавистію о Миличѣ; Матей Парижскій возноситъ его до небесъ. Что Миличъ проповѣдывалъ Причащеніе подъ обоими видами, объ этомъ сохранилось преданіе у Коменскаго ¹⁰⁸. Въ немъ таится зародышъ ближайшихъ явленій, совершившихся въ началѣ XV столѣтія. Въ лицѣ его Православіе ступило огромный шагъ и стало твердой ногой на Католической почвѣ доселѣ нетронутой Праги.

Что начато Миличемъ, то съ блестящимъ успѣхомъ продолжалъ Матей изъ Янова, одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ его учениковъ. Палацій, видѣвшій сочиненія Матея въ рукописи, сообщаетъ намъ много любопытныхъ извѣстій объ этомъ мужѣ. Ему мы обязаны первымъ, настоящимъ опредѣленіемъ его характера. Матей, сынъ Чешскаго рыцаря, Вячеслава изъ Янова, во время пребыванія своего въ Пражскомъ Университетѣ, соединился съ Миличемъ тѣсными узами дружбы; но еще до смерти его отправился въ Парижскій Университетъ и, пробывъ тамъ шесть лѣтъ, воротился съ названіемъ Магистра Парижскаго. Богатый запасъ фактическихъ свѣдѣній и многостороннее знаніе свѣта отличали его между всѣми его соотечественниками. Миличъ дѣйствовалъ живымъ словомъ на убѣжденія народа: его біографія довольно извѣстна. Матей Парижскій не нашелъ себѣ жизнеописателя; за то самъ потрудился сложить всю ученость свою и зрѣлые плоды многолѣтняго опыта въ цѣломъ рядѣ богословскихъ сочиненій, соединенныхъ послѣ въ одно великое цѣлое подъ заглавіемъ: «De regulis veteris et novi Testamenti.» Это полный сводъ Христіанскихъ вѣрованій, примѣненный къ современному состоянію церкви. Изъ вопросовъ догматическихъ, собственно относящихся къ нашимъ изслѣдованіямъ, замѣчательны жаркіе споры Матея съ современными богословами о

¹⁰⁶ Raynaldi Annal. Eccles. a. 1374, XVI, pag. 526.

¹⁰⁷ Cochlæi Hist. Hussitarum, I, p. 42, въ письмѣ Андрея изъ Брода къ Гусу, гдѣ сказано, что Миличъ не былъ отлученъ. Palacky's Gesch. v. Böhm. III, 172. У Гизелера много анахронизмовъ. Миличъ поѣхалъ не въ Римъ, а въ Авиньонъ.

¹⁰⁸ Hist. o těžkých protiw. гл. 6.

необходимости частаго принятія Таинства Евхаристіи мірянами. Палацкій говоритъ, что при этомъ естественно было Матѣю пригнати къ мысли о возстановленіи древняго обычая Христіанской Церкви преподавать Евхаристію подъ обоими видами. Но спрашивается: нужно ли было Матѣю отыскивать въ преданіяхъ Апостольскихъ то, что было у него подъ руками? Это давняя замашка Нѣмецкихъ писателей, оспаривающихъ участіе Православной стихіи въ вѣроисповѣдномъ развитіи Чехіи. Такъ Гизелеръ отвергаетъ проповѣдь Миллиха объ Евхаристіи подъ обоими видами, какъ вымыселъ позднѣйшихъ Гуситскихъ писателей, на томъ основаніи, что при Императорѣ Карлѣ IV не было въ Чехіи слѣдовъ Грекославянскаго Богослуженія. Но молчаніе Католическихъ лѣтописей не есть еще доказательство. Здѣсь кстатц коснуться и этого догмата и разсказать судьбу его въ Чехіи. До самаго XIII вѣка сообщеніе Чаши мірянамъ составляло общее обыкновеніе Церкви. Патріархъ Фотій въ исчисленіи догматовъ, наложенныхъ Папой на Булгарскихъ Славянъ, не упоминаетъ объ уничтоженіи Чаши. Что и въ Чехіи съ самаго начала Христіанства господствовала древній обычай, заключить можно изъ преданія о Св. Вячеславѣ, который ночью собиралъ пшеницу и рѣзалъ виноградныя кисти, приготовляя собственными руками вещество для Таинства ¹⁰⁹. Коменскій ¹¹⁰ утверждаетъ, что употребленіе Чаши уничтожено въ Чехіи не ранѣе половины XIV вѣка, при первомъ Архіепископѣ Арноштѣ (Эрнестѣ) изъ Пардубицъ, когда Императоръ Карлъ IV, по основаніи Пражскаго Университета, пригласилъ въ него докторовъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Италіянскихъ, вооружившихся противъ двухъ видовъ Причастія. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это случилось послѣ смерти Императора Карла, на Пражскомъ соборѣ 19 октябрю, 1388 года, когда, по изслѣдованіямъ Палацкаго, постановлено было, чтобы міряне чаще одного раза въ мѣсяцъ не были допускаемы къ Причащенію; или въ 1389 году, когда Матѣй Парижскій принужденъ былъ уступить превосходной силѣ противниковъ и, въ Николаевской церкви старой Праги, принести всенародное отреченіе, обѣщая, что онъ впредь не будетъ болѣе убѣждать ни одного мірянина къ ежедневному принятію Таинства ¹¹¹. При такомъ непрерывномъ сохраненіи Чаши до конца XIV сто-

¹⁰⁹ Balb. Epit. rer. Boh. p. 16. Жизнеописатель Св. Вячеслава, Христанъ, уже передѣлалъ эту повѣсть на Латинскій языкъ. См. Epit. rer. Boh. p. 34.

¹¹⁰ Hist. o těžkých protiw. 16. §. 6.

¹¹¹ Palacky's Gesch. v. Böhm. III, 179.

лѣтія въ Чехіи, мы охотно вѣримъ Коменскому, что Милчъ, какъ скоро сдѣлался проповѣдникомъ въ старомъ Пражскомъ замкѣ, тотчасъ сталъ уговаривать народъ къ Причащенію подѣ обоими видами. Тамъ, на Вышеградѣ, дѣйствительно хранились коренныя преданія Православія, тамъ была церковь Св. Климента, основанная Бл. Меѳодіемъ; тамъ еще въ XII столѣтіи были женатые священники ¹¹², служившіе Греческую Литургію. Изъ тамошняго Славянскаго училища, древнѣйшаго въ Прагѣ, по самымъ достовѣрнымъ преданіямъ, вышелъ Св. Проконій; тамъ же въ новѣйшее время убитъ былъ Инквизиторъ еретиками. Какъ бы то ни было, но о Матѣи Парижскомъ достовѣрно извѣстно, что онъ проповѣдывалъ о Причастіи подѣ обоими видами. Объ этомъ говоритъ Рокницана, глава Чашниковъ (Утраквистовъ), на Базельскомъ соборѣ, предъ лицомъ представителей Западной Церкви, и Католики не смѣютъ оспаривать истины его замѣчанія ¹¹³. Но ничто не можетъ быть вѣрнѣ собственнаго свидѣтельства Магистра Парижскаго, что онъ цѣлыхъ 12 лѣтъ отъ самаго начала своего священства (1380—1392), *сѣ дозволенія Архіепископа*, постоянно преподавалъ народу Тѣло и Кровь Христовы въ Вышеградскомъ соборномъ храмѣ, *слѣдовательно и послѣ своего отреченія*; и Палацкій, приводящій это свидѣтельство ¹¹⁴, противорѣчитъ самому себѣ, когда въ другомъ мѣстѣ ¹¹⁵ говоритъ прямо, что Матѣи

¹¹² Св. Проконіи и Пробстъ Гуго. Сравните показаніе Странскаго въ описаніи XIII столѣтія.

¹¹³ Рокницана на Базельскомъ Соборѣ утверждалъ Іоанну Поломару, Архидіакону Болонскому, что за 25 лѣтъ до Якубка Матѣи Парижскіи пытался ввести Причащеніе подѣ обоими видами, приглашалъ къ тому народъ и даже совершалъ Евхаристію подѣ обоими видами; но былъ обвиненъ Магистратомъ. Поломаръ сознался, что это правда, но прибавилъ, что Матѣи отрекся въ 1389 г. Von der Hardt. T. III. Prolegom. p. 20.

¹¹⁴ «Accepi confirmationem... a tota multitudine hominum, cum quibus a principio sacerdotii mei laboravi usque modo per 12 annos (1380 — 1392), eisdem corpus et sanguinem Jesu dispensando in Cathedrali Ecclesia Pragensi, tenens locum... D. Archiepiscopi ecclesiae supradictae.» Palacky's Gesch. v. Böhm. 174, примѣч. 214. — Еще Корнова (P. Stransky's Staat von Böhmen, II, 30) говорилъ, что нѣтъ ни одного современнаго показанія объ уклоненіяхъ Матѣя изъ Инова отъ Латинскаго обряда, и что потому свидѣтельство Лунача о томъ, что онъ проповѣдывалъ необходимость Евхаристіи подѣ обоими видами, неосновательно; но новѣйшія открытія Палацкаго подтверждаютъ совершенно показанія Гуситовъ.

¹¹⁵ Palacky's Gesch. v. Böhmen, III, 180, и 222-е прим. «Онъ нигдѣ не говоритъ «безусловно о необходимости Причащенія подѣ обоими видами, но во многихъ мѣстахъ выражается объ немъ такъ, какъ будто необходимость его для мірянъ

Парижскій по первому запрещенію своихъ духовныхъ начальниковъ пересталъ раздавать Евхаристію подъ обонми видами. Матѣй не ранѣе 1380 года воротился изъ чужихъ красвъ ; конечно не въ средѣ Латинскаго міра научился онъ уважать Православный обычай. Послѣ этого не трудно повѣрить Страпскому въ томъ , что по смерти Конрада и Миллиха, въ царствованіе Вячеслава IV, Матѣй изъ Янова совершалъ Богослуженіе по *Греческому обряду* въ Вышеградской церкви Королевскаго замка. Приведемъ еще одно мѣсто изъ доступнаго намъ сочиненія Матѣя Парижскаго: «De carnalium abominatiōe,» въ которомъ довольно ясно выражено сочувствіе къ Грекамъ. Говоря о раздѣленіи церквей, онъ отдаетъ преимущество Грековосточной. «Первый ожель владычества Римскаго сокрушился, когда Греки отдѣлились отъ Римской Церкви за дарованіе Папѣ свѣтской власти. Другой, «когда Франки съ другими народами Запада отпали отъ Римскаго «первосвященника, и тогда-то совершилось окончательное раздѣленіе, «возвѣщное Апостоломъ Павломъ прсжде суднаго дня. Всѣ бѣдствія «начались съ того времени, какъ Папа сталъ раздавать по своему «произволу духовныя должности, трсбовать себѣ поклоненія отъ всѣхъ «частей церкви, мимо непосредственныхъ начальниковъ ; тогда-то со- «вершилось отторженіе Грековъ» ¹¹⁶.

Отъ смерти Матѣя Парижскаго до начала Гусовой проповѣди умолкаютъ свидѣтельства современной исторіи о памятникахъ Православія въ Чехіи; но позднѣйшее Гуситское преданіе свидѣлствуетъ о великомъ гоненіи на его исповѣдниковъ. «Архіепископъ Янъ изъ Енштейна,» — говоритъ Странскій, — «былъ человекъ кроткій и миролюбивый; но излишняя слабость его къ попамъ и монахамъ была причиною не тольکو изгнанія Православнаго Богослуженія изъ Вышеградскаго собора и всѣхъ храмовъ во всемъ королевствѣ, но и страшныхъ «насильственныхъ дѣйствій противъ всѣхъ исповѣдниковъ Греческой Вѣры. Ибо замѣтивъ, что ненавистная имъ литургія еще держится «частію въ замкахъ вельможъ, не измѣнившихъ истинъ, частію же въ «глуши лѣсовъ, при стеченіи многочисленной толпы посѣтителей вся-

«разумѣлась сама собою и какъ будто употребленіе его сохранилось до его времени.» Г. Елагинъ жалуется, что это мѣсто изъ сочиненія Матѣя не выписано Палацкимъ въ его исторіи. Стало быть и онъ забываетъ вышеприведенное свидѣтельство о 12-лѣтнемъ преподаваніи народу Тѣла и Крови Христовыхъ. — Чего еще желать послѣ такого откровеннаго признанія Матѣя ?

«каго званія, и что церковныя проклятія не дѣйствуютъ; они при-
 «бѣгли къ насилію, и вооруженной рукой нападая на страшиковъ,
 «возвращавшихся съ священныхъ собраній, преслѣдовали ихъ, граби-
 «ли, уводили въ неволю, подвергали пыткамъ, истреляли огнемъ и
 «мечемъ, бросали въ рудники Кутногорскіе.» Странскій говоритъ, что
 гоненіе началось со смерти Архієпископа Яна Очка въ 1380 году, и
 продолжалось въ равной степени цѣлыхъ 20 лѣтъ. Но такъ какъ пер-
 вые 14 лѣтъ правленія Яна изъ Енштейна до 1394 были временемъ
 славы Матеія Парижскаго, то гоненіе могло начаться по смерти его,
 случившейся 30 ноября, 1394 года, или, еще вѣроятнѣе, со времени
 споровъ его съ Докторами Карлова Университета въ 1388 и 1389 го-
 дахъ. Православное служеніе Матеія прекратилось въ 1392 году; но
 онъ еще цѣлыхъ два года жилъ послѣ того, вѣроятно, въ изгнаніи, о
 которомъ сохранилось извѣстіе у сочинителей книги о тяжкихъ стра-
 даніяхъ. А что было какое-то гоненіе на исповѣдниковъ не господ-
 ствующей Латинской, но тѣмъ не менѣе общенародной, Вѣры, и что
 начало его почти совпадаетъ съ удаленіемъ Матеія изъ Праги, объ
 этомъ свидѣлствуетъ грамота на основаніе Внелеемской часовни въ
 1391 году, памятникъ современный. Тамъ сказано именно, что «хотя
 «въ Прагѣ множество храмовъ, назпаченныхъ для общественнаго Бо-
 «гослуженія, но нѣтъ ни одного, исключительно посвященнаго Еван-
 «гельской проповѣди. Самые проповѣдники, особенно говорящіе на язы-
 «къ Чешскомъ, принуждены скрываться въ глуши домовъ истинно вѣ-
 «рующихъ. А потому, для утѣшенія душъ Христіанскихъ, и постро-
 «енъ *домъ хлѣба*, дабы Христіане могли безпрепятственно наслаждать-
 «ся здѣсь пищею духовнаго слова.» Основателемъ ея былъ мѣщанинъ
 изъ Пардубицъ, поселившійся въ Прагѣ, Янъ Мюльгеймъ, одинъ изъ
 любимцевъ Вячеслава IV. Только въѣмъ отношеніями его къ Королю
 объясняется содержаніе грамоты, въ которой, при соблюденіи наруж-
 ныхъ формъ уваженія къ Западной церкви, весьма ясно указывается
 другая отдѣльная отъ нея Христіанская община, сохранившая истину
 Евангельскаго ученія. Черезъ 7 лѣтъ по смерти Матеія, 32-лѣтній
 Гусъ начинаеть свою великую богословскую дѣятельность сочинені-
 емъ «*De corpore Christi.*» Въ предложенной картинѣ религіознаго со-
 стоянія Чехіи, въ первые пять вѣковъ ея Христіанской исторіи, я
 привелъ, по возможности, всѣ свидѣтельства современныхъ памятниковъ
 и ими старался повѣрить показанія Гуситскихъ писателей. Мы видѣ-
 ли, что въ вѣхъ послѣднихъ, при всей бѣдности матеріала, при мно-
 гихъ значительныхъ промахахъ, все же кое-гдѣ встрѣчаются *золотыя*

крупинки исторической истины, какъ справедливо называлъ ихъ Палацкій въ оцѣнкѣ Чешскихъ историковъ ¹¹⁷. Обращаемся къ Гусу.

Явленіе Гуса въ Церковной исторіи не одной только Чехіи, но и всего Христіанства, есть одно изъ самыхъ величавыхъ, но мало оцѣненныхъ наукой. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ сколько бессмысленныхъ приговоровъ, начиная съ Констанцкаго, суждено ему было пройти! Въ нашемъ отечествѣ, когда имя его едва долетало до насъ въ числѣ другихъ эфемерныхъ явленій Западной жизни, долго повторялось объ немъ сужденіе Церкви, враждебной намъ, признавшей его величайшимъ еретикомъ и гонителемъ правды отъ самаго Рождества Христова. Мы безотчетно соединялись съ Католической Церковію въ общемъ чувствѣ *неразумной* ненависти къ человеку, который, за 4 столѣтія до нашихъ временъ, изъ мрака невіжества и суевѣрія Западнаго человечества, зывалъ къ намъ о помощи; въ лицѣ друга своего, Іеронима, протягивалъ руку братскаго единенія Православной Руси. Въ собственномъ отечествѣ, за славу и счастье котораго онъ положилъ свою голову на Констанцкомъ Соборѣ, ему готовилась еще болѣе жалкая участь. Когда время вопиющаго разгара въ народѣ замѣнилось религіознымъ и нравственнымъ изнеможеніемъ, Констанцскій Соборъ, не смотря на пророчество Гуса, перешагнувъ предѣлы Чехіи; новыя поколѣнія, чуждыя великимъ преданіямъ предковъ, развѣчали его страдальческую тѣнь; самые пламенные патріоты отзывались объ немъ съ омерзѣніемъ, считали его вѣчнымъ укоромъ народнои славы. Между тѣмъ, подъ чужимъ игомъ, подъ другими условіями, изъ костра Гусова зарождалась юная реформація Лютера. Въ Германіи, подъ знаменами чуждой народности, вѣчно гонимой Гусомъ со всею теплою Славянскаго сердца, черезъ 100 лѣтъ по смерти его, совершалось торжественное преображеніе его существа. Германія рукою Лютера *подписывала себѣ приговоръ* за кровавое участіе въ темныхъ козняхъ Антихриста, погубившихъ великаго предтечу его реформаціи. Есть что-то *роковое* въ томъ безграничномъ благоговѣніи, какое питалъ къ нему Лютеръ. Онъ предъ лицемъ всей Германіи умывалъ себѣ руки, въ знакъ невинности отъ крови праведника; онъ ставилъ его живой укоризной «Римскому Антихристу»; онъ именемъ Гуса безпощадно бичевалъ всю Латинскую Церковь. «Смотри,»—говорилъ онъ Папѣ съ злобной насмѣшкой, — «ты и клеветы твои погубили Гуса и развѣяли прахъ его, но

¹¹⁷ Würdigung der aelter. böhmischen Geschichtschreiber, предисловіе, стр. 18.

«Богъ черезъ 100 лѣтъ воскресилъ его въ славѣ нетлѣнія, и сотворилъ ему истинный праздникъ. Смотри, слава мученика наполняетъ «вселенную и кровь его вопіетъ къ небу о мести.» Есть что-то роковое, говорю я, въ томъ странномъ явленіи, что кроткій проповѣдникъ Евангелія, за минуту до смерти призывавшій благословеніе Божіе на гонителей, по смерти принужденъ разыграть ролю неумолимой судьбы, въ рукахъ хитраго Лютера являться вѣчнымъ страшилищемъ церкви, исполнившей мѣру своихъ беззаконій. Отъ Лютера до нашихъ временъ Германія постоянно хранила уваженіе къ личности Гуса. Но въ повѣйшее время ему суждено было пройти чрезъ новсе униженіе. Оторванный отъ единства съ народомъ, волей и неволей отрекшимся отъ роднаго сокровища, онъ явился лицомъ служебнымъ, поставленнымъ отъ Провидѣнія для того, чтобы достойнѣе приготовить явленіе Лютера, чтобъ очищать путь великому реформатору XVI столѣтія. Повѣйшая Пѣмецкая школа признала ученіе Гуса неразвившимся Протестантизмомъ, ученіемъ Евангельскимъ въ зародышѣ, со всѣми недостатками и противорѣчіями младенческаго разумѣнія Вѣры. Всѣ изслѣдователи, начиная съ Ланфана, вся историческая школа провозгласила какимъ-то Лютераниномъ того человѣка, котораго Лютеръ ставилъ на ряду съ Августинномъ и Павломъ, считалъ величайшимъ учителемъ Церкви послѣ Апостоловъ, *самого себя смиренно называя Гуситомъ*. Повѣйшее порожденіе того же возрѣнія въ книгѣ Голцгаузена силится снова разоблачить славу великаго, признаетъ въ его мирномъ ученіи какое-то разрушительное начало, слагаетъ на его бѣдную голову всѣ ужасы двухсотлѣтней релігіозной войны, начавшейся подъ знаменіемъ Гусовой смерти. Востинну самая скорбная участь, какая когда-либо доставалась въ удѣлъ человѣку! Въ немъ олицетворились страданія цѣлаго племени, къ которому принадлежалъ онъ по происхожденію и языку; потому что по Вѣрѣ и убѣжденіямъ онъ принадлежитъ другому всемірному гражданству поклонниковъ истины, всегда гонимой отъ начала міра донынѣ.

Исторія должна быть свѣтильникомъ истины: если она до сихъ поръ разоблачала величіе Гуса, она не должна быть неблагодарною до конца. По крайней мѣрѣ *собственный народъ его*, по крайней мѣрѣ *мы, Русскіе*, должны признать добросовѣстно его великія заслуги. Разсужденіе о такомъ мужѣ не терпитъ поверхностнаго изложенія: оно должно быть основано на строгомъ изслѣдованіи самыхъ источниковъ. Гусъ является въ Чехіи въ знаменательную эпоху разложенія стихій государственной жизни и сильнаго воздѣйствія народныхъ началъ; онъ стоитъ на границѣ двухъ эпохъ, равно замѣчательныхъ,

связующимъ, либо разъединяющимъ членомъ. Дѣло безпристрастнаго историка разсмотрѣть его истинныя отношенія къ Чехамъ, которыхъ онъ 12 лѣтъ наставлялъ своею проповѣдію.

Мы довели въ первоначальной исторіи Чехіи протесты Православія до конца XIV столѣтія; г. Елагинъ приводитъ свидѣтельства, несомнѣнно доказывающія существованіе ихъ и въ XV столѣтіи и далѣе. Любопытно изслѣдовать, въ какихъ отношеніяхъ находился къ нимъ проповѣдникъ, стоящій, какъ мы сказали, на раздѣльной чертѣ между обѣими эпохами.

Г-нъ Елагинъ рѣшительно исключаетъ Гуса изъ участія въ Православномъ движеніи народа. Онъ говоритъ прямо, что не народъ шелъ за Гусомъ, а Гусъ отставалъ отъ народа и хотѣлъ вести его совсѣмъ не тѣмъ путемъ, по которому влекло Чеховъ ихъ убѣжденіе; что большая часть мнѣній, проповѣданныхъ имъ всенародно, относится къ областн Католицизма и совершенно противорѣчило народному вѣрованію; что первое мѣсто между личными Богословскими убѣжденіями Гуса, отходящими отъ Вѣры Латинской, занимаютъ мнѣнія Виклефа, поддержанныя имъ неустрашимо; что въ этомъ смыслѣ Гусъ прямой, непосредственный родоначальникъ секты Таборитовъ, развившихъ до послѣдней крайности ученіе Виклефа. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Елагина, Гусъ стоитъ на переходной чертѣ отъ Католицизма къ Протестантизму. Православному же вопросу онъ остался рѣшительно чуждымъ, и въ доказательство того сначала вовсе не одобрялъ догмата Чашн; потомъ, когда всѣ сословія стали подъ знамя ея, все же видѣлъ въ немъ только политическое средство къ поддержанію единодушія между Чехами, а не существенный догматъ; и въ слѣдствіе того на Констанцкомъ Соборѣ стоялъ вовсе не за убѣжденія народа, а умиралъ за схоластическіе вопросы, не имѣвшіе ничего общаго съ Православнымъ обрядомъ Причащенія. Во всей этой послѣдовательности положеній, строго логически вытекающихъ одно изъ другаго, личность Гуса *буквально* низводится на степень сектатора, насильственно разрѣшается связь между нимъ и цѣлымъ народомъ, подтверждается старинное мнѣніе Католической Церкви о чертѣ строптивости въ характерѣ Гуса, который на Констанцкомъ Соборѣ отстаивалъ либо бесполезную истину, либо вредную ложь.

Отвѣты на эти вопросы составятъ въ короткихъ, но, по возможности, полныхъ чертахъ, обзоръ дѣятельности Гуса и его отношеній къ народу.

Прежде всего нѣсколько словъ о мнимо Католическихъ мнѣніяхъ Гуса. «*Не входя въ Богословскій вопросъ,*» — говоритъ сочинитель

изслѣдованія, — «считаю нужнымъ повторить здѣсь слова Пельцеля о Религіи, за которую былъ сожженъ Гусъ.» Но въ началѣ своего изслѣдованія онъ самъ говоритъ, и говоритъ справедливо, что, *«кто равнодушенъ къ церковнымъ вопросамъ, тому не понятна Чешская исторія.»* Какъ же послѣ того отклонять отъ себя обязанность входить въ подробный разборъ источниковъ Чешскаго церковнаго волненія и догматическихъ убѣжденій Гуса? Можно разсматривать предметъ Богословскій съ точки зрѣнія исторіи; въ область послѣдней входятъ непосредственно и событія Церкви, особенно когда онѣ такъ иссторгаемо прикованы къ жизни народной и исчерпываютъ всю ея полноту, какъ въ исторіи Чехіи. Краткій обзоръ ученія Гуса сочинитель статьи извлекаетъ не изъ собственныхъ его сочиненій, а изъ постороннихъ свидѣтельствъ писателя, принадлежащаго къ старой исторической школѣ. Вотъ слова Пельцеля, выписанныя г. Елагинымъ: «Изъ собственныхъ сочиненій и изъ поведенія (?) Гуса можно представить, чему онъ училъ и чему онъ вѣрилъ: онъ училъ, что должно прибѣгать къ ходатайству Святыхъ, утверждалъ даже, что грѣшнику невозможно спастись безъ предстательства Пресвятой Дѣвы Маріи; вѣровалъ въ чистилище, въ праведность поклоненія Св. Иконамъ, въ необходимость исповѣди предъ священникомъ, въ необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія, въ семь Таинствъ, въ преданіе, и относительно Таинства Причащенія держался того же ученія и того же мнѣнія, котораго держится Церковь Римская.»

Оставляя въ сторонѣ всѣ прочіе догматы, въ которыхъ Церковь Латинская сходится съ нашею, обратимъ вниманіе на два, въ которыхъ, по мнѣнію Пельцеля и г. Елагина, Гусъ отходилъ отъ ученія Православія.

«Гусъ вѣровалъ въ Чистилище.» Онъ дѣйствительно признавалъ Чистилище, или то состояніе души по смерти, которое называется у него Purgatorium. Въ ученіи о Церкви онъ всюду раздѣляетъ ея на три части: на Церковь воинствующую на землѣ («Ecclesia militans»), на Церковь торжествующую на небесахъ («Ecclesia triumphans»), и Церковь дремлющую («Ecclesia dormiens»). Эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ души, еще не принесшія достойныхъ плодовъ покаянія, еще не совершенно очищенные отъ скверны грѣховной. Но, признавая особенное состояніе душъ, по смерти еще не сподобившихся небеснаго блаженства, онъ рѣшительно отвергаетъ огонь очистительный, въ которомъ заключается сущность ученія Латинскаго. Тѣ рѣдкія мѣста въ его сочиненіяхъ, которыя, по видимому, указываютъ на противоположный взглядъ, удовлетворительно объясняются другими свидѣтельствами, гдѣ огонь на-

зывается прямо только символомъ очищенія. «Какъ огонь очищаетъ золото,» — говоритъ Гусъ, — «такъ и мы очищаемся крестомъ и «скорбями, за которыя ожидаемъ блаженства небеснаго¹¹⁸» Итоги ученія Гусова о Чистилищѣ приводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: немногіе въ земной жизни до того возгарались любовію Христовою, что переходятъ въ вѣчную жизнь безъ суда, въ совершенной чистотѣ, какъ перешли Святые и Мученики, которые тотчасъ по смерти вкусили блаженство. Въ другихъ же, менте совершенныхъ, небесное начало боролось съ земнымъ, и въ души требуютъ очищенія въ Пургаторіи или Мытарствахъ, но очищенія совершенно духовнаго. Наконецъ тѣ, которые болѣе возлюбили прелести міра, нежели извы Спасителя, идутъ въ вѣчную муку. Очищеніе происходитъ отъ самаго очищаемаго, но по смерти онъ не можетъ уже перемѣнить судьбы своей дѣйствіями; время дѣланія прошло для него; оно ограничивается временной жизнью. Святые молятся и дѣйствуютъ за него и имѣютъ великое вліяніе на его участь за гробомъ. Но на это заступничество полагаться безусловно не должно; иначе это будетъ кощунствомъ надъ правосудіемъ и милосердіемъ Божиимъ. Дѣйствительность этого ходатайства соразмѣрна собственнымъ заслугамъ чловѣка. Кромѣ Святыхъ, на небесахъ торжествующихъ, и мы, братья усопшихъ, должны помогать имъ молитвами, постами, милостынями и другими дѣлами благочестія, совершаемыми въ память ихъ и вмѣсто ихъ. Этѣмъ ученіемъ Гуса, кажется, ни въ чемъ не отступающимъ отъ Православнаго, наносится ударъ стариному мнѣнію Католиковъ, что Гусъ, отрицая Чистилище, отрицалъ и молитвы за усопшихъ. Это мнѣніе составилось, какъ и другіе, безъ основанія, по зависти духовенства, и принято безъ дальняго разбора легковѣрными современниками. Между тѣмъ Гусъ свое Православное ученіе вынесъ изъ глубокаго сознанія духовнаго союза любви, соединяющаго всѣ части Церкви земной и небесной. Благочестивыя упражненія, которыхъ онъ требуетъ отъ вѣрующихъ для спасенія душъ усопшихъ собратій, *какъ будто списаны съ нашихъ Православныхъ обычаевъ*. Чтеніе Псалтыря надъ умершимъ, бдѣнія и обѣдни въ память его, годовыя и вѣчныя поминувенія, церковныя вклады, строеніе олтарей и церквей, щедрая милостыня, трапезы для нищихъ и пр. и пр.,¹¹⁹ Вообще, подъ именемъ Чистилища Гусъ разумѣлъ извѣстное состояніе душъ по смерти, въ кото-

¹¹⁸ Hist. et Mon. Hus, Ep. 14, л. 100 на об. 6 стр. о. к.

¹¹⁹ Hist. et Mon. Hus, II, p. 79. Sermo habitus Pragaе in Synodo ad Clerum. — De fidei suae elucidatione, I, 51. — Adv. Indulgentias Papales, I, 184 на об.

ромъ потребна для нихъ молитва Церковная, но безъ огня очистительнаго, — «*purgatorium ignem nullum inveniri*» — говорить правильно Эней Сильвій въ исчисленіи догматовъ секты Гуситской, не просто *purgatorium*.

Такъ какъ вся сила доказательства г. Елагина, въ слѣдствіе котораго онъ исключаетъ Гуса изъ участія въ Православномъ движеніи Чешскаго народа, лежитъ на догматѣ объ *Евхаристіи*, то должно обратить особенное вниманіе на этотъ вопросъ. Сочинителя ввели въ заблужденіе слова двухъ историковъ Чешскихъ. Но Пельцель, говоря о тождествѣ ученія Гусова относительно Таинства Евхаристіи съ ученіемъ Латинскимъ, конечно, разумѣлъ только одну его часть, о пресуществленіи, въ которомъ Гусъ дѣйствительно сходился съ общимъ вѣрованіемъ обоихъ Церквей, Восточной и Западной. А ошибка Палацкаго произошла отъ одного источника съ другою ошибкою, противъ которой направлена статья объ исторіи Чехин. Въ самомъ дѣлѣ, отвергая всякое участіе Грекославянской стихіи въ духовномъ развитіи своего народа, онъ не могъ допустить его и въ ученіи Гуса; и не было лучшаго средства уничтожить всякую связь между Гусомъ и Восточною Церковію, какъ обвинить его въ отрицаніи догмата, который Епископъ Николай изъ Пелgrimова, Янъ Галетъ, и Вячеславъ Коранда, Таборитскіе Священники, прямо и безусловно признали Грековосточнымъ. Впрочемъ, не будь даже этой ближайшей связи между свидѣтельствами Палацкаго о Гусѣ и о предшествующей исторіи Чехин, все же странно подумать, что критикъ въ изслѣдованіи, направленномъ на Палацкаго, тамъ, гдѣ собственное мнѣніе его сходится съ мнѣніемъ исторіографа, безъ дальняго разбора и доказательства принимаетъ послѣднее и однимъ почеркомъ пера подписываетъ осужденіе Гусу.

Мы видѣли выше, что Причащеніе подъ обоими видами хранилось постоянно въ Церкви Чешской, что Матѣй Парижскій въ самой Прагѣ, въ Соборномъ храмѣ, цѣлыхъ 12 лѣтъ (1380—1392) раздавалъ вѣрующимъ Тѣло и Кровь Христовы. Но съ 1392 до 1414 года въ современныхъ источникахъ не говорится ни слова объ этомъ обрядѣ, и только въ этомъ послѣднемъ году Магистръ Пражскаго Университета, Іаковъ или Якубекъ изъ Стрибра (*Jacobellus de Misa*) выступилъ въ Прагѣ съ возобновленнымъ ученіемъ о необходимости Чаши въ Причащеніи мірянъ. Съ 1419 года вся Чехія становится подъ знамя Чаши, и до 1564 года, когда, при посредничествѣ Короля Фердинанда I, Тридентскій Соборъ утвердилъ за Чехами право Причащенія подъ обоими видами, продолжается въ большей, или меньшей, степени безграничная привязанность ихъ къ этому догмату.

Сочинитель изслѣдованія объ Исторіи Чехіи, не смотря на многія свидѣтельства, имъ самимъ приводимыя, не совѣсть увѣренъ въ непрерывномъ сохраненіи этого догмата во всѣ вѣка церковной Исторіи Чехіи; ибо самъ допускаетъ предположеніе о произвольномъ вымыслѣ его Магистромъ Якубомъ. Онъ увѣренъ только въ одномъ, что это преданіе Апостольской церкви находило отголосокъ въ убѣжденіяхъ народныхъ и равно уважалось всѣми сословіями. По если нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о непрерывности употребленія Чаши, по крайней мѣрѣ въ XIV столѣтіи Чешской Исторіи, то трудно отыскивать какую бы то ни было связь между народнымъ убѣжденіемъ и произвольно возстановленнымъ обрядомъ. Въ такомъ случаѣ внезапное сочувствіе, порожденное въ Чехахъ вымысломъ Магистра Якубка, объяснялось бы не связью его съ преданіемъ отцевъ, которое еще требуетъ доказательствъ, а гораздо удовлетворительнѣе согласіемъ его съ ученіемъ Христовымъ и примѣромъ Церкви первоначальной. Такъ Лютеръ, возстановлявая Чашу въ 1520 году, ссылаясь не на преданія Чеховъ, а прямо на слово Евангельское, хотя и заимствовалъ ее изъ ученія Гусова. Между тѣмъ вся Гуситская Церковь существовала подъ вѣрой, что Евхаристія подъ обоими видами есть коренное преданіе жизни народной. «Гуситы»,—говоритъ Кохлей, — «просили Подѣбрадскаго не отдавать имущества священникамъ, вводящимъ Римскій обрядъ, и не подвергать гоненіямъ тѣхъ, которые слѣдуютъ Вѣрѣ отцевъ. Безславно предпочитать чужіе обычаи преданіямъ отеческимъ¹²⁰» Если по смерти Матея Парижскаго, слишкомъ на 20 лѣтъ прекратился этотъ обычай; если Гусъ, любимый проповѣдникъ не одной только Праги, но и всего Королевства, ему не сочувствовалъ, и многихъ изъ учениковъ его, не Католиковъ, а вѣрныхъ сыновъ отечества, соблазняло возобновленіе его Магистромъ Якубомъ, то значить, онъ никогда не былъ общимъ, а развѣ мѣстнымъ обыкновеніемъ, и мысль о постоянномъ его сохраненіи въ Чехіи не выдерживаетъ критики.

Перехожу къ исторіи возобновленія Чаши. Эней Сильвій въ Исторіи Чешской (гл. 35) такими словами описываетъ это событіе: «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ Гуса въ Констанць, Петръ Дрезденскій, изгнанный изъ отечественнаго города за Вальденскую ересь, приступилъ къ Якубку изъ Стрибра и изъяснилъ ему свое удивленіе, какъ онъ, ученый и праведный мужъ, возвѣщающій народу слово Божіе, не замѣтилъ въ Таинствѣ Евхаристіи такого явнаго противорѣчія

¹²⁰ Cochlaei, Hist. Huss. p. 337.

съ словами Спасителя, когда въ Евангеліи отъ Іоанна, возлюбленнаго ученика Христова, повелѣвается прямо принимать Евхаристію подѣ обоими видами по слову Христову: «Аще не снѣсте плоти Сына чело-вѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.» (VI, 53). Якубекъ, челоуѣкъ строгой жизни и обширной учености, справился съ церковнымъ преданіемъ и нашелъ подтвержденіе словамъ Петра Дрезденскаго въ старинныхъ кодексахъ Св. учителей, преимущественно Діонисія и Іппріяна. Онъ тотчасъ учредилъ Академическій диспутъ о необходимости Причащенія подѣ обоими видами, и, кромѣ того, сталъ проповѣдывать тоже ученіе въ приходской церкви Михаила Архангела. Съ помощію вѣрнаго товарища, Сигизмунда Ржепанскаго, онъ безъ труда уговорилъ прихожанъ принимать Евхаристію подѣ обоими видами, и получилъ блестящее одобреніе отъ Университета. Изгнанный духовнымъ начальствомъ, состоявшимъ, большею частію, изъ Латинскихъ прелатовъ, онъ былъ принятъ съ восторгомъ въ церкви Св. Мартина, гдѣ и продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Догматъ о Чашѣ съ удивительной быстротою обошелъ всю Чехію. Устрашенная Латинская Церковь выставила для борьбы съ Якубкомъ Католическихъ докторовъ. Началась знаменитая полемика, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Конрадъ, Пражскій Архіепископъ, принялъ дѣятельныя мѣры противъ мнимаго нововведенія. Вызванный къ суду Архипастыря, Якубекъ явился, но болѣе какъ гордый защитникъ своего мнѣнія, готовый на Богословское рѣшеніе, нежели какъ подсудимый, смиренно ожидающій рѣшенія духовнаго начальства. Конрадъ отлучилъ его отъ Церкви; но онъ не обратилъ на это вниманія и съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ проповѣдывать. Тогда Латинское духовенство перенесло дѣло на верховное рѣшеніе Собора и послало въ Констанцію сочиненія Якубка вмѣстѣ съ положеніями, защищенными на Академическомъ диспутѣ.

Извѣстіе Сильвія и послѣдователей его, будто Іаковъ изъ Стрибра наведенъ иноземцемъ на ученіе объ Евхаристіи подѣ обоими видами, совершенно неосновательно. Палацкій въ Исторіи Чехіи опровергаетъ его на основаніи слѣдующихъ доказательствъ: 1) Еще Фонъ деръ Гардтъ замѣтилъ, что всѣ современные полемическія сочиненія объ этомъ предметѣ, которыхъ у насъ подѣ руками довольно, единогласно называютъ Якубка педвымъ и единственнымъ возстановителемъ Евхаристіи подѣ обоими видами. 2) О существованіи Петра изъ Дрездена, который по одному этому обстоятельству сдѣлался бы важнымъ лицомъ для Гуситовъ, во всѣхъ современныхъ актахъ и соизятельныхъ сочиненіяхъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. 3) Первое упоминовеніе

объ немъ относится уже ко второй половинѣ XV столѣтія и притомъ встрѣчается у однихъ только Чеховъ Католиковъ, которые силились тѣмъ доказать не народное происхожденіе Утраквизма, для того, чтобы уменьшить его народность. 4) Этѣ первыя извѣстія противорѣчатъ другъ другу: въ нихъ говорится то объ одномъ Петрѣ, то о Николаѣ Дрезденскомъ; повѣствуется далѣе, что Петръ, Николай Англичанинъ и Николай Лорипесь иноземцы, бѣжавшіе изъ Дрездена, прежде всего обратились къ Магистру Яну Чинну съ этѣмъ ученіемъ и чрезъ него уже подѣйствовали на Якубка ¹²¹.

Главное же доказательство противъ Петра Дрезденскаго есть мысль, очевидно вложенная въ это преданіе его сочинителемъ, мысль истиннаго Католика, который отклоняетъ вниманіе Чеховъ отъ древняго обычая Грековосточнаго, издавна получившаго у нихъ право гражданства, а указываетъ на Евангеліе отъ Іоанна и на сочиненія первобытныхъ учителей Церкви. Весьма хитро сочинено преданіе это именно въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя имѣютъ цѣлію отстранить мысль о Православномъ исповѣданіи Чеховъ. Отъ того-то всѣ Латинскіе историки Чехин: Сильвій, Кохлей, Дубравскій, Гаекъ, такъ охотно принимая это повѣствованіе и отрицали всякое участіе Гуса въ возстановленіи догмата Чашы. Между тѣмъ одинъ только близорукій, или пристрастный, изслѣдователь не замѣтитъ въ этой исторіи преемственного продолженія Грековосточнаго обряда, сохранявшагося неизмѣнно до XIV столѣтія, потомъ проявившагося особнякомъ въ Миличѣ и ученикъ его, Матеѣи изъ Янова. Множество доказательствъ говорятъ въ нашу пользу. 1) Іаковъ изъ Стрибра былъ непосредственнымъ ученикомъ Матеѣи Парижскаго; по крайней мѣрѣ усвоилъ себѣ главные начала его ученія и, безъ сомнѣнія, не разъ присутствовалъ при 12-лѣтнемъ Греческомъ служеніи Матеѣя. Отсюда понятно, что онъ еще въ концѣ XIV, или въ самомъ началѣ XV столѣтія, если не устами и дѣломъ, то сердцемъ исповѣдывалъ этотъ догматъ Церкви Восточной. 2) Кромѣ Матеѣя было много другихъ современниковъ его, менѣе извѣстныхъ и жизнию и литературною дѣятельностію, но также проповѣдывавшихъ Евхаристію подъ обоими видами. Въ дневникѣ Чешскихъ пословъ на Базельскомъ соборѣ 4 мая, 1433 года, сохранилось свидѣтельство Рокпцаны о какомъ-то Николаѣ de Laci (у Богородицы на lauži), Пражскомъ священникѣ, который задолго до Гуса, а можетъ быть и до Матеѣя, защищалъ Причащеніе подъ обоими ви-

¹²¹ Palacky's Gesch. v. Böhm. III, 333, прим. 455. — Starj letopisowé češlj, 472.

дами, считая его непреложною заповѣдію Самаго І. Христа ¹²². 3) Въ самой Чехіи были привилегированныя церкви, въ которыхъ Евхаристія, вѣроятно, съ дозволенія самаго Папы, совершалась подъ обоими видами, какъ это достоверно извѣстно о монастырѣ Эммаускомъ. А потому совершенно неестественно было Якубку въ 1414 году заимствовать догматъ о Чашѣ у иноземца, когда онъ въ собственномъ отечествѣ окруженъ былъ цѣлымъ сонмомъ свидѣтелей, которые могли наслѣдственно передать ему это ученіе.

Обратимся къ другой половинѣ вопроса. Въ какомъ отношеніи паходился Іаковъ, возстановитель Причастія подъ обоими видами, къ Гусу? Было ли оно извѣстно послѣднему, и кому собственно принадлежить честь его возстановленія?

Палацкій рѣшаетъ вопросъ въ пользу Якубка изъ Стрибра. Изложивъ исторію возстановленія Чаши, онъ прибавляетъ: «такимъ образомъ сдѣланъ былъ *новый* шагъ на пути отторженія отъ Латинской Церкви и брошено въ умы *новое* начало раздора и несогласій. Это *слововеденіе* было тѣмъ значительнѣе, что оно перенесло идею реформы съ поприща, на которомъ она доселѣ исключительно вращалась, на другое, еще вовсе нетронутое. Всѣ усилія Гуса и друзей его доселѣ устремлены были только на преобразование устройства церковнаго, а не на вопросъ догматическій (auf eine Reform der Kirchenverfassung, nicht des Lehrbegriffs); и если онъ и до сихъ поръ выставилъ нѣсколько догматовъ, отступавшихъ отъ принятыхъ обычаевъ, то это было не что иное, какъ необходимое, второстепенное дополненіе къ его положеніямъ о церковномъ устройствѣ. Но въ спорѣ объ Евхаристіи подъ обоими видами на первомъ планѣ выступаетъ вопросъ чисто догматическій, и этѣмъ положено начало переменамъ въ самомъ Христіанскомъ ученіи, которыя вскорѣ выразились во вѣщномъ символѣ Чаши, и тѣмъ еще болѣе разрознили объ враждебныя партіи и очевиднѣе утвердили между ними различіе. Но очень естественно, что не всѣ, которые вмѣстѣ съ Гусомъ сдѣлали первый шагъ на пути преобразованій, выказали готовность ступить новый шагъ съ Якубкомъ. А потому относительно вопроса о Чашѣ между самими Гуситами немедленно произошло раздвоеніе, и тѣмъ болѣе разногла-

¹²² Palacky's Gesch. v. Böhm. III, 333, прим. 444. «Rokyczana dixit: ille doctor (Petrus de Palude) est mihi ignotus, est etiam novus; sed habemus unum, Nicolaum de lacu, satis antiquum (non habemus eum hic, sed est in Praga), qui dicit expresse, quod sub utraque specie sumere est de necessitate et praecepto Christi;» denotans plebanum in lacu, Mnichonem.»

«спли между собою ученики, тѣмъ пламеннѣе было желаніе ихъ узнать мнѣніе общаго учителя.»

«Когда Гусъ узналъ о томъ въ темницѣ, нововведеніе это, какъ повяз важная улика противъ него, сначала поразило его непріятно. Но «вскорѣ примирившись съ необходимостью, онъ рѣшился подкрѣпить мнѣніе друга своего и приверженца силою собственного авторитета. Въ темницѣ (?) онъ написалъ разсужденіе объ этомъ предметѣ, которое «тотчасъ перенесено было въ Прагу и тамъ распространилось, какъ «лучшая похвала новому обряду, хотя очевидно было, что Гусъ употребленію Чашы далеко не приписывалъ той важности, какую приписывалъ ему Якубекъ и школа его, ибо онъ одобрялъ его болѣе «какъ средство предотвратить раздвоеніе и несогласіе между своими «приверженцами. Какъ мало онъ тогда еще думалъ стать въ оппозицію «къ церкви за Чашу, видно изъ письма его къ Хлуму (Hist. et mon. I, 92.), «гдѣ онъ совѣтуетъ просить позволенія у Собора, чтобы желающіе «получили право причащаться подъ обоими видами: «*Si potest fieri, attemptetis, ut saltem permittatur per bullam illis dari, qui ex devotione postulaverint, circumstantiis adhibitis.*» Уже позднѣе, когда онъ съ сожалѣніемъ «узналъ, что эта цѣль не достигнута, и что не только многіе свѣтскіе «вельможи, какъ то: Николой изъ Лобковицъ, но и духовные, и, между «прочими, преемникъ его въ Вишесемской часовнѣ, Гавликъ, по поводу «вопроса о Чашѣ, начали отдѣляться отъ Гуситства, тогда только Гусъ «съ большею силою выразилъ мнѣніе свое въ пользу ся, утверждая, «что отнятіе ея у мірянъ противно заповѣди Христа и Апостоловъ, «какъ позднѣйшій Церковный обычай, которому слѣдовать не годится¹²³» — Вотъ собственныя слова исторіографа.

Одного мнѣнія съ Палацкимъ и Гизелеръ въ своей Церковной исторіи. Онъ также 1414 годъ считаетъ началомъ проповѣди объ Евхаристіи подъ обоими видами, а Якубка изъ Стрибра виновникомъ возстаповленія ея въ Чехіи. «Гусъ,» — говоритъ онъ, — «освятилъ ее только «согласіемъ, и постоянно отзывался объ ней съ большею умѣренностію противъ Якубка¹²⁴» Впрочемъ, мнѣніе это, выставленное обоими изслѣдователями, не принадлежитъ имъ, а высказано впервые Ланфаномъ въ его Исторіи Констанцкаго Собора¹²⁵. Они приняли его тѣмъ охотнѣе, что оно приходилось къ личному воззрѣнію того и другаго.

¹²³ Palacky's Gesch. v. Böhm. III, 334 — 336.

¹²⁴ Kirchengeschichte II, 5ter Abschnitt, pag. 413.

¹²⁵ Hist. du Concile de Const. I. II, chap. 74, p. 271 — 273.

Въ отвѣтъ на это мнѣніе предлагаю собственное.

Не Якубекъ изъ Сприбра, а Гусъ подалъ первую мысль объ Евхаристіи подѣ обоими видами. По самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, Якубекъ созвалъ впервые Докторовъ, Магистровъ и другихъ ученыхъ мужей на Университетское прѣніе объ этомъ догматѣ уже тогда, когда Гусъ лишился свободы въ Констанцѣ (*«když on u wězení těžkem seděl»*) ¹²⁶. Между тѣмъ знаменитое разсужденіе Гуса о томъ, подобаетъ ли вѣрнымъ мірянамъ принимать Кровь Христову подѣ видомъ вина, написано, вопреки Палацкому, тотчасъ по прибытіи въ Констанцѣ, въ первый мѣсяцъ свободы (*«priglasen in carcere conjicetur»*), какъ значится въ заглавіи этого разсужденія ¹²⁷, т. е., отъ 5-го до 28-го ноября, 1414 года. Слѣдовательно письменное изложеніе Гусова мнѣнія предшествовало Якубковой дѣятельности; привезенное въ Прагу, оно, безъ сомнѣнія, ускорило начало знаменитаго прѣнія Якубка съ представителями Западной Церкви. Но отъ чего же Гусъ прежде, когда былъ еще въ Прагѣ, не исполнилъ этой важной обязанности, а ждалъ для того отъѣзда въ Констанцѣ? Гизелеръ утверждаетъ безъ основанія ¹²⁸, что онъ написалъ сочиненіе о необходимости Чаши для мірянъ не по собственному влеченію, а по вызову Пражскихъ друзей. Въ 45-мъ посланіи Гуса, писанномъ изъ темницы около половины января, 1415 года, есть указанія на переписку его съ Магистромъ Якубкомъ; но подробности ея неизвѣстны. Причина, почему окончательное рѣшеніе его объ Евхаристіи подѣ обоими видами послѣдовало не ранѣе, какъ по пріѣздѣ въ Констанцѣ, очевидна. Съ 1412 года начинается усиленная литературная дѣятельность Гуса; отъ этого года до 1414 получили начало всѣ полемическія его сочиненія: 1) въ защиту Вилкелефа; 2) противъ Папскихъ индульгенцій и 8 Докторовъ, защитниковъ Крестовой Буллы Іоанна XXIII на короля Ладислава; 3) противъ Папской теоріи. Этѣ три вопроса занимали его исключительно; онъ едва успѣвалъ отвѣчать на возраженія противниковъ. Въ началѣ 1413 года онъ высланъ изъ Праги, и пробылъ въ изгнаніи цѣлыхъ полтора года, а возвратился въ столицу не болѣе какъ на нѣсколько дней, предъ самымъ отъѣздомъ на Констанцкій Соборъ. Въ прощальномъ письмѣ къ Пражанамъ онъ изъявляетъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ

¹²⁶ Staří letopisowé p. 20.

¹²⁷ Hist. et Mon. Mus, I, 42.

¹²⁸ Kirchengesch. p. 413.

въ послѣдній разъ подѣлиться съ ними духовной бѣдой. Отсюда понятно, что мысль, давно зародившаяся въ его головѣ, не могла быть приведена въ исполненіе прежде пріѣзда въ Констанцъ; до этого времени оно постоянно отлагалось за недосугомъ. Въ ожиданіи императора, безъ котораго не начиналось на Соборѣ ни одного важнаго дѣла, онъ успѣлъ на свободѣ написать свое сочиненіе и отправить его въ Чехію, гдѣ оно произвело необыкновенное волненіе въ народѣ. Это могло быть сдѣлано, какъ сказано выше, не иначе, какъ въ половинѣ ноября, 1414 года. Стефанъ Палечъ и Андрей изъ Чешскаго Брода, пріѣхавшіе въ Констанцъ на другой день послѣ Гуса (4 ноября, 1414 года), привезли съ собой только три сочиненія его, направленные противъ Папской теоріи, и тотчасъ занялись извлеченіемъ еретическихъ положеній изъ книги о Церкви, въ которой нѣтъ ни слова о Таинствахъ. Но въ концѣ ноября, въ числѣ обвиненій, на первомъ мѣстѣ являются именно мнѣнія Гуса объ Евхаристіи. Последнее объясняется удовлетворительно только тѣмъ обстоятельствомъ, что къ этому времени дошли до свѣдѣнія Собора важныя событія въ Чехіи, по случаю смутъ, порожденныхъ сочиненіемъ Гуса о необходимости Чаши. Якубекъ не возставалъ еще прямо на Римскій обрядъ; но глухая молва чрезъ Чешскихъ измѣнниковъ предваряла великое возстаніе народа. Отсюда вполне объясняются слова Кардиналовъ, сказанныя Гусу при первомъ свиданіи съ нимъ 28-го ноября: «До насъ дошло много важныхъ на тебя обвиненій, которыя не могутъ быть терпимы, если онѣ основательны. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы, что ты по всей Чехіи «распространяешь великія ереси, противныя Св. Римской Церкви.» А какія это ереси, свидѣтельствуешь навязчивость Магистра Дидака, посланнаго къ Гусу немедленно послѣ того Кардиналами, чтобы выведать мысли его о Пресуществленіи. Извѣстно, что въ Западной Церкви догматъ о Пресуществленіи, впервые торжественно признанный въ 1215 году на Латеранскомъ Соборѣ, находился въ тѣснѣйшей связи съ отнятіемъ Чаши у мірянъ, послѣдовавшимъ на томъ же Соборѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ Гусъ немедленно лишился свободы по приговору большинства Кардиналовъ, которымъ Греческій догматъ объ Евхаристіи казался опаснѣе прочихъ безчисленныхъ ересей его въ Католическомъ смыслѣ. Тотчасъ по заточеніи Гуса обвинители его, природные Чехи, выставили противъ него 8 статей, и въ высшей степени замѣчательно, что первое мѣсто между ними занимаетъ Евхаристія подъ обоими видами. Она выражена такими словами: «Гусъ заблуждается прежде всего относительно Таинства Причащенія, ибо всепародно проповѣдывалъ о необходимости причащать мірянъ подъ обоими видами Тѣ-

«ла и Крови. Это явствуетъ изъ того, что ученики его въ Прагѣ уже приводятъ въ ходъ этотъ догматъ учителя. Сверхъ того, по увѣреніямъ многихъ свидѣтелей, онъ во храмахъ и школахъ училъ еще, что, по произнесеніи таинственныхъ словъ освященія на оларѣ, въ Таинствѣ все же остается вещественный хлѣбъ» ¹²⁹. Возраженіе Лапфана, который считаетъ обвиненіе ложнымъ, неосновательно. Напротивъ, мы видимъ въ немъ ясный отпечатокъ современныхъ событій: нѣтъ никакого сомнѣнія, что твердость Гуса въ исповѣданіи Православнаго догмата была первой и главной причиной его заточенія ¹³⁰. Всѣ послѣдующія происшествія въ Чехіи подтверждаютъ истину сказаннаго. Ровно черезъ мѣсяцъ по заточеніи Гуса, 29 декабря, 1414 года, рыцарь Янъ изъ Хлума пишетъ въ нему въ такихъ выраженіяхъ: «Просимъ покорно объявить намъ окончательно мнѣніе твое о Причащеніи Чаши и приложить его къ письму, дабы при случаѣ показать его друзьямъ; ибо между братьями произошло раздвоеніе и многіе изъ нихъ соблазняются. Ссылаются на твои сочиненія и требуютъ отъ тебя послѣдняго слова.» Стало быть, проповѣдь Магистра Якубка о необходимости Чаши уже началась; но такъ велика была любовь и довѣренность народа къ своему проповѣднику, что онъ не хотѣлъ принимать и Евангельской истины, не спросивъ совѣта учителя. Гусъ отвѣчаетъ какъ бы съ нѣкоторой досадой: «О Таинствѣ Чаши у васъ есть мое сочиненіе, писанное въ Кон-станцѣ; тамъ приведены доказательства. Чего еще требуете? Непремѣнны слова Евангелія и Посланія Павлова. Явите солнца обычай Церкви первоначальной. Если возможно, постарайтесь о выдачѣ Буллы, которая бы позволила желающимъ причащаться подъ обоими видами» ¹³¹. Итакъ несомнѣнно, что и до начала Якубковой проповѣди

¹²⁹ Hist. Sanct. Mart. Hist. et Mon. Hus, I, 12.

¹³⁰ Lenfant во 2 ii кн. Исторіи Конст. соб. (ch. 74, p. 272) говоритъ, что это была, вѣроятно, одна изъ двухъ обвинительныхъ статей, которыя, по словамъ Гуса, были съ него сняты на 2 ii аудіенціи. Совершенно несправедливо. Ученіе его о Пресуществленіи, признанное согласнымъ съ Римскою Церковію на 2 ii аудіенціи, слова вставлено въ число обвиненій при чтеніи надъ нимъ приговора, потому, конечно, что Католики не могли совмѣстить догматовъ о Пресуществленіи и о двухъ видахъ Евхаристіи.

¹³¹ Гизелеръ ошибочно относитъ письмо рыцаря изъ Хлума къ 31 мая, 1415 года. Оно изъ числа тѣхъ, которыя писаны изъ Доминиканской темницы; а Гусъ переведенъ изъ нея въ Готлибенскіи замокъ 28 марта, 1415 года. Въ немъ говорится именно о послѣднемъ засѣданіи собора въ 1414 году, декабря 29.

Гусъ былъ убѣжденъ въ совершенной необходимости Чаши для всякаго вѣрующаго. Мнѣніе Палацкаго и Гизелера, допускающихъ въ немъ постепенное развитіе понятій объ этомъ догматѣ, рѣшительно ни на чемъ не основано. Современныя происшествія въ Прагѣ ни въ чемъ не помѣнили и не подвинули впередъ его убѣжденій.

Въ дополненіе прилагаю сокращенно разсужденіе самаго Гуса: «*De Sanguine Christi, sub specie vini a laicis sumendo.*»

«Необходимость Причащенія подѣ обоими видами основывается на словахъ Иисуса Христа и Апостоловъ. Христосъ на Тайной Вечери, «въ лицѣ Апостоловъ, сказалъ всѣмъ вѣрующимъ: «Примите, идите: сіе есть Тѣло Мое. И приемъ Чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: «Пійте отъ нея вси: сія бо есть Кровь Моя, Новаго Завета.» (Матѣ. XXVI; Марка XIV; Луки XXII). Тоже повторяетъ, Апостоль Павелъ, почти въ тѣхъ же словахъ, въ лицѣ Коринѳянь, предлагая «всѣмъ вѣрующимъ ученіе, принятое имъ отъ Самаго Господа (I Кор. XI, 25—29). Въ обоихъ текстахъ говорится о томъ и о другомъ Таинствѣ въ совокупности; т. е., о Таинствѣ Тѣла и Крови Христо-выхъ, которое всѣ вѣрующіе должны вкушать подѣ видомъ Хлѣба и Вина, не только Священники, но и міряне; ибо Апостоль говоритъ «вообще: «Да искушаетъ *se* себя, и тако отъ Хлѣба да ястъ и отъ Чаши да піетъ.» Такъ и дѣлали Коринѳяне, но не всѣ достойно. «Отъ чего тотчасъ Апостоль и прибавляетъ: «Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ доволни.»

«Папа Геласій (de con. dist. 2) такъ пишетъ Епископамъ: «Я узналъ, что нѣкоторые, вкусивъ только часть Евхаристіи, Тѣло Христово, удерживаются отъ Чаши Св. Крови. Я не знаю, отъ кого научились они такимъ суевѣріямъ. Пусть вкушаютъ оба Таинства въ нераздѣльности, или пусть будутъ вовсе удалены отъ обоихъ. Раздѣленіе же «одного и того же Таинства безъ великаго соблазна совершаться не можетъ. Изъ этого узаконенія видно: 1) что полнота Евхаристіи заключается въ обоихъ видахъ Таинства; принятіе же подѣ однимъ видомъ не исчерпываетъ ея полноты. 2) Что тѣ, кои принимаютъ его «подѣ однимъ только видомъ, *sacrilegium committunt*, разумѣется, тамъ, «гдѣ можно имѣть вино и пшеницу.»

«Лира (на I Коринѣ. XI) говоритъ: «Что Таинство не можетъ быть «полнымъ безъ совокупности видовъ, частію по тому, что только обоими вмѣстѣ вполне выражаются Страсти Христовы, частію же по тому, что только вмѣстѣ взятые онѣ образуютъ полное обновленіе человека.»

«*Амвросій* (Con. dist. 2.): «Если всякій разъ, какъ проливается «Кровь Христова, она проливается во оставленіе грѣховъ, то я, по «необходимости, какъ всегдашній грѣшникъ, долженъ постоянно при- «нимать и врачевство Крови. По тому и завѣтъ утвержденъ Кровію, «что Кровь есть свидѣтель благодѣянія Божія. Отсюда мы заключа- «емъ, что Тѣло Христово пріемлется во спасеніе тѣла, а Кровь изли- «вается и пріемлется во спасеніе души.»

«*Григорій* (Con. dist. 1.): «Его Тѣло пріемлется, Его Плоть раз- «дается народу во спасеніе; Его Кровь изливается уже не въ руки «невѣрующихъ, а въ уста вѣрующихъ.» (In Homelia Paschali): «Какова «Кровь Агничая, мы узнали не однимъ только слухомъ, а самымъ вку- «шеніемъ Крови.»

«*Кипріанъ* Мученикъ (въ 34-мъ письмѣ къ Цецилію о Таинствѣ «Чаши Господней) говоритъ такъ: «Иные Епископы по невѣжеству, «или по простотѣ, при освященіи Чаши Господней и преподаваніи «народу, поступаютъ несогласно съ ученіемъ Основателя Таинства, И- «суса Христа.... И если и малѣйшее изъ повелѣній нашего Господа «нельзя уничтожить, тѣмъ менѣе позволено нарушать порядокъ въ «столь великихъ и важныхъ предметахъ, непосредственно относящих- «ся къ Таинству Страсти Христовой и искупленія нашего, или въ «чемъ бы то ни было отъ Божественнаго постановленія уклоняться въ «преданіе человѣческое.»

«*Онъ же* (въ письмѣ 14-мъ ad Thibaritanos): «Знайте и вѣруйте, что «приблизилась кончина вѣка и время Антихриста; что всѣмъ намъ «предстоитъ великая и трудная борьба, къ которой воины Христовы «должны готовиться съ вѣрой нескверной и добродѣтелью нелице- «мерной, помышляя, что они для того ежедневно пьютъ Чашу Крови «Христовой, чтобы и самимъ синскать готовность проливать кровь «свою за Христа.»

«*Онъ же* (въ 37-мъ письмѣ о падшихъ): «Не немощнымъ, а крѣп- «кимъ, нуженъ миръ; и не умирающимъ, а живымъ, мы должны давать «Пріобщеніе, дабы не оставлять безпомощными и обнаженными тѣхъ, «которыхъ побуждаемъ къ борьбѣ, а поручать ихъ покровительству «Крови Христовой и Тѣла. Ибо какъ намъ учить ихъ и побуждать къ про- «литію собственной крови въ исповѣданіи Вѣры, когда мы готовящимся «къ подвигу Вѣры отказываемъ въ Крови Христовой? и какъ сдѣлать «ихъ способными къ испитію Чаши мученій, когда мы не допускаемъ «ихъ въ Церкви Господней къ общенію Чаши?»

Бернардъ (in sermone de Sanguine Christi) говоритъ Папѣ Петру: «Христосъ предписалъ ученикамъ своимъ форму этого Таинства, объяснилъ имъ значеніе его и приказалъ совершать его безъ перемѣны.»

«По этому въ *старыхъ служебникахъ* священникъ, причащающій «другихъ», говоритъ: «Вкушеніе Тѣла Господа нашего Иисуса Христа да будетъ душѣ и тѣлу твоему въ жизнь вѣчную; Кровь Господа «Нашего Иисуса Христа да будетъ тебѣ во оставленіе всѣхъ грѣховъ «и въ жизнь вѣчную.»

«Изъ всего сказаннаго видно, что полезно и необходимо для вѣрующихъ мірянъ принимать Кровь Христову подъ видомъ вина. Ибо хотя Тѣло и Кровь Христовы заключаются въ каждомъ видѣ отдѣльно, но Христосъ, конечно, не безъ основанія, а по важнымъ причинамъ, установилъ вкушеніе Тайнъ Христіанами подъ обоими видами. Ибо въ Евангеліи отъ Матвея Господь Самъ говоритъ: «Пійте отъ «Сей *вси*: Сія бо есть Кровь Моя.» И въ Посланіи къ Коринѳяномъ: «Сія Чаша, Новый Заветъ есть.... сіе творите, елижды аще піете, въ «Мое воспоминаніе.» И если во всѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ говорится объ этомъ Таинствѣ, вкушеніе Крови стоитъ наравнѣ съ вкушеніемъ Тѣла, и ни одному изъ нихъ не отдается преимущества, то ясно, что не одни священники, но и вѣрные міряне не должны быть лишены Причащенія подъ обоими видами.»

Стало быть, вопреки сочинителю изслѣдованія объ Исторіи Чехій, Гусъ дѣйствительно почиталъ Евхаристію подъ обоими видами за существенный догматъ.

Рѣшивши вопросъ о томъ, кому собственно принадлежитъ честь возстановленія догмата объ Евхаристіи подъ обоими видами въ 1414 году, постараемся и въ предшествующей дѣятельности Гуса отыскать слѣды этого ученія. По мнѣнію Палацкаго, дѣло реформы до новаго переворота, совершеннаго Якубомъ изъ Стрибра, вращалось въ однихъ только формахъ церковнаго устройства, нигдѣ не касаясь догматической части Религіи. Между тѣмъ достоверно извѣстно, что Гусъ всю жизнь свою занимался преобразованиемъ догмата, извращеннаго человѣческими нововведеніями Западной Церкви. Такъ систематическое опроверженіе власти Папы, не какъ представителя свѣтской власти, незаконно присвоенной папѣ душъ, а какъ мнимой главы Каѳолической Церкви, относится непосредственно къ области вѣроученія. Особенное изученіе посвящалъ Гусъ вопросу объ Евхаристіи. Въ разныхъ эпохи жизни написано имъ нѣсколько самыхъ важныхъ сочиненій,

которыми исчерпывается вся полнота ученія объ этомъ Таинствѣ. Первое изъ нихъ подъ заглавіемъ: О Тѣлѣ Христовомъ (*De corpore Christi*) написано въ самый первый годъ его богословскаго поприща ¹³²,—разсужденіе чисто догматическаго содержанія, гдѣ соглашается тайна Пресуществленія съ мнимыми противорѣчіями наружнаго вида предлагаемыхъ Даровъ и опровергается все грубое, чувственное пониманіе объ Евхаристіи. Второе: О Страсти Христовой, говорить, между прочимъ, и о тайнѣ Пресуществленія. Остальныя два писаны одно за другимъ въ послѣдніе мѣсяцы Гусовой жизни: сперва разсужденіе о Трапезѣ Господней (*De coena Domini*), то самое, котораго содержаніе предложено выше; потомъ разсужденіе о Таинствѣ Тѣла и Крови Христовыхъ; составленное въ Констанцкой темницѣ для темничнаго стража, Роберта, 30 января, 1415 года, по собственному свидѣтельству Гуса. Начало его замѣчательно: оно показываетъ, какое чистое понятіе имѣлъ проповѣдникъ о главныхъ частяхъ ученія Вѣры. «Четыре самыхъ глубокихъ, таинственныхъ и высокихъ Таинъ Христіанской религіи,» говоритъ Гусъ: 1) Тайна Пресвятой Троицы; 2) Тайна Предвѣднія и Предопредѣленія Божія; 3) Тайна воплощенія Бога Слова; 4) Таинство «Тѣла и Крови Господа нашего І. Христа.» Этѣ четыре догмата дѣйствительно составляли постоянный предметъ его проповѣди, и онъ имѣлъ право сказать предъ смертію: «Я невиненъ въ заблужденіяхъ, мнѣ ложно приписываемыхъ. Цѣль моей проповѣди была возвѣщать людямъ покаяніе и оставленіе грѣховъ согласно съ ученіемъ Евангеліскимъ и писаніями Св. Отцевъ.»

Занимавшійся постоянно, въ продолженіе всей своей жизни, важнымъ вопросомъ объ Евхаристіи, Гусъ не могъ не обратить вниманія на догматъ о Чашѣ еще въ первые года своей дѣятельности. Какъ ученикъ Матѣя Парижскаго, онъ былъ, безъ сомнѣнія, свидѣтелемъ егo Греческаго служенія, въ которомъ послѣдній 12 лѣтъ раздавалъ вѣрующимъ Тѣло и Кровь. Потомъ сочиненіе его о необходимости Чаши написано имъ безъ пособія книгъ въ Констанцѣ, куда онъ привезъ только Библію, сентенціи Петра Ломбарда и нѣсколько своихъ сочиненій ¹³³; между тѣмъ оно свидѣлствуетъ о глубокой начитанности и все наполнено мѣстами изъ учителей Церкви. Если бъ онъ не занимался этѣмъ вопросомъ еще прежде, во время 12 лѣтняго священства своего

¹³² «*Sermo de corpore Christi, quem scripsi primo anno meae praedicationis, qui fuit et aestimo, anno Domini 1401.*» *De Saer. Corp. et Sangu. Dom. Hist. et Mon. Hus.* I, 39 на об.

¹³³ *Ep. 37: Hist. et Mon. Hus. I, 69 на об.*

въ Вплеемской часовнѣ, онъ не могъ бы составить такого подробнаго разсужденія, которое имѣло на Якубка неоспоримое вліяніе. Застыгнутый въ расплохъ, какъ хочеть того Палацкій, онъ, безъ сомнѣнія, отказался бы отъ трудной обязанности. Палацкій уменьшаетъ чистоту побужденій великаго мужа, утверждая, что онъ почти измѣнилъ своей совѣсти изъ дружбы къ Якубку изъ Стрибра; уменьшаетъ и достоинство его религіозной дѣятельности, когда полагаетъ, что Гусъ до самаго Констанцкаго Собора и не подозрѣвалъ необходимости правильнаго совершенія этого Таинства, въ послѣдствіи имъ самымъ торжественно провозглашенной. На первое можно отвѣчать словами самаго Гуса, обращенными къ прежнему другу и товарищу его, Стефану Палечу, при послѣднемъ свиданіи съ нимъ: «Amicus Paletz, amica veritas; utrisque amicis existentibus, sanctum est praeconare veritatem¹³⁴.» На второе отвѣчаю свидѣтельствами, заимствованными изъ перваго разсужденія его de Corpore Christi (1401 года).

1) «Пусть истинные поклонники Евангелія безстрашно исповѣдаютъ и говорятъ, что Христосъ есть хлѣбъ, питающій Церковь, таинственное Тѣло Его, причащающуюся отъ единого хлѣба и единыхъ Чаши по слову Апостола: единый хлѣбъ, Единое тѣло есмы мнози; вси бо отъ единого хлѣба и отъ единыхъ Чаши причащаемся.» (1 Кор. X. 17). Слова и отъ единыхъ Чаши въ этомъ мѣстѣ посланія къ Коринѳянамъ не читаются; не уже ли онъ прибавлены Гусомъ случайно, безъ всякаго умысла?

2) Гусъ приводитъ свидѣтельство Бл. Августина: «Когда сокрушается Тѣло, и Кровь изливается въ уста вѣрующихъ» («dum Sanguis in ora fidelium funditur»), этими дѣйствіями обозначается закланіе Тѣла «Господня и истеченіе Крови изъ ребръ Его.» Но тѣ же слова Августина приводятся Гусомъ и въ разсужденіи: de Sanguine Domini sub specie vini a laicis sumendo въ доказательство необходимости Чаши.

3) Далѣе онъ рѣшаетъ вопросъ современный: подлежатъ ли Тѣло и Кровь Христовы въ Таинствѣ тѣлесному зрѣнію вѣрующихъ? «Конечно, если будемъ судить по обычному выраженію: «Vidi corpus Christi. Widel geseu boze tēlo. Ich hab gesehen Gottes Leichnam.» Это выраженіе должно быть истинно, опираясь на общности употребленія на трехъ языкахъ. Народъ разуметь здѣсь видѣніе тѣлесное, т. е., что «Тѣло и Кровь Христовы подлежатъ тѣлесному зрѣнію, пока принимаются вѣрующими» («dum in sacramento a fidelibus venerantur.»)

¹³⁴ Ad. Scr. Steph. Paletz. Hist. et Mon. Huf, I, 264 на об.

«По Евсевіи прямо говорить, что истинная и единая жертва Плоти Христовой, а равно и Крови Его, вѣрою, а не видѣніемъ приимается въ сердце и въ тѣлесномъ вкушеніи теловѣка»

4) «Образъ вкушенія Тѣла Христова, принимаемый Церковію, заключается въ томъ, что истинное Тѣло Христово вкушается и истинная Кровь Христова пьется не въ собственномъ видѣ, а по добъ символами хлѣба и вина. Видимое принятіе Таинства, по установленію Церкви есть необходимое условіе спасенія для людей, достигшихъ извѣстнаго возраста и одаренныхъ самопознаніемъ ^{135.}»

Еще яснѣе указаніе на вкушеніе Крови Христовой мірянами въ сочиненіи Гуса: de Sacramento corporis et sanguinis Domini; но я не привожу изъ него свидѣтельствъ, какъ изъ позднѣйшаго, писаннаго въ Констанцкой темницѣ. Укажу только на одно мѣсто: «Если мірянинъ, недостойно ядущій и пьющій, ѣсть и пьетъ въ осужденіе себѣ, то подавно священникъ.....» Значитъ, Гусъ признавалъ всеобщую необходимость вкушенія Чаши не изъ однихъ политическихъ видовъ; ибо сочиненіе, изъ котораго извлечено это слово, адресовано вовсе не въ Прагу, а писано для частнаго наставленія Пѣмца, темничнаго стража, Роберта.

Изъ всего сказаннаго явствуется, что Гусъ съ самаго начала своего Богословскаго поприща признавалъ если не совершенную необходимость, то, по крайней мѣрѣ, законность и пользу Причащенія подъ обоими видами, и не проповѣдывалъ объ ней по тому только, что предполагалъ ее общеизвѣстною. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть и теперь еще между Чешскими его сочиненіями скрывается проповѣдь о необходимости Чаши; можетъ быть разсужденія его объ этомъ предметѣ истреблены заранѣе Констанцкимъ Соборомъ.

Перейдемъ къ показаніямъ писателей, ближайшихъ ко времени Гуса. 1) Эней Сильвій на состязаніи съ Таборитами говоритъ прямо, что Чешское королевство, начиная съ самаго обращенія своего, хранило Евхаристію по обряду Латинскому, пока не уклонилось отъ него въ новѣйшее время по наущенію Гуса и Иеронима ^{136.} Это извѣстіе, несогласное съ Исторіей Чешской того же писателя, находитъ свое подтвержденіе въ важныхъ событіяхъ, служащихъ ему основаніемъ. Объ Иеронимѣ, который на Констанцкомъ Соборѣ исповѣдалъ совершенное равенство своихъ убѣжденій съ незабвеннымъ другомъ и учителемъ,

¹³⁵ De Corpore Christi, Hist. et Mon. Hus, I, 163 — 167.

¹³⁶ Lenfant, Hist. du Conc. de Basle, II, 248.

достоверно известно, что онъ въ Витебскѣ принималъ Таинства по обряду Грековосточному, слѣдовательно, уже въ 1411 году, вмѣстѣ съ Гусомъ, убѣжденъ былъ въ необходимости Чаши при Евхаристіи ¹³⁷. 2) Коменскій ¹³⁸ свидѣтельствуетъ, что гоненіе на вѣрующіхъ, принимавшихъ втайнѣ Причащеніе подъ обоими видами, по изгнаніи изъ Праги Матеія Парижскаго, продолжалось до самыхъ временъ Гусовыхъ. Стало быть, онъ приписывалъ Гусу честь возстановленія Чаши? 3) Теобальдъ ¹³⁹ говоритъ, что Гусъ, еще Ректоромъ Пражскаго Университета, слѣдовательно, въ 1402 и 1403 году, втайнѣ проповѣдывалъ это ученіе. Онъ рѣшительно считаетъ Гуса виновникомъ его возстановленія въ Чехіи, и отвергаетъ свидѣтельства Сильвія и Гайка о Петрѣ Дрезденскомъ, на основаніи слѣдующихъ трехъ доказательствъ: 1) Такъ много свидѣтельствъ объ этомъ въ сочиненіяхъ Гуса, особенно въ томѣ II, стр. 12, гдѣ говорится о Страсти Нашего Господа Иисуса Христа. 2) Онъ писалъ изъ темницы къ Гавлику, проповѣднику въ Виелесемской часовнѣ, уговаривая его не прекословить Якубку. 3) И хотя Дубравскій и пишетъ, будто онъ говорилъ своимъ приверженцамъ: «Вы придумали чашу, изъ которой суждено мнѣ испить смерть» (но тѣмъ не менѣе ясно, что Гусъ положилъ начало употребленію Чаши, какъ обвинялъ его въ послѣдствіи Михаилъ de Causis.) Первое изъ вѣхъ доказательствъ опровергаетъ Ланфанъ. Не имѣя подъ руками втораго тома Гусовыхъ сочиненій, я, къ сожалѣнію, не могу сказать о томъ ничего достовернаго. Но возраженіе Ланфана лишено всякаго смысла: «Гусъ потому не могъ принимать Евхаристіи подъ обоими видами, что признавалъ Пресуществленіе» — какъ будто одно мѣшаетъ другому! 4) Важнѣйшее показаніе есть свидѣтельство Лютера. Въ сочиненіи объ Евхаристіи онъ пишетъ: «Ни въ Папскихъ Соборахъ ни Декреталіяхъ, ни въ Церковной Исторіи не говорится ничего объ употребленіи Чаши. Этотъ обычай вкрался въ Христіанскую Церковь, какъ другія безчисленныя суевѣрія. И ни одинъ Папа, ни вся Римская Церковь не содѣйствовала къ его исправленію, пока не вооружился

¹³⁷ «In Synagoga Ruthenorum iuit eorumque Sacramenta publice genu flexo adoravit.» Cochl. Hist. Hussit. I. III, p. 126.

¹³⁸ O těžkých prot. Kar. VII, §. 3, str. 19.

¹³⁹ Hussitenkrieg, I, 51. — См. еще исчисленіе догматовъ Гуса у Теобальда (р. 3): «Man sollte das Abendmal des Herrn Christi nicht in einerlei Gestalt, sondern nach der Einsetzung in zweierlei den armen Leyen, für welche Christus eben so wohl, als für die Geisliche Clerisey gestorben were, reichen.»

«противъ него Іоаннъ Гусъ въ Чешской землѣ. Тутъ Попы и монахи «возбудили гнѣвъ Папы на проповѣдника. Изъ зависти къ славѣ его «они не хотѣли утвердить за нимъ чести возстановленія прежняго «рядка въ преподаваніи Таинства, и настаивали на законность укоренившагося злаго обычая. Съ тѣхъ поръ распря о Причащеніи подѣ обоими видами постоянно усиливалась. Оно осталось въ Чехіи и до «нашихъ временъ съ дозволенія самаго Папы. ¹⁴⁰» Свидѣтельство Лютера тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ подробно изучалъ сочиненія Гуса и имѣлъ подѣ руками драгоцѣнныя рукописи, которыя присылали къ нему Чешскіе Братья, находившіеся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но если Гусъ дѣйствительно первый подалъ голосъ въ пользу Причастія подѣ обоими видами въ XV вѣкѣ, то отъ чего же Якубку приписывается честь возстановленія Чаши? Причина понятна: 1) Якубекъ почти исключительно посвятилъ свою дѣятельность этому важному догмату, написалъ въ защиту его нѣсколько полемическихъ сочиненій, всю жизнь свою провелъ въ этомъ спорѣ и утвердилъ за собою побѣду. Гусъ, съ своей стороны, не ограничивалъ дѣятельности своей въ тѣсныхъ предѣлахъ одного догмата, а обнималъ, по возможности, все ученіе вѣры. 2) Якубекъ былъ первымъ возстановителемъ Догмата «родобожія» въ томъ отношеніи, что онъ къ теоріи присоединилъ исполненіе; что по его настоянію Евхаристія подѣ обоими видами сдѣлалась собственностію всего народа. Гусъ, вѣроятно, еще прежде въ Вишелемской часовнѣ преподававшій Чашу мірянамъ, не могъ уже ничего приложить отъ себя къ успіямъ Якубка, лишившись вскорѣ свободы и жизни. Но еще за двѣ недѣли до смерти онъ посылалъ увѣщаніе къ Гавлику и другимъ священникамъ Пражскимъ не противиться Чашѣ; съ благоговѣйнымъ ужасомъ отзывался о приговорѣ Констанцкихъ Отцевъ, осудившихъ (14 іюня, 1415-го года) ученіе самаго І. Христа и Апостоловъ. «О Святый Павелъ!»—возглашаетъ онъ въ порывѣ глубокаго чувства. — «Ты сказалъ всѣмъ вѣрующимъ: «Елижды аще ясте «хлѣбъ сей и Чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже «прійдетъ,» т. е., до страшнаго суда. Смотри! Соборъ поставилъ на «мѣсто Евангелія грѣховное обыкновеніе Римской Церкви ¹⁴¹.»

Я старался до сихъ поръ доказать, что въ ученіи о Грековосточномъ обрядѣ Причащенія подѣ обоими видами Гусъ не только не проти-

¹⁴⁰ Walch, X, 2267 — 2287.

¹⁴¹ Ep. 16: Hist. et Mon. I, 62 на об. — Ep. 19, I, 64.

ворѣчалъ народному убѣжденію, а проложилъ ему путь, ставъ первый въ оппозицію къ Западной Церкви. Теперь бы слѣдовало обратить вниманіе и на мнѣнія Веклефа, защищенныя Гусомъ, въ которыхъ, по словамъ г. Елагина, онъ не сходилъ съ народомъ; но такъ какъ самъ сочинитель статьи утверждаетъ, что Гусъ не дѣлалъ ихъ предметомъ своей проповѣди, то онѣ и не входятъ въ его отношенія къ народу. Дѣйствительно, всѣ его сочиненія, имѣющія цѣлію оправдать реформатора Англійскаго: защищеніе книги его о Пресв. Троицѣ, возраженіе противъ Англичанина Стокеса, о десятинахъ, относятся исключительно къ его ученой дѣятельности въ Пражскомъ Университетѣ, и никогда не входили въ составъ всенародной проповѣди его въ Виле-емской часовнѣ. Замѣчу только одно: что хотя онъ и не дѣлалъ ими съ народомъ, но не высказалъ въ нихъ ничего, что могло бы навести подозрѣніе на Православныя его убѣжденія. Одно изъ нихъ: отнятіе имуществъ у духовенства (*ablatio temporalium a clericis*) перешло даже въ сознаніе всего народа и привлекло къ проповѣднику все могущественное сословіе Чешскихъ Пановъ, которые, въ 1412 году, по знаку, данному Гусомъ, немедленно стали переводить въ свои руки все великое множество Церковныхъ имуществъ. Неправосудно также мнѣніе г. Елагина, будто главныя положенія Веклефа развились до послѣдней крайности въ Таборитской сектѣ, и что Чешскіе и Моравскіе Братья произошли отъ смѣшенія Таборитскихъ ученій съ Нѣмецкимъ Протестантизмомъ. Табориты въ началѣ своей дѣятельности явились служителями Православной идеи, и уклонились отъ нея послѣ, въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Община Братьевъ, непосредственная преемница Таборитскихъ ученій, постоянно чуждалась преобразованія Лютера, и не ранѣе, какъ чрезъ 100 лѣтъ послѣ начала Реформаціи, и то не во всѣхъ частяхъ своихъ, стала принимать мнѣнія, близко подходящія къ вѣроученію Лютера, теряя въ то же время сочувствіе къ Греческой Церкви. Таковъ былъ Коменскій; но въ Странскомъ еще сильно выражается духъ Православія.

Только въ двухъ положеніяхъ Гуса г. Елагинъ видитъ сочувствіе къ мнѣніямъ народнымъ, которыя, будто бы совершенно отъ него независимо, громко высказывались въ XV вѣкѣ: 1) «народъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, противился Крестовому походу на Ладислава и толпами ходилъ слушать проповѣди отлученнаго Гуса.» 2) «Народъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, отвергъ непогрѣшимость Папы и Констанцкаго Собора.» Разсмотримъ отдѣльно и то и другое.

Относительно перваго, г. Елагинъ, какъ видно, основывается на приведенномъ имъ нѣсколько выше современномъ разсказѣ объ Универ-

ситетскомъ прѣііи, учрежденномъ въ 1412 году въ Коллегіи Карла, противъ Крестовой Буллы Іоанна XXIII. Въ этомъ случаѣ сочувствіе народа къ проповѣднику дѣйствительно выразилось въ блестящемъ одобреніи простаго народа. Когда Ректоръ Университета, Маркъ Градецкій, старался разсѣять толпы народныя, стекавшіяся въ великомъ множествѣ на ученое прѣііе, онѣ оказали рѣшительное сопротивленіе. Въ продолженіе цѣлаго прѣіія съ любопытствомъ слѣдили за всѣми подробностями и подъ конецъ едва не побили камнями неосторожнаго возражателя, Лео, показывая тѣмъ, что онѣ очень хорошо понимаютъ, въ чемъ дѣло, хотя споръ и происходилъ по Латинѣ. Но такое частное изъясненіе чувства народнаго, относящееся къ частному случаю Гусовой жизни, не заслуживаетъ названія народнаго мнѣнія, придаваемое ему г. Елагиннымъ. Вѣрнѣе было бы указать въ этомъ случаѣ на опроверженіе теоріи *отпусковъ*, ибо въ рѣчи, произнесенной Гусомъ въ достопамятный день Университетскаго прѣіія (*adversus indulgentias papales*), въ самомъ дѣлѣ съ систематической послѣдовательностію опровергается возмутительное обыкновеніе Западной Церкви продавать индульгенціи. Притомъ, если Гусъ явился главнымъ героемъ этого прѣіія и ему безъ раздѣла досталось одобреніе черни; если волненіе народное подготовлено было ежедневными проповѣдями его въ Вилеемской часовнѣ, то ясно, что не народъ увлекалъ впередъ своего проповѣдника, а слово и примѣръ проповѣдника электризировали массы народныя.

Что касается втораго замѣчанія г. Елагина, то Гусъ очень отчетливо доказываетъ недѣльность теоріи о Папской непогрѣшительности, то мысли его объ этомъ предметѣ развиты въ однихъ составительныхъ сочиненіяхъ ¹⁴² и, по безжизненной своей отвлеченности, не могли возбуждать сочувствія народа. Едва ли народныя массы, исключая избранныхъ членовъ, слыхали когда нибудь о Папской непогрѣшительности, и если слыхали, то, конечно, не привязывали къ ней особенной важности. Для уразумѣнія этой запутанной части Римской догматики недостаточно было прямого, практическаго смысла Славянъ. На чемъ же г. Елагинъ основываетъ свое мнѣніе, что народъ вмѣстѣ, съ Гусомъ, отвергъ непогрѣшимость Папы и Констанцкаго собора? На словахъ Пельцеля, приводящаго 7 главныхъ причинъ осужденія Гуса. Повторю четыре первыя: 1) «Онъ противился Крестовому походу на Ладислава. 2) Онъ служилъ Литургію, уже бывши отлученъ отъ Церк-

¹⁴² Ad Scr. Steph. Paletz. — Ad Scr. Stanislai de Znoyma.

ви. 3) «Онѣ отвергнулъ приговорѣ Пипы обѣ отлученіи и апеллировалъ къ І. Христу,» (а народъ не пересталъ ходить на его проповѣди. 4) «Онѣ написалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, «въ которомъ съ дурной стороны отзывался о Констанцкомъ Соборѣ.» Всѣ четыре статьи не совсѣмъ вѣрно переписаны Пельцелемъ изъ 49 письма Яна Гуса, гдѣ сказано слѣдующее: «Scitis, quod non habent, ut aestimo, gravamen contra me, quam quod Bullam de erectione crucis impedi. Secundo habent contra me, quod tam diu in excommunicatione fui et officia. Tertio, quod appellavi a Papa. Quarto, quod reliqui post me literam, quae lecta est in Bethlehem, quam valde male inimici interpretati sunt, in qua posui, quod exeo sine salvo conductu ¹⁴³.» Такъ писалъ Гусъ къ своимъ Пражскимъ друзьямъ въ началѣ января, 1415 года: по ему на слово вѣрить нельзя. Онъ пріѣхалъ въ Констанць съ тою цѣлю, чтобы всѣмъ желающимъ дать полный отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ, и для того выставилъ публичныя вывѣски и въ Прагѣ предъ отъѣздомъ, и по всѣмъ Нѣмецкимъ городамъ на дорогѣ; такъ несомнѣнно былъ онъ увѣренъ въ чистотѣ своихъ догматическихъ мнѣній. Онъ ожидалъ на Соборѣ суда безпристрастнаго, основаннаго на страхѣ Божиемъ и уваженіи къ истинѣ, и въ этомъ смыслѣ надѣялся вполне оправдаться, не сознавая въ себѣ заблужденій. А потому очень естественно, что онъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на тѣхъ четырехъ обвиненіяхъ, въ которыхъ болѣе, или менѣе выражалось ослушаніе установленной власти Церковной, и старался найти на нихъ удовлетворительные отвѣты. Послѣдствія показали, какъ онъ мало знакомъ былъ съ Римскимъ лукавствомъ и Италіянскими кознями. Соборъ единодушно приговорилъ его къ смерти, не столько за явное ослушаніе непогрѣшительной волѣ Римскаго Первосвященника, сколько за догматическія мнѣнія его, признанныя ложными, соблазнительными, дерзкими и еретическими. Три аудіенціи даны были Гусу, и въ каждой изъ нихъ выразились весьма опредѣленно стремленія Латинскаго духовенства и опасенія его со стороны Чехіи. Гусъ предсталъ на Соборѣ не частнымъ лицомъ, какъ нѣкогда Аріи и другіе возмутители Церковнаго мира, но *представителемъ цѣлаго племени*, очистительной жертвой за цѣлый народъ, которому онъ самъ указалъ на Восточную Церковь, какъ на идеалъ Церковнаго устройства, какъ на учительницу Вѣры, подавленной суевѣріемъ Латинской. Словомъ, онъ явился для Западной Церкви провозвѣстникомъ Право-

¹⁴³ Ер. 49, I, 73.

славнаго начала. Чтобы спасти честь самобытности Католической Церкви, надобно было наложить молчаніе на уста проповѣдника, говорившаго такія опасныя истины, усвоивъ себѣ напередъ благіе плоды сближенія съ Восточнымъ Православіемъ. Отъ того въ приговорѣ, произнесенномъ надъ Гусомъ, Соборъ покрывался личиною невѣдѣнія; ересь Гуситскую постоянно величалъ новою, Виклефскою, перенесенною съ Британскаго полуострова вмѣстѣ съ книгами Виклефа, не признавая въ ней никакихъ связей съ Восточною Церковію. Отъ того имя Греческой ереси ни разу не произнесено на Соборѣ, исключая Іеронимовыхъ похожденій въ Литвѣ и Россіи, которыхъ, по гласности, нельзя было скрыть. Между тѣмъ Гусъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, и именно тѣхъ, изъ которыхъ противники извлекали обвинительныя статьи для представленія Собору, выразилъ нѣсомнѣнные признаки глубокаго сочувствія къ Грекамъ. Еще въ 1403 г., въ началѣ его Богословскаго поприща, его обвиняли предъ Апостольскимъ престоломъ, будто онъ говорилъ, что *какъ Церковь не имѣетъ болѣе истинной главы, то должно подражать примѣру Грековъ, не имѣющихъ Папы*¹⁴⁴. Въ то время, когда Римская Церковь не признавала за Греческой названія Христіанской общины, онъ постоянно исключалъ Грековъ изъ списка пяти главныхъ ересей¹⁴⁵. Говоря о проповѣди Апостольской, Гусъ всегда отдавалъ предпочтеніе Грекамъ: «Апостолы непосредственно, или посредственно, просвѣщали всѣ племена: *Грековъ, Латинянъ и Варваровъ*¹⁴⁶». Возставая на опредѣленіе Папы, какъ главы Церкви Вселенской, онъ указывалъ на Грековъ и другихъ Восточныхъ народовъ¹⁴⁷. Что сказать и о слѣдующемъ драгоцѣнномъ свидѣтельствѣ? «До человѣческаго постановленія, вручившаго Папѣ гражданскую власть, *вѣрные* не имѣли обязанности обращаться къ Папѣ и Кардиналамъ. И теперь еще *Женныя* Христосъ не принуждаетъ *вѣрныхъ*, разсѣянныхъ по вселенной, прибѣгать къ Папѣ, какъ не при-
бѣгаютъ теперь Инды и Греки, о которыхъ не должно думать, что они достойны осужденія¹⁴⁸». Всѣ эти отзывы о Церкви враждебной Констанцій Соборъ, согласно Римской Политикѣ, умолчалъ въ своихъ обвиненіяхъ: только изрѣдка Петръ Альби, Камбрейскій Карди-

¹⁴⁴ Lenfant, Hist. du Conc. de Basle, I, 52.

¹⁴⁵ Hist. et Mon. Hus, I, 104 на об.

¹⁴⁶ Ibid. I, 278. Ad. Ser. Stanislaw de Znoyma.

¹⁴⁷ Ibid. I, 279.

¹⁴⁸ Ibid. I, 285.

наль, двусмысленно намекаль на нихъ при чтеніи статей. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Гусъ отставивъ на Соборѣ схоластическіе вопросы. *Ученіе о Пресуществленіи, Евхаристія подѣ обоими видами, ученіе о единой Вселенской Апостольской Церкви, несомнѣнной со понятіемъ о Папѣ, какъ верховномъ Епископѣ Церкви Вселенской, вотъ вопросы, за которые стоялъ и пострадалъ великій проповѣдникъ Чешскаго народа, а не схоластическія бредни Ѳомы Аквинскаго и его школы.* Гусъ былъ истинный Мученикъ Православной идеи. Торжество ея въ Чехіи грозно откликнулось ему на Соборѣ. Подробности здѣсь не у мѣста; укажу только на одну великую ересь въ Католическомъ смыслѣ, поставленную во главѣ обвинительныхъ статей, за которыя Гусъ присужденъ былъ къ огненной казни: «*Tantum una est Sancta Ecclesia Catholica sive universalis.*» (Есть только единая Святая Церковь Католическая или Вселенская). Лютеръ содрогался при мысли, какъ цѣлый Соборъ представителей Западной Церкви рѣшилъ наложить осужденіе на Апостольскій Символъ, впервые исповѣдавшій этотъ существенный догматъ Христіанской Религіи. Недоумѣніе его разрѣшается особенными обстоятельствами, въ которыя Латинская Церковь поставлена была въ отношеніи къ Гусу. Посмотримъ, какъ училъ онъ о Вселенской Апостольской Церкви. Ученіе его вполнѣ исключало ученіе Латинское. Церковь, по Гусу, есть великое общеніе вѣрующихъ, разсѣянныхъ по лицу вселенной и предопредѣленныхъ отъ вѣка къ блаженству. Въ ней нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни раба, ни свободнаго; она обнимаетъ всѣ народы, связанные единствомъ Вѣры: Индовъ, Грековъ, Латинянъ, Скиновъ и варваровъ. Въ первоначальныя времена Христіанства она дѣлилась на части, члены Церкви Вселенской; но когда Христіанство разошлось по лицу всего человѣчества, онѣ должны были покориться торжествующему единству Католической Церкви. По этому ни Грековосточная, ни Западная Римская Церковь въ ограниченномъ смыслѣ не получаютъ у него названія Церкви. Онъ старается сгладить различія, утвержденныя между ними цѣлымъ рядомъ столѣтій. Исповѣдуя сердцемъ одну святую Вселенскую Церковь, онъ съ любовью обращается къ *Восточной ея половинѣ*; сохранившей чистоту Вѣры; а за Римскою Церковію или лучше за Римскою Курією признаетъ одно только право уклоненія отъ истинной, какъ что она является однимъ великимъ расколомъ, который, впрочемъ, не вредитъ единству Вселенской. Софизмъ Папской власти, положенный поперечною чертою чрезъ все это хитрое зданіе человеческой изобрѣтательности, есть представитель раскола, ибо прямо исключаетъ идею о благодатномъ единствѣ. Православная по ученію и

догматамъ, Римская по Риму, главѣ вселенной, столицѣ всего Христіанства (въ то время), убоженной кровію безчисленныхъ исповѣдниковъ, всемірная Церковь стоитъ на основаніи І. Христа и Апостоловъ, и будетъ стоять до скончанія вѣка, хотя бы міръ весь уклонился отъ истины. Имѣя главою Одного Іисуса Христа, Царя вѣковъ, она объемлетъ великимъ союзомъ и небо, и землю, и адъ. *На землѣ нѣтъ намѣстника І. Христа.* Онъ Единный, Вѣчный Первосвященникъ, управляющій Тѣломъ Своимъ невидимо, таинственнымъ образомъ, и видимо, посредствомъ Епископовъ и благочестивыхъ священниковъ. Всѣ Епископы равны между собою, ибо носятъ на себѣ одну печать Духа Святаго. Тѣло Церковное составляетъ не вымышленная коллегія Кардиналовъ, а всѣ, истинно вѣрующіе. Въ немъ не присущи одни только недостойные члены; они хотя и находятся въ Церкви, но не принадлежать къ ея тѣлу, а отсѣкаются судомъ Божиимъ, отъ вѣка предосудившимъ ихъ. — Вотъ главныя начала ученія Гусова, подробно развитыя въ его книгѣ О Церкви. Осуждая его, Латинская Церковь сама провозносила на себя осужденіе. И такъ, повторяемъ, не одну только непогрѣшительность Папы, а *всю великую Папскую личность*, всѣ великіе наросты къ истинному понятію о Церкви, вотъ что отвергалъ Гусъ, и вотъ въ чемъ сходилъ онъ съ Чешскимъ народомъ, который издавна возставалъ на суетные, *языгескіе обряды*, освященные Римскимъ Епископомъ.

Теперь намъ позволено сдѣлать общее заключеніе, что Гусъ ни въ чемъ не отходилъ отъ народныхъ вѣрованій, а явился полнымъ представителемъ ихъ въ началѣ XV столѣтія. Приведенныя выше свидѣтельства *о согласіи его къ преданіямъ Греческимъ* не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы исключать его изъ движенія народнаго, когда исторія говоритъ прямо, что онъ явился жизненнымъ средоточіемъ современныхъ лицъ и событій. Отъ чего, на примѣръ, Иеронимъ, котораго современники считали вѣтверо ученіе Гуса, сохранилъ къ нему всегда покорныя отношенія ученика? Отъ чего онъ всегда находился въ неразлучномъ соединеніи съ Гусомъ, дополняя его дѣятельность, приводя въ исполненіе его предначертанія? Отъ чего всюду, гдѣ Гусъ перестаетъ быть дѣйствующимъ лицомъ, умолкаютъ и свидѣтельства объ Иеронимѣ? Сильвій рѣшилъ этотъ вопросъ, говоря, что «Гусъ пользовался бѣльшимъ уваженіемъ, *какъ старѣйшій и достойнѣйшій* (*Joannes aetate et autoritate major habitus*), а Иеронимъ, какъ ученѣйшій и краснорѣчивѣйшій.» Безиощадно поражая словомъ своимъ грѣхи духовныхъ и мірянъ, Гусъ не лишился уваженія ни тѣхъ, ни другихъ. Любовь высшаго сословія сказала въ

достопамятныхъ словахъ рыцаря изъ Хлума въ полномъ присутствіи членовъ Собора и самаго Императора: «Я бѣдный дворянинъ, и, однако, беруся безъ труда въ продолженіе цѣлаго года охранять Гуса отъ всякаго насилія.» Теперь, что же сказать о другихъ вельможахъ, ему преданныхъ, которые владѣютъ укрѣпленными замками и могутъ свободно на неопредѣленное время защищать его даже противъ соединенныхъ силъ королей Чешскаго и Угорскаго? Все нисшее и среднее духовенство стояло за Гуса. «Nos paucos et pauperes sacerdotes habemus fautores,» говоритъ онъ въ сочиненіи противъ Стефана. Любовь къ нему нисшаго сословія не требуетъ доказательствъ. Во всей Чехіи у него не было враговъ, кромѣ личныхъ завистниковъ его славы и народности. Чѣмъ объяснить это безпредѣльное уваженіе къ Гусу, какъ не полнымъ соответствіемъ между народомъ и его проповѣдникомъ? Воспитанный въ историческихъ преданіяхъ Чешской старины, крѣпко привязанный къ основамъ жизни народной, онъ понялъ потребности своего государства и достойно выполнилъ назначеніе свое, какъ Патріарха религіознаго преобразованія Чехіи. Отъ того смерть его была сильнымъ ударомъ, отозвавшимся во всѣхъ концахъ Чехіи и Моравіи. Она вызвала 13-лѣтнюю брань, въ которой мечъ Таборитовъ разрѣшилъ узелъ, завязанный между Римомъ и Чехіей еще въ X-мъ столѣтіи. Разумѣется, Чехи мстили не за лице, а за мысль, и казнь Гусова была не просто нарушеніемъ народнаго права, а глубокимъ оскорбленіемъ народнаго вѣрованія. Но отъ чего же онъ сожженъ въ 1415 (а не въ 1414 году), а Чехія не поднималась до 1419? могутъ спросить съ сочинителемъ изслѣдованія объ исторіи Чехіи. Причина понятна. До 1419 года царствовалъ въ Чехіи Король Вячеславъ, котораго всѣ усилія клонились къ тому, чтобъ оффиціально оставаться въ мѣрѣ съ Латинскою Церковію, чтобъ сохранить благорасположеніе брата своего, Сигизмунда, адвоката Собора и природнаго защитника Западной Церкви. Онъ удержалъ въ предѣлахъ повиновенія народъ, издавна привыкшій къ послушанію своимъ законнымъ властителямъ, но не могъ до конца поддержать своей роли посредника и сдѣлался жертвою коварной политики, унижившей народную гордость. Образование могущественнаго союза Гуситскихъ Пановъ, числомъ 452; отпаденіе Конрада, Архіепископа Пражскаго, открыто перешедшаго на сторону Гуситовъ; причисленіе Гуса и Иеронима къ лику Святыхъ и нѣкоторыя буйныя сцены внутри самой Праги, показавшія Собору, что владычество Западной Церкви въ Чехіи кончилось, все это было непосредственнымъ слѣдствіемъ сожженія Гуса. За то убійство Сенаторовъ было частнымъ, хотя и неистовымъ, взрывомъ всеобщаго него-

дованія. Все вошло бы въ прежній порядокъ, если бь Король Сигизмундъ безвременной казню гражданина Яна Красы не вывелъ Пражанъ изъ терпѣнія и не сдѣлалъ тѣмъ примиреніе невозможнымъ. Всѣми вѣщими событіями управляетъ единственно мщеніе народное, возбужденное казню подвижниковъ Гуса и Иеронима. Разореніе монастырей и церквей началось не съ 1419, а, по свидѣтельству Кохлая, мѣстами еще съ 1411 года; самъ Жижка, славный вожь Таборитовъ, воспитанъ великою ненавистію къ Западной Церкви за сожженіе Гуса. Оно-то полагаетъ начало всеобщему *обновленію* жизни народной; изъ него развиваются всѣ послѣдующія событія Чешской исторіи до битвы на Бѣлой горѣ. При всемъ разьединеніи Таборитовъ и Чашниковъ, при открытой враждѣ послѣднихъ съ Чешскими Братьями, тѣмъ не менѣе и тѣ и другіе ссылались на Гуса; каждая сторона присвоивала себѣ исключительное право считать его своимъ родоначальникомъ. Нельзя сказать съ достовѣрностію, признавала ли себя (писалась ли) когда-либо Чехія *Гуситскимъ Королевствомъ*; но то несомнѣнно, что названіе Гуситовъ оставалось въ ней до позднѣйшихъ временъ и никогда не считалось безславнымъ. Коменскій не находитъ лучшаго средства заклеймить презрѣніемъ отступниковъ отъ истинной Вѣры, какъ приложить имъ названіе ложныхъ, *falešnych*, Гуситовъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о цѣли, съ которою писано изслѣдованіе г. Елагина. Оно писано подѣ вліяніемъ *народнаго гувства*, возмущеннаго пристрастнымъ сужденіемъ Палацкаго. Признаюсь, досадно становится каждому Русскому, когда историкъ, наиболѣе призванный сказать истину соотечественникамъ, какъ будто съ намѣреніемъ уклоняется отъ священной обязанности и произвольно уничтожаетъ *ближайшую* связь между Русскимъ и Чешскимъ народомъ въ духовномъ общеніи Вѣры. Но г. Елагинъ справедливо замѣтилъ, что въ первыхъ двухъ томахъ исторіи Чешской Палацкій и не думалъ отрицать существованія Грекославянскихъ преданій у Чеховъ. Кто же, читавши исторію Чехіи, не замѣтитъ знаменательной противоположности между важными данными, приведенными въ первыхъ двухъ томахъ, и ея заключительной мыслию? Не уже ли странное сужденіе историка, высказанное какъ бы не хотя, всколзъ, съ очевидной поспѣшностію, въ состояніи поколебать его убѣжденія, основанныя на положительной истинѣ, на неоспоримыхъ доказательствахъ? Въ противномъ случаѣ какъ объяснить, на примѣръ, слѣдующій возгласъ Палацкаго: «Не уже ли отъявленное покровительство Славянской Литургіи въ Чехіи (1039) и знаменательная, безпримѣрная въ Чехіи надпись на монетахъ Брячи-

славовыхъ: «St. Clemens,» дѣло единственно случая?» Истинный смыслъ его получаемъ изъ сравненія съ другимъ показаніемъ того же историка, гдѣ онъ приписываетъ великую важность названіямъ храмовъ по имени Св. Климента, столь тѣсно связаннаго съ Православнымъ служеніемъ Славянскихъ Апостоловъ. Вспомнимъ, что Палацкій писалъ свою Исторію по порученію Чиновъ Королевства, на Нѣмецкомъ языкѣ, для чужаго народа, примѣняя ее къ потребностямъ современной науки. Могъ ли онъ высказать въ этомъ трудѣ *задушевныя* чувства истинно Славянскаго сердца? Любопытно увидѣть, что скажетъ онъ *теперь* въ своей новой Исторіи, которую давно готовить на *родномъ* языкѣ, въ гораздо обширѣйшемъ объемѣ. Во всякомъ случаѣ кажется, что противорѣчіе между нимъ и г. Елагинымъ только мнимое, и четыре строки его Чешской исторіи едва ли заслуживали такое подробное и отчетливое опроверженіе.

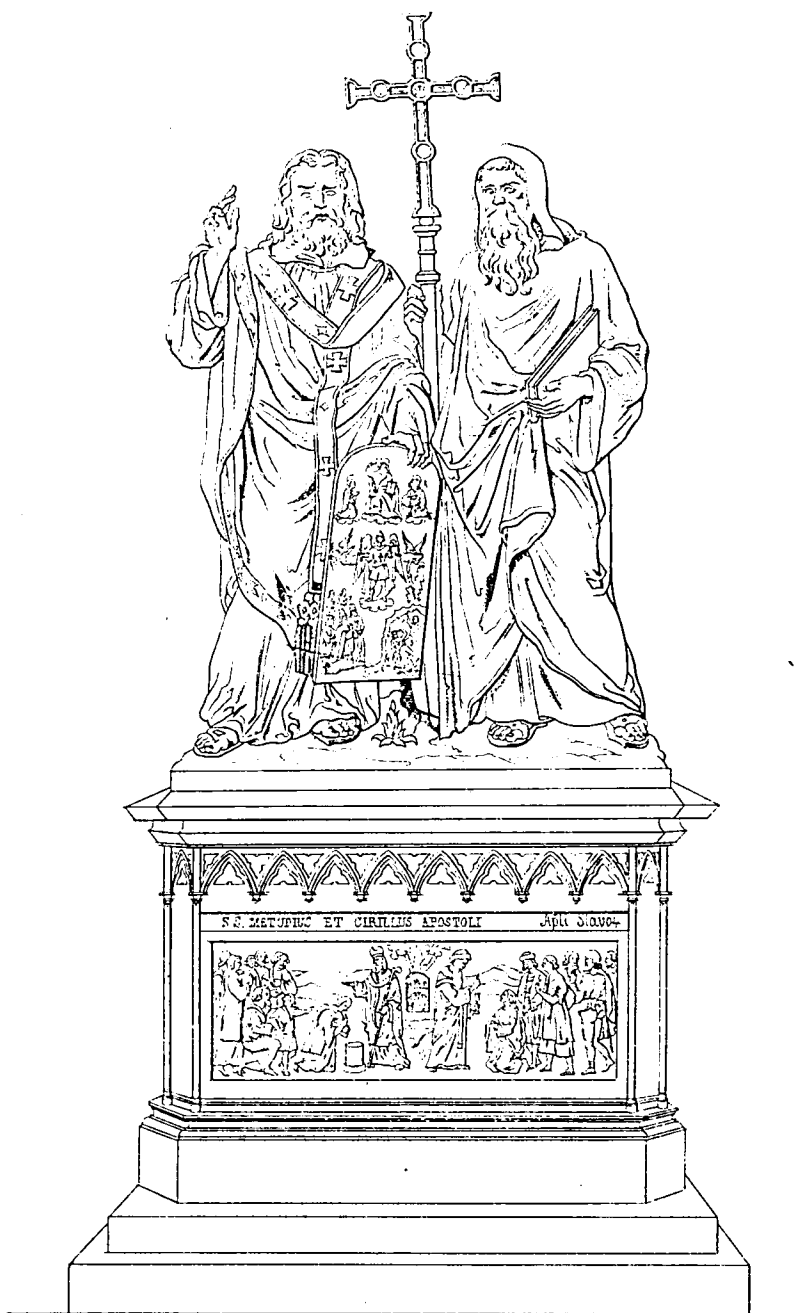
П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Въ доказательство, какъ память о Православіи живуща у Чеховъ, приведу, съ своей стороны, слѣдующія обстоятельства. Послѣ несчастной Бѣлогорской битвы, накликавшей страшныя драгонады Фердинанда II-го на землю Чешскую, а за ними вновь Католицизмъ, до самаго новѣйшаго времени, прѣнія о первобытности Православнаго и Католическаго Исповѣданія въ ней, какъ и прежде до Гуса и послѣ него, не прекращались ни мало. Оставляя въ сторонѣ менѣе замѣчательное, скажу только, что знаменитый глава Славянскихъ критиковъ-филологовъ, незабвенный *Добровский*, всю жизнь свою оспаривалъ во многихъ сочиненіяхъ важность и вліяніе Православія въ Чехахъ и, однако же, подѣ конецъ ея вдругъ сталъ подѣ знамена преслѣдуемаго, изъ гонителя сдѣлался самымъ пламеннымъ защитникомъ и требователемъ гонимаго имъ. Не менѣе славный современникъ его, лексикографъ Чешскій, *Юнгманъ*, скончавшійся прошлой осенью (въ ноябрѣ), рассказывая, въ одной изъ книжекъ Журнала Чешскаго Музея, объ этомъ переворотѣ въ жизни Добровскаго, прибавляетъ, что мысль о Православіи въ Чехахъ до того занимала старца, что онъ нарочно испросилъ аудіенцію у Императора Франца II-го, въ которой самымъ жаркимъ образомъ умолялъ своего Государя о введеніи снова въ Чехахъ Православія, особенно Богослуженія на Церковнославянскомъ языкѣ, коего въ то время былъ онъ первымъ знатокомъ и воздѣльвателемъ. Усилія Добровскаго, хотя и на закатѣ дней, не остались безъ желанныхъ и плодоносныхъ послѣдствій, какъ все, что ни предпринимается нами въ пользу истины и правды. Новѣйшія изслѣдованія преемника Добровскаго, *Шафарика*, совершенно заставили замолчать противниковъ; по крайней мѣрѣ по сию пору не явилось ни одного, сколько ни есть дѣльнаго, возраженія. Съ одной стороны это нашло отголосокъ даже между Польскими писателями, вызвало извѣстное сочиненіе *В. А. Мацкевскаго* «*Pierwotne dzieje Chrześciańskiego Kościoła u Słowian obozga obrzadku* (въ *Pamiętnikach o dziejach, piśmienictwie i prawodawstwie Słowian. Petersburg. 1839;*» а въ Рускомъ переводѣ *О. Евецкаго*: «*Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ. Варшава 1840*),» а съ другой побудило бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Австріи, одного изъ главныхъ покровителей возрождавшейся Чешской Словесности и основателя Чешскаго Народнаго Музея, во время бытности своей Верховнымъ Чешскимъ Бургграфомъ (съ 1816 и слѣд. год.), Графа *Коловрата*, воздвигнуть памятникъ *Святымъ Апосто-*

*ламѣ Славянѣ, Кирилу и Меѳодію, работы славнаго Чешскаго ваятеля въ Римѣ, Макса, и поставить въ главномъ Соборномъ Тынскомъ (или Тейнскомъ) храмѣ Стараго Пражскаго города, древнѣйшемъ въ Прагѣ. Изображеніе этого памятника прилагаю сдѣсь. Вообще, убѣжденіе въ томъ, что *Православіе составляетъ народное Исповѣданіе Славянѣ*, что было время, когда всѣ они были его послѣдователями, теперь болѣе и болѣе проникаетъ въ массы нашихъ соплеменниковъ и вызываетъ многія радостныя явленія въ пользу его. Такъ, въ 25 день марта н. с. (13-го стар.), въ день *Благовѣщенія*, въ Народномъ Сеймѣ трехъ соединенныхъ Королевствъ, Хорватіи, Славоніи и Далматіи, бывшемъ въ столицѣ перваго, Загребѣ, между прочимъ, положено *уничтожить безбрагіе бѣлаго духовенства и ввести снова Церковно-славянскій языкъ въ Богослуженіе*, по старинному праву и обычаю Хорватовъ. Печатаніе книгъ, газетъ и журналовъ *Кирилицей* тоже, пишутъ, опредѣлено и одобрено. А извѣстно, что почти до нашихъ дней Православіе на Югѣ имѣло самыхъ жаркихъ и неутомимыхъ противниковъ въ Хорватахъ, которые всѣ до одного Католики, какъ Нижнелужичане — Протестанты.*

О. Бодянскій.

ПАМЯТНИКЪ СВЯТЫМЪ АПОСТОЛАМЪ СЛАВЯНЪ,
ЛЕОДИЮ И КИРИЛУ ИЗ ПРАГѢ.